

ЭКОНОМИКА **и УПРАВЛЕНИЕ:** научно-практический журнал

Выходит с 1994 года

*Актуальные проблемы
экономики и общества*

Региональная экономика

*Менеджмент.
Экономика предприятия*

Финансы

Социально-политические процессы

5/2020

ISSN 2072-8697

9 772072 869021 >

Редакционный совет

Н.З. Арабаджийски, профессор департамента Администрации и управления Нового болгарского университета, д-р экономики, профессор

Р.Р. Ахунوف, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан (АН РБ), заведующий лабораторией современных проблем региональной экономики Уфимского федерального исследовательского центра (УФИЦ) Российской академии наук (РАН), д-р экон. наук

М.А. Аюпов, член-корреспондент АН РБ, д-р полит. наук, профессор

А.Р. Бахтизин, член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН, д-р экон. наук, профессор

В.И. Буренко, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

В.М. Валиев, директор НИИ экономических реформ Министерства экономического развития Азербайджана, д-р экон. наук, профессор

Д.А. Гайнанов, директор Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН, д-р экон. наук, профессор

А.М. Ганиев, руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан

М.Н. Грачев, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

К.Е. Гришин, директор Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, д-р экон. наук, доцент

А.Н. Дегтярев, член-корреспондент АН РБ, вице-президент АН РБ, д-р экон. наук, профессор

О.И. Зазнаев, заведующий кафедрой политологии Казанского федерального университета, д-р юрид. наук, профессор

Л.Е. Ильичева, директор программ Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), д-р полит. наук, профессор

Ю.Г. Коргунок, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, д-р полит. наук

И.Р. Кызыргулов, ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ) (председатель Совета), д-р физ.-мат. наук, доцент

А.В. Кынев, доцент департамента политических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», канд. полит. наук, доцент

Т.Б. Лейберт, директор Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета, д-р экон. наук, профессор

Р.Х. Марданов, начальник Уральского главного управления Центрального банка Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент

Г.Н. Никонова, член-корреспондент РАН, заведующая аспирантурой, заведующая отделом прогнозирования трансформации экономических структур и земельных отношений Северо-Западного НИИ экономики и организации сельского хозяйства, д-р экон. наук, профессор

А.В. Павроз, доцент кафедры политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, д-р полит. наук, доцент

П.В. Панов, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского Отделения РАН, д-р полит. наук, профессор

О.Б. Подвинцев, директор Пермского филиала Института философии и права Уральского Отделения РАН по исследованию политических институтов и процессов, д-р полит. наук, профессор

А.А. Пороховский, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор

А.В. Скиперских, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Перми, д-р полит. наук, профессор

Л.Н. Тимофеева, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, д-р полит. наук, профессор

К.Б. Толкачев, председатель Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, д-р юрид. наук, профессор

В.И. Трубников, вице-президент Российского совета по международным делам, член дирекции Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

О.Ф. Шабров, заведующий кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС, д-р полит. наук, профессор

А.В. Янгиров, ректор Института развития образования Республики Башкортостан, д-р экон. наук, доцент

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки: **08.00.01** – Экономическая теория (экономические науки), **08.00.05** – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), **23.00.02** – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

ПРАВИЛА

направления статей для опубликования в издании
«Экономика и управление: научно-практический журнал»

1. Статья, представляемая в редакцию, должна быть оформлена согласно настоящим правилам и соответствовать профилю журнала. В авторских данных указываются фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание (если есть), место работы и занимаемая должность, электронный адрес.

2. Статья объемом от 6 страниц (шрифт Times New Roman Суг, кегль 14, интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см, поля — 2 см со всех сторон), набранная в Word, направляется на адрес редакции: ekonuprav@ufanet.ru. Заголовок статьи — не более 8 слов. Страницы нумеруются. Таблицы и графические изображения (рисунки, схемы) даются в черно-белом варианте. Формулы, рисунки и таблицы должны быть доступны для внесения в них (при необходимости) корректив.

3. Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке (сначала русские, затем — иностранные). Источники нумеруются, ссылки на них приводятся в тексте статьи в квадратных скобках. При включении в список электронного ресурса необходимо указать его название. В списке литературы доля работ автора не должна превышать 30 %.

4. Аннотация (до 5 предложений, но не более 10 строк), ключевые слова (5–8) и заголовок статьи представляются на русском и английском языках.

5. Автор статьи несет ответственность за подбор, правильность и точность приводимых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений.

6. К статье также прилагается небольшая рецензия из вуза, научного учреждения (с подписью и печатью).

7. Оригинальность представляемого материала (включая список литературы) должна составлять не менее 80 %.

Подробнее смотрите здесь:

<http://www.inefb.ru/econuprav-ufa/115-econuprav/1418-informatsiya-dlya-avtorov>

Регистрационный номер и дата принятия решения: серия ПИ № ФС77-73135 от 22 июня 2018 г. В запись о регистрации СМИ изменения внесены Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс издания в Объединенном каталоге «Пресса России» на первое полугодие 2021 года — **11487**.

Экономика и управление: научно-практический журнал

№ 5 (155)

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы экономики и общества

А. АХМАДЕЕВ. Формирование инвестиционной политики государства	4
У. БАРЛЫБАЕВ. Взгляд на основы современной экономической системы	8
И. ГЕРСОНСКАЯ. Инвестиционная активность государственного сектора экономики России	12
Р. ШАРАФУЛЛИНА, И. ГАБИТОВ. Роль институционального потенциала в эффективном управлении	18
К. ГОЛИН. Зависимость от экспорта энергоресурсов как ключевой фактор геополитической уязвимости России	22
А. ШЕСТАКОВИЧ. Институты диверсификации экономики Объединенных Арабских Эмиратов	25
А. СУКИАСЯН. Диалог Россия – США в истории отечественной инвестиционной политики 1991 – начала 2000-х гг.	28

Региональная экономика

А. ЯНГИРОВ, А. МУХАМЕТОВА. Особенности управления региональным развитием в условиях цифровизации	31
Л. ВАЛИУРОВА, К. ГИНДУЛЛИНА. Предпосылки формирования модели управления инновационной деятельностью региона	34
Ж. КАЗИЕВА, С. ЧЕРКАСОВА, З. МУРАДОВА. Развитие интеграционных процессов в промышленности Дагестана	38
Н. ЦЫЦАРОВА, Г. ФЕДЮКОВА. Роль технопарков в цифровой трансформации промышленности региона	42
Д. ЕНИКЕЕВА. Анализ конкурентной среды на товарных рынках Республики Башкортостан	49
С. ДЕБУНОВ. Формирование модели предпринимательской структуры кластерного типа в регионе	54
И. НОВИКОВА. Предпосылки развития точек роста региональной конкурентоспособности в Челябинской области	58

Менеджмент. Экономика предприятия

М. РИЗВАНОВА. Развитие системы управления персоналом в условиях эпидемиологической ситуации	65
А. НОВОСЕЛОВ. Разработка предложений по адаптации передовых российских и зарубежных методов управления НИР и ОКР на предприятии космического приборостроения	71
М. ГАЙФУЛЛИНА, В. МАКОВ. Управление кадровым резервом предприятия нефтегазового комплекса	80

А. ЖЕЛАМСКАЯ, О. ЯКУБОВА. Цифровизация управления государственной экономической поддержкой работников водного транспорта	85
А.В. ПЕТРОВА. Определение технологических зон распределительного центра	89
С. МАРИЧЕВ. Критический анализ производственного метода оценки вклада цифровой экономики в экономический рост	93
Н. ЮРИНА. Цифровая платформа как основополагающий элемент управления отраслью растениеводства	96

Финансы

Б. ДЕМИЛЬХАНОВА, В. УСМАНОВ. Муниципальный финансовый контроль: элементы и обеспечение взаимосвязи между ними	100
Д. КАСИМОВА, Т. КАСИМОВ. Анализ качественного состава собственного капитала организаций Республики Башкортостан	106
А.А. ПЕТРОВА. Денежно-кредитная политика Центрального банка в условиях пандемии 2020	111
Б. ДУЙСЕНБАЕВА, А. АСАНОВА, А. ТАНЖАРИКОВА. Современное состояние корпоративного банковского кредитования	116
К. ГАРАЕВА, Э. ИСХАКОВА. Управление коммерциализацией интеллектуальной собственности: условия, факторы, принципы, модели	120
Л. ШИЛЬДТ, Р. МУСЛИМОВА. Законодательные новации применения эскроу-счетов в строительной отрасли	126
Н. ТРУШИНА. Банкротство юридических лиц: актуальные причины и динамика	129

Социально-политические процессы

Н. ГЛУХАНЮК, О. КОРОПЕЦ, М. ЮРТАЕВА. Социально-психологическое благополучие работников: опыт экспертной параметризации	134
Р. ЛАТЫПОВ. Политический режим неопринципата: циклы транзита власти	139
О. АЛЕКСЕЕВ. Конфликт vs конкуренция: к вопросу о механизмах регулирования, устойчивости и изменчивости рыночного порядка экономики	143
М. ХАМУРАДОВ, И. МУЦИЕВ. Инвестиционный потенциал как результат социального благополучия региона	148
Г. ГИМРАНОВ. Институциональные аспекты экономики совместного потребления	151

CONTENTS

Actual Problems of Economy and Society

A. AKHMADEEV. Formation of the Investment Policy of the State	4
U. BARLYBAEV. Look at the Foundations of the Modern Economic System	8
I. GERSONSKAYA. Investment Activity of the Public Sector of the Economy of Russia	12
R. SHARAFULLINA, I. GABITOV. Role of Institutional Capacity in Effective Management	18
K. GOLIN. Dependence on Energy Exports as a Key Factor in Russia's Geopolitical Vulnerability	22
A. SHESTAKOVICH. Institutions of Economic Diversification in the United Arab Emirates	25
A. SUKIASYAN. Russia-USA Dialogue in the History of Russian Investment Policy in 1991 – early 2000's	28

Regional Economy

A. YANGIROV, D. MUKHAMETOVA. Features of Regional Development Management in the Context of Digitalization	31
L. VALINUROVA, K. GINDULLINA. Prerequisites for Formation of Regional Innovation Management Model	34
Zh. KAZIEVA, S. CHERKASOVA, Z. MURADOVA. Development of Integration Processes in the Industry of Dagestan	38
N. TSYTSAROVA, G. FEDYUKOVA. Role of Technoparks in the Digital Transformation of the Region's Industry	42
D. ENIKEEVA. Analysis of the Competitive Environment in the Commodity Markets of the Republic of Bashkortostan	49
S. DEBUNOV. Development of a Cluster-Type Business Structure Model in the Region	54
I. NOVIKOVA. Preconditions for the Development of Points of Growth of Regional Competitiveness in the Chelyabinsk Region	58

Management. Enterprise Economy

M. RIZVANOVA. Development of the Personnel Management System in the Context of an Epidemiological Situation	65
A. NOVOSELOV. Development of Proposals for the Adaptation of Advanced Russian and Foreign Methods of R&D Management at a Space Instrument-Making Enterprise	71
M. GAIFULLINA, V. MAKOV. Management of Personnel Reserve of Oil and Gas Complex Enterprise	80
A. ZHELAMSKAYA, O. YAKUBOVA. Digitalization of Management of State Economic Support for Water Transport Workers	85
A.V. PETROVA. Definition of Technological Zones of the Distribution Center	89
S. MARICHEV. Critical Analysis of the Production Method for Assessing the Contribution of the Digital Economy to Economic Growth	93
N. YURINA. Digital Platform as a Fundamental Element of Crop Management	96

Finance

B. DEMILKHANOVA, V. USMANOV. Municipal Financial Control: Elements and Ensuring the Relationship between Them	100
D. KASIMOVA, T. KASIMOV. Analysis of the Qualitative Composition of the Equity Capital of Organizations in the Republic of Bashkortostan	106
A.A. PETROVA. Monetary Policy of the Central Bank of Russia at the Pandemic of 2020	111
B. DUSENBAEVA, A. ASANOVA, A. TANZHARIKOVA. Current State of Corporate Banking Lending	116
K. GARAEVA, E. ISKHAKOVA. Management of Intellectual Property Commercialization: Conditions, Factors, Principles, Models	120
L. SHILDT, R. MUSLIMOVA. Legislative Innovations in the Use of Escrow Accounts in the Construction Industry	126
N. TRUSHINA. Bankruptcy of Legal Entities: Current Causes and Dynamics	129

Socio-political Processes

N. GLUKHANYUK, O. KOROPETS, M. YURTAEVA. Social and Psychological Well-Being of Employees: Experience of Expert Parameterization	134
R. LATYPOV. Neo-Principle Political Regime: Cycles of Power Transit	139
O. ALEKSEEV. Conflict vs Competition: on the Issue of Regulatory Mechanisms, Stability and Variability of the Market Order of the Economy	143
M. KHAMURADOV, I. MUTSIEV. Investment Potential as a Result of Social Well-Being of the Region	148
G. GIMRANOV. Institutional Issues of Sharing Economy	151

Редакционная коллегия

Р.Ф. Латыпов (главный редактор), И.В. Буренина, Л.С. Валинурова, И.В. Дегтярева, Ю.Н. Дорожкин, В.В. Еникеев (заместитель главного редактора), Н.А. Кузьминых, С.Н. Лаврентьев, А.В. Морозова (ответственный секретарь), Д.Р. Орлова, Г.М. Россинская, Н.З. Солодилова, С.Н. Шкель

Публикуемые материалы могут отражать точку зрения авторов, которая не совпадает с мнением редколлегии журнала.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© «Экономика и управление: научно-практический журнал», 2020.

Формирование инвестиционной политики государства

Formation of the Investment Policy of the State (DOI: 10.34773/EU.2020.5.1)

А. АХМАДЕЕВ

Ахмадеев Амир Муллагалеевич, д-р экон. наук, профессор кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: amir.ahmadeev@mail.ru

Основной целью государственной инвестиционной политики в РФ должно стать достижение благоприятного инвестиционного климата, который приведет к притоку инвестиций в ее экономику. Именно поэтому важная роль в этом механизме отводится научно обоснованной инвестиционной политике государства, потому что только она может определить реальные источники, направления, структуру инвестиций, осуществить рациональные и эффективные меры для выполнения общегосударственных, региональных и местных социально-экономических и технологических программ, воссоздать процессы на макро- и микроэкономическом уровнях.

Ключевые слова: инвестиционная политика государства, прямые иностранные инвестиции, инвестиционный ландшафт.

The main goal of the state investment policy in the Russian Federation should be to achieve a favorable investment climate that will lead to an influx of investment in its economy. That is why an important role in this mechanism is assigned to the science-based investment policy of the state, because only it can determine the real sources, directions, and structure of investment, implement rational and effective measures to implement national, regional, and local socio-economic and technological programs, and recreate processes at the macro- and micro-economic levels.

Key words: state investment policy, foreign direct investment, investment landscape.

На основании данных, представленных в отчете ЮНКТАД о мировых инвестициях за 2020 год, объем поступлений прямых иностранных инвестиций в РФ в 2019 году существенно вырос и достиг 31,7 млрд долларов США. Прирост составил почти 140 % по сравнению с 2018 годом (13 млрд долларов США) [1].

В последние годы инвестиционный ландшафт в России формируется рядом важных факторов. К ним относятся:

– создание правовой системы. Россия идет по пути построения современной правовой системы. В 2019 году Россия заняла 31-е место (из 190 стран) в ежегодном рейтинге Всемирного банка Doing Business, который отражает общую легкость ведения бизнеса в стране. Категории рейтинга включают, помимо прочего, легкость открытия бизнеса, регистрации собственности и исполнения контрактов [2];

– влияние международных санкций. Действующие санкции оказали негативное влияние на инвестиции ЕС и США в Россию. Для российских предприятий, пострадавших от санкций, получение акционерного и долгового финансирования ЕС и США остается сложной задачей. С учетом сохраняющегося риска новых санкций необходимы специальные механизмы выхода в контексте российских совместных предприятий.

С другой стороны, с момента введения санкций в 2014 году инвестиции в Россию со стороны китайских и других азиатских инвесторов растут. Увеличились и восточные инвестиции российских крупных компаний.

В 2017 году был принят новый закон, предусматривающий более тщательный контроль за входящими инвестициями. Согласно новому закону, любое приобретение иностранным инвестором «контроля» над любой российской компанией (или ее активами сверх определенного установленного порога) может подлежать пересмотру с точки зрения национальной безопасности. Однако важно понимать, что это отражает глобальную тенденцию к более тщательному изучению иностранных инвестиций в рамках ОЭСР.

Двусторонние инвестиционные договоры и многосторонние конвенции. Россия имеет обширную сеть двусторонних инвестиционных договоров (Дид) с другими странами и подписала ряд конвенций.

В сентябре 2016 года Россия приняла новые руководящие принципы по Дид. Новые руководящие принципы определяют ключевые принципы любого нового Дид, который может заключить Россия в будущем. Дид заключаются минимум на 10 лет. По истечении первоначального срока действия Дид возобновляется или прекращается путем уведомления другой стороны (в последнем случае положения договора будут продолжать применяться к инвестициям, осуществленным в течение первоначального срока действия договора, в течение последующего 10-летнего периода) [5, 313].

Международные договоры, имеющие обязательную силу для России, являются частью российского законодательства и имеют преимущественную силу перед внутренним законодательством.

Ограничения на иностранные инвестиции. Как и во многих других юрисдикциях, значительные иностранные инвестиции в местные предприятия требуют одобрения правительства. Российские регуляторы обладают широкими полномочиями и имеют право блокировать иностранные приобретения по соображениям национальной безопасности. Российское законодательство также накладывает ограничения на иностранную собственность в некоторых секторах. Эти ограничения должны быть тщательно оценены в рамках стратегии управления рисками и выхода инвестора из России.

Ограничения на инвестиции в стратегические секторы бизнеса. Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» от 29.04.2008 № 57-ФЗ (последняя редакция) (далее – закон «О стратегических инвестициях») предусматривает, что приобретение иностранными инвесторами «контроля» над российскими компаниями, осуществляющими деятельность в стратегических секторах бизнеса (стратегические компании), требует согласия правительства. Регулирующий орган имеет право возложить определенные обязательства на иностранного инвестора в качестве условия предоставления согласия на приобретение [4].

Доля сделок, совершенных с нарушением закона «О стратегических инвестициях», крайне мала. В таких случаях закон требует, чтобы вовлеченные стороны были восстановлены, насколько это возможно, на своих первоначальных позициях. Кроме того, в таких случаях регулирующие органы вправе требовать либо аннулирования сделки, либо аннулирования любого права голоса, принадлежащего соответствующему иностранному инвестору в отношении собраний акционеров или участников, а также аннулирования любых решений или сделок стратегической компании, принятых или заключенных после получения контроля (в нарушение правил) иностранным инвестором.

В декабре 2014 года вступили в силу поправки к закону «О стратегических инвестициях», которые распространяют требование о согласии правительства на сделки, связанные с приобретением прав собственности (например, договоры купли-продажи), владения или пользования (например, договоры аренды) основными производственными активами стратегических компаний, составляющими 25 % и более балансовой стоимости активов соответствующей стратегической компании.

Федеральная антимонопольная служба (ФАС) отвечает за предоставление согласия на инвестирование в стратегические компании. Окончательная ответственность за принятие решений возлагается на специальную правительственную комиссию, возглавляемую Председателем Правительства РФ.

Стратегические сектора экономики. Закон «О стратегических инвестициях» определяет отрасли бизнеса, которые являются «стратегическими» для российской экономики. Компания, зарегистрированная в России, будет считаться стратегической компанией и попадать под действие закона «О стратегических инвестициях», если она занимается хотя бы одним стратегическим

сектором. Ниже приведены некоторые примеры секторов, которые считаются «стратегическими»:

- разработка месторождений недр федерального значения (стратегические области);
- атомная отрасль;
- естественные монополии (например, трубопроводный транспорт нефти и газа, железные дороги, транспортные терминалы и аэропорты);
- некоторые морские портовые операции;
- авиационная промышленность и космическая деятельность;
- военная промышленность;
- основные телекоммуникационные и печатные средства массовой информации.

В июле 2017 года в закон «О стратегических инвестициях» были внесены поправки, предусматривающие, что любое приобретение контроля над любой российской компанией (независимо от того, занимается она стратегическим сектором или нет) или ее активами (с учетом определенных пороговых значений) может подлежать пересмотру по соображениям национальной безопасности в соответствии с законом «О стратегических инвестициях».

Понятие иностранного инвестора. Как правило, любое юридическое лицо, зарегистрированное в юрисдикции за пределами России, является иностранным инвестором. Поэтому ограничения закона «О стратегических инвестициях» могут распространяться не только на вливания иностранного капитала, но и на инвестиции, осуществляемые иностранными транспортными средствами российских компаний, а также на совместные предприятия, зарегистрированные за пределами России. Зарегистрированные в России компании, контролируемые иностранными инвесторами, сами считаются иностранными инвесторами для целей закона «О стратегических инвестициях».

С 12 июня 2018 года иностранные граждане и граждане Российской Федерации, имеющие гражданство другого государства, считаются иностранными инвесторами в соответствии с законом «О стратегических инвестициях» [5, 314].

Ограничения на приобретение стратегических компаний иностранными государствами, международными организациями и подконтрольными им субъектами являются более жесткими, чем те, которые применяются к другим иностранным инвесторам.

30 июля 2017 года вступили в силу поправки к закону «О стратегических инвестициях», которые распространили ограничения, действующие в отношении иностранных государств и международных организаций, на иностранных инвесторов, зарегистрированных в определенных оффшорных юрисдикциях (оффшорных компаниях).

С 12 июня 2018 года:

- понятие «оффшорные компании» было отменено;
- ограничения, ранее применявшиеся к оффшорным компаниям, распространялись на любых иностранных инвесторов, которые не раскрывают информацию о своих контролирующих акционерах и бенефициарах соответствующим регуляторам в России (не раскрывающие информацию инвесторы).

Иностранные государства, международные организации, не раскрывающие информацию инвесторы и подконтрольные им организации обязаны получить предварительное согласие на приобретение права прямого или косвенного контроля над более чем 25 % голосующих акций или долей участия (или права блокировать управленческие решения) стратегического общества или более чем 5 % голосующих акций или долей участия в стратегическом Недропользовательском обществе в каждом случае с учетом указанных выше ограничений иностранного владения.

В соответствии с законом «О стратегических инвестициях» в целях проверки контроля, как правило, консолидируются активы всех иностранных суверенных инвесторов, международных организаций и нераскрытых инвесторов (независимо от того, связаны ли такие инвесторы) в стратегической компании. С 12 июня 2018 года активы инвесторов, не раскрывающих информацию, могут быть исключены из расчета при соблюдении определенных условий.

Следует отметить, что 17 января 2019 года Конституционный Суд России постановил, что ряд ограничений являются чрезмерно широкими, непропорционально расплывчатыми и неконституционными. Российское законодательство будет обязано внести поправки в закон, чтобы привести его в соответствие с Конституцией.

О некоторых видах вливаний капитала в российские СМИ иностранными инвесторами необходимо сообщать в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Аудиовизуальные сервисы и новостные агрегаторы. С 1 июля 2017 года ограничения на иностранное владение распространяются на владельцев и поставщиков аудиовизуальных услуг. В соответствии с Федеральным законом № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» к аудиовизуальным услугам относятся веб-сайты, веб-страницы, информационные системы и программное обеспечение, которые:

- используются для агрегирования и обеспечения доступа к аудиовизуальному контенту в режиме онлайн;

- ежедневно получают доступ более 100 000 пользователей в России;

- предоставляют контент за отдельную плату или после просмотра рекламы, ориентированной на российских пользователей.

Поисковые системы и некоторые другие информационные ресурсы исключены из законодательного определения понятия «аудиовизуальная услуга».

Аудиовизуальные услуги могут принадлежать только российским компаниям или гражданам России, не являющимся гражданами каких-либо других стран.

Если иное не предусмотрено международным договором, участником которого является Россия, иностранные государства, международные организации, подконтрольные им субъекты, иностранные компании, российские компании, которые более чем на 20 % принадлежат иностранцам; граждане Российской Федерации, имеющие гражданство другого государства; связанные лица вышеуказанных лиц, которые индивидуально или коллективно владеют информационным ресурсом, который используется для распространения аудиовизуального контента в интернете и имеет менее 50 % своих пользователей, расположенных в России, могут прямо или косвенно контролировать более 20 % акций или долю участия в российском владельце аудиовизуального сервиса только с предварительного согласия правительства.

С 1 января 2017 года новостными агрегаторами могут владеть только российские компании и граждане России. За некоторыми исключениями, новостные агрегаторы включают программное обеспечение и веб-страницы, которые:

- используются для обработки и распространения новостей на русском языке в режиме онлайн;

- содержат рекламу, ориентированную на потребителей в России;

- имеют более 1 миллиона посетителей в день.

Литература

1. Отчет ЮНТКАД о мировых инвестициях за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf

2. Рейтинг ведения бизнеса в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doingbusiness.org/en/data/exploreconomies/russia>

3. Рейтинг ведения бизнеса в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/country/r/russia/RUS.pdf>

4. Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» от 29.04.2008 № 57-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76660/

5. Щербакова К.А. Инвестиционная политика РФ на современном этапе // Молодой ученый. 2018. № 51. С. 313–315.

6. Global Investment Trends Monitor, ЮНТКАД, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diaeiainf2019d2_en.pdf

Взгляд на основы современной экономической системы

Look at the Foundations of the Modern Economic System (DOI: 10.34773/EU.2020.5.2)

У. БАРЛЫБАЕВ

Барлыбаев Урал Адигамович, канд. экон. наук, доцент кафедры управления проектами и маркетинга Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: ural_barlybaev@mail.ru

В статье выявлены истоки и прослежена эволюция либеральной парадигмы в тесной связи с теми конкретными историческими, политическими и социальными условиями, предопределявшими мировоззренческий контекст данной идеи, кардинально меняющими ее смысл и цели. Большое внимание уделено тому, что массово внедряемое в сознание российских граждан и, особенно, управленческой элиты, через неоклассические экономические теории и концепции, а также через основанные на них практические преобразования в обществе и экономике, мировоззрение либерализма несет огромную угрозу для будущего страны. Показано, что мейнстримное экономическое учение в контексте современных социально-политических и экономических реалий, по сути, выступает в роли апологета безнравственного и бесчеловечного экономического поведения и социального порядка.

Ключевые слова: экономическая система, либеральная парадигма, мейнстрим.

The article reveals the origins and traces the evolution of the liberal paradigm in close connection with those specific historical, political and social conditions that predetermined the worldview context of this idea, radically changing its meaning and goals. Much attention is paid to the fact that the worldview of liberalism, massively introduced into the minds of Russian citizens and, especially, the management elite, through neoclassical economic theories and concepts, as well as through practical transformations in society and economy based on them, poses a huge threat to the country's future. It is shown that the mainstream economic doctrine in the context of modern socio-political and economic realities, in fact, acts as an apologist for immoral and inhuman economic behavior and social order.

Key words: economic system, liberal paradigm, mainstream.

Рыночные реформы, проводимые в постсоветский период в различных отраслях и сферах народного хозяйства России, привели к значительному разрушению научного и производственного потенциала, усилению технологической зависимости страны, снижению качества человеческого и социального капитала, беспрецедентному усилению социального неравенства. «Особенно сильному разрушению подверглись отрасли, являющиеся базовыми для долгосрочного развития общества и государства, в частности образование, наука, высокотехнологичные производства и культура. Всеобщая коммерциализация народного хозяйства и социальной сферы привела к трансформации и беспрецедентному упрощению функций субъектов этих сфер, превращая их в элементарных поставщиков на рынок высокотехнологичных товаров, научных, образовательных и культурных услуг» [2, 88].

Идеологическую предпосылку этих трансформаций, ставящих под угрозу перспективы развития страны и существование самого государства, составляет парадигма либерализма и основанное на ней экономическое мировоззрение. «Эта идеология упорно и целенаправленно распространяется и насаждается по всему миру представителями mainstream – господствующего течения мировой экономической мысли, навязывается в качестве единственно верной основы экономического порядка ключевыми субъектами пока еще однополярного современного миропорядка всем остальным странам, нередко принудительными и насильственными способами» [1, 225].

Основанная на либеральном подходе, мейнстримная экономическая мысль признает реальность лишь индивидуального эгоистического интереса, содержание которого сводится к максимизации индивидом своей выгоды, удовольствия. Данная традиция свое начало в экономической науке взяла еще от «невидимой руки рынка» А. Смита. В целом же либерализм был

обоснован еще Д. Юмом, Б. МанDEVИЛЕМ, Ш.-Л. МОНТЕСКЬЕ и другими мыслителями [5, 39–40; 7, 18; 10, 90].

На основе анализа трудов основоположников либерализма можно сделать следующие выводы. Во-первых, либерализм они рассматривали как эффективный и естественный механизм формирования политического и общественного порядка, основанный на демократических нормах и ценностях. Во-вторых, основоположники либерализма «не абсолютизировали роль частного эгоистичного интереса в экономике, признавая не только реальность индивидуальных интересов, но и интересов различных общностей, не сводимых к индивидуальным интересам» [2, 88].

Восхождение либералов не было таким гладким, как иногда кажется при прочтении учебников по современной экономической теории. В самом начале пути альтернативная парадигма для экономической науки была выдвинута представителями исторической школы. Далее эстафету переняли сторонники институционального подхода. Сегодня убедительные аргументы против либеральной парадигмы выдвигают представители эволюционной и поведенческой экономики.

Главную задачу экономической науки представители альтернативных либерализму учений видели не в прогнозе и предсказании, а понимании функционирования и развития хозяйственной системы как одной из составных частей общества. При этом они отрицали механистический подход к экономике как к равновесной системе и представляли экономику как эволюционирующую систему, подчиненную принципу «кумулятивной» причинности, согласно которому экономическое развитие является результатом взаимодействия различных факторов, усиливающих друг друга.

Этапом, существенно изменившим противостояние либеральных экономистов и их оппонентов, стал знаменитый спор между К. Менгером и Г. Шмоллером. «С позиций сегодняшнего дня становится ясным, что идеи Г. Шмоллера и его последователей отличались, по сравнению с идеями либералов, глубиной осмысливания реальной хозяйственной жизни, концептуальной цельностью и логической завершенностью» [4, 84]. Достигнутое К. Менгером формальное превосходство над Г. Шмоллером в этом споре оказалось «пирровой победой», приведшей в конечном итоге к мировоззренческому и методологическому тупику в мировой экономической мысли.

Особую актуальность для российской экономической истории приобретает мысль Г. Шмоллера о том, что «экономическая наука не должна пренебрегать историческими и этическими аспектами хозяйственной жизни, полностью сводя ее к рационализму и материализму, что в центр науки необходимо ставить не мир благ и капитала, а снова человека» [4, 84].

Говоря о российской экономической науке, следует подчеркнуть, что в целом воззрения отечественных ученых традиционно отличались более глубоким пониманием обусловленности хозяйственных процессов историческими, социальными, культурными и нравственными факторами и условиями. Так, еще первый академик среди российских экономистов А.К. Шторх в своем знаменитом «Курсе политэкономии» (1815 г.) наравне с вещественным капиталом анализировал и невещественный капитал, доказывая их совершенное сходство и равное значение с позиций достижения благоденствия народа.

Заслуживает внимания наследие академика И. Янжула. Особенно актуальны его слова о том, что «ни одна из добродетелей, создающих богатства в стране, не имеет такого крупного значения, как честность. Без доверия, которое на ней покоится, не может развиваться ни промышленность, ни торговля. Поэтому все цивилизованные государства считают своим долгом обеспечить существование этой добродетели самыми строгими законами и требовать их исполнения» [12, 8–9].

В контексте современных реалий декларируемая официально господствующая идеология неолиберализма является не фундаментом эффективной экономики, а наоборот, усиливающим негативные тенденции в экономике фактором.

Современная экономика безжалостно, неустанно и бессмысленно перемалывает в огромных объемах бесценные ресурсы человечества ради самой себя, ради самого воспроизводственного процесса. Отсутствует реальная привязка к удовлетворению разумных потребностей граждан и повышению благосостояния всего общества. Можно сказать, что современная экономика является «служанкой финансово-промышленных олигархических групп и обеспечивает непрерывное и безграничное накопление их богатства».

Можно привести еще много примеров, наглядно и убедительно демонстрирующих антигуманный и разрушительный характер современной системы хозяйствования, нацеленной преимущественно на максимизацию частных и во многом фиктивных благ за счет беспощадной эксплуатации природы и общества, на ущемление интересов большинства ради достижения гипертрофированных целей и стремлений меньшинства.

Так, академик РАН В. Бетелин, описывая существующий воспроизводственный механизм промышленности, отмечает, что «современная промышленность в целях обеспечения непрерывности получения высоких прибылей и сохранения конкурентоспособности вынуждена постоянно сокращать срок службы выпускаемых изделий и сроки внедрения новых изделий, что в конечном итоге оборачивается бессмысленным и бесполезным растраниванием ограниченных и ценнейших ресурсов человечества в огромных количествах» [11, 51].

Аналогичные ситуации складываются в таких отраслях и сферах, как торговля, IT-технологии и, что вызывает особенное беспокойство, – в фармацевтике и здравоохранении. Ушло на второй план их истинное общественное предназначение – забота о здоровье и благополучии людей, при этом на первый план вышли корыстные, а нередко и аморальные мотивы деятельности. Так, В. Ефимов, изучив изнутри в ходе стажировки деятельность компании «Ашан» и столкнувшись с достаточно сомнительной с моральной точки зрения политикой руководства в отношении поставщиков, сотрудников и покупателей, пишет: «Мое включенное наблюдение заставило меня начать сомневаться в распространяемом фирмой мифе о том, что она делает все для счастья как своих сотрудников, так и покупателей» [6, 53].

Огромную угрозу также создает все больше охватывающая российскую систему здравоохранения проблема «развода» пациентов на деньги путем избыточных назначений – процедур, анализов и лекарств. По сути, мы наблюдаем процесс вовлечения врачей в единое коммерческое сообщество, в которое объединены фармацевтические компании, крупные аптечные сети и клинические лаборатории. Главная цель этой коалиции – максимизация выгоды ее участников за счет перераспределения доходов больных людей в свою пользу путем принуждения их проходить ненужные процедуры, сдавать не требующиеся для диагностики анализы, покупать дорогие и малоэффективные (может быть, даже вредные для их здоровья) лекарственные средства. По сути, такое поведение мало чем отличается от поведения торгующих наркотиками подпольных дельцов [9].

Проблема заключается в порочности основополагающих, мировоззренческих принципов, составляющих фундамент данного учения. Так, оно основано на игнорировании жизненно важной для общества связи между социальными обязательствами и индивидуальными предпочтениями. Ущербное экономическое мировоззрение, основу которого составляет абстрагированная от реальности модель экономического человека с целевой установкой на максимизацию собственной выгоды, соответственно, потребительское, а подчас и хищническое отношение к окружающей среде – хозяйственной системе, людям, природе, никак не способствует укреплению культурных и моральных устоев общества.

Подход к управлению народным хозяйством и его составными частями с позиций неолитерализма не состоятелен и в методологическом плане, так как не учитывает социально-культурную специфику страны и историческую обусловленность ее экономики. Исторические, культурные и социальные условия и факторы экономического развития тесно переплетены, накладываются друг на друга и потому оказывают определяющее воздействие на движущие силы, характер функционирования и развития, целевые ориентиры национальной экономики. Существенные экономические изменения в обществе обуславливают перемены в других сферах

жизнедеятельности, вызывают перелом в культурных ценностях, этике, общественном сознании и психологии. Предпосылки экономического развития создаются постепенно по мере усложнения технической базы и расширения технологических возможностей, накопления человеческого, инновационного и инвестиционного потенциала, формирования благоприятной политической, социальной, институциональной и организационной среды. Причем эти процессы происходят неравномерно и противоречиво: одни из них могут получить взрывное развитие, а другие – иметь вялотекущий характер и даже противодействовать развитию первых. Неравномерность наблюдается также в территориальном, отраслевом и иных разрезах. Если не изучать все эти аспекты, то трудно установить и понять истинные источники, закономерности, проблемы и характер того или иного этапа экономического развития страны, региона.

Социально-экономические изменения на глобальном и локальном уровнях подвержены воздействию ситуативных событий, порожденных комбинацией различных факторов и условий, целенаправленных и спонтанных решений и действий. Иначе говоря, экономическое развитие – это процесс эволюционный, культурно обусловленный, кумулятивный и синергетический. Объяснение реального поведения и реальных отношений участников хозяйственных процессов в рамках заданной априори всеобщей модели искажает представления о действительности, приводит к тому, что желаемое выдается за действительное. Более того, доминирует стремление ломать действительность с целью приведения ее в соответствие с теоретическими представлениями об «идеальном» хозяйственном мире, основанном на «принципах» оптимизации экономического поведения и равновесия рынков.

Рассматривая на практике реализацию модели «экономического человека», мы видим, что, по сути, главным становится создание такого социального порядка, когда в обществе «мотивация перераспределения имеющихся ресурсов и благ становится доминирующей, вытесняя мотивацию созидания на второй план» [3, 102]. Основанная на таком прагматичном подходе экономика ведет к появлению групп субъектов, оказавшихся в достаточно привилегированном положении, позволяющем «меньшинству» диктовать экономические условия «большинству».

Мировоззренческую основу такой консолидации призваны создавать социальные и гуманитарные науки, включая и экономическую науку. Как показано выше, современная экономическая наука пока не готова взять на себя выполнение данной миссии. Необходимо отказаться от доминирующей в ней эгоцентричной атомистической модели капиталистической экономики как объективной данности или естественно присущей обществу системы хозяйствования в пользу гармонизации взаимодействия частных интересов с общими интересами.

Экономическая наука не может не изучать базовые по отношению к принципам оптимизации использования ресурсов и распределения объективные принципы создания, функционирования и развития системы отношений и институтов, обеспечивающих солидарную созидательную деятельность людей во благо каждого человека и общества в целом. Необходимы пересмотр парадигмы науки и кардинальное изменение мировоззренческого контекста исследований на базе углубления междисциплинарной интеграции в социальных науках.

История знает много примеров практической реализации альтернативных к капиталистической системе подходов к организации экономической жизни общества, начиная от сельских общин и опытов социалистов-утопистов до современных трудовых общин, кооперативов, народных предприятий и проектного управления. Однако они всегда составляли периферию экономической жизни. До предела обострившийся кризис современного капиталистического общества настоятельно требует консолидации людей и государств на основе базовых общечеловеческих ценностей, что означает массовый переход к ассоциативной солидарной экономике, основанной на соответствующей экономической науке.

На основе проведенного исследования можно отметить, что при господствующей в настоящее время парадигме экономического мышления и сознания трудно ожидать становления хозяйственного порядка, ставящего во главу угла человека, его коренные интересы и интересы человеческих сообществ, и потому возникает необходимость в пересмотре мировоззренческой основы и парадигмы экономической науки.

Литература

1. Барлыбаев Аз.А., Барлыбаев А.А., Саитбаталова В.Т., Ситнова И.А., Якшимбетова Г.И. Социокультурный контекст экономической деятельности: структурный и функциональный анализ // Экономика и предпринимательство. 2019. № 9. С. 224–227.
2. Барлыбаев У.А., Барлыбаев А.А. Утилитарное мировоззрение в экономической науке: его становление и развитие в конкретно-историческом контексте // Тенденции развития современной науки и образования: традиции, опыт, инновации: сб. науч. ст. по материалам Всеросс. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Сибай, 2018. С. 87–90.
3. Барлыбаев У.А., Барлыбаев А.А., Айдарбаков Ф.Ф., Рахматуллин И.М. Взаимодействие интересов и институтов как фактор экономического развития: концептуализация многоуровневого подхода // Научное обозрение: теория и практика. 2016. № 21. С. 98–104.
4. Барлыбаев У.А., Барлыбаев А.А., Барлыбаева Ф.Б., Ахметгалеева Г.Б. Культурно обусловленные нормы как неявные регуляторы хозяйственной деятельности // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11. Ч. 2. С. 82–85.
5. Боулз С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 39–40.
6. Ефимов В.К. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). 2011. Т. 2. № 3.
7. Мандевиль Б. Басня о пчелах. М.: Мысль, 1974.
8. Павлов В.А. Академик А. Шторх: имя, которое замалчивалось восемьдесят лет // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 5. С. 433–445.
9. Российская газета. Неделя. 2017. 7 декабря.
10. Хиршман А. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М.: Изд. Института Гайдара, 2002.
11. Эксперт. 23–29 ноября 2015.
12. Янжул И.И. Экономическое значение честности // Вестник воспитания. 1912. № 4. С. 8–9.

Инвестиционная активность государственного сектора экономики России

Investment Activity of the Public Sector of the Economy of Russia
(DOI: 10.34773/EU.2020.5.3)

И. ГЕРСОНСКАЯ

Герсонская Ирина Валерьевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и финансов Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: g3071971@ya.ru

В статье обосновывается необходимость осуществления государством инвестиционной деятельности. Дана оценка инвестиционной активности российского государственного сектора экономики на современном этапе социально-экономического развития. Анализируется динамика инвестиций в России по формам собственности и источникам финансирования. Выявлены основные проблемы в сфере государственных инвестиций, которые привели к снижению инвестиционной активности в государственном секторе.

Ключевые слова: национальная экономика, государственный сектор, инвестиции, социально-экономическое развитие, экономический рост, общественное благосостояние.

The article substantiates the need for the state to carry out investment activities. The investment activity of the Russian public sector of the economy at the current stage of socio-economic development is evaluated. The dynamics of investments in Russia is analyzed by forms of ownership and sources of financing. The main problems in the field of public investment that led to a decrease in investment activity in the public sector are identified.

Key words: national economy, public sector, investment, socio-economic development, economic growth, public welfare.

Государственный сектор экономики традиционно осуществляет свою деятельность в тех отраслях национальной экономики, которые не слишком привлекательны для предпринимателей вследствие их невысокой доходности, в частности, к ним можно отнести народное образование, здравоохранение и социальную защиту населения, развитие общественной инфраструктуры, охрану окружающей природной среды и т.д. Также государственные компании функционируют в стратегических отраслях национальной экономики: военно-промышленном комплексе, космической отрасли, добыче и переработке полезных ископаемых, производстве электроэнергии, сфере транспорта, связи и т.д.

Создание в России таких государственных компаний, а также учреждений и организаций социальной сферы и их дальнейшее развитие, модернизация и реконструкция производственных процессов требуют определенных вложений со стороны государства, то есть определенных объемов государственного инвестирования. Поэтому для государственного сектора в современных условиях развития «самостоятельной сферой реализации функций и задач государства в экономической сфере является осуществление инвестиционной деятельности» [14, 83]. В России реализуются инвестиционные программы в различных областях национальной экономики, в том числе направленные на внедрение технологических инноваций, развитие человеческого капитала, инклюзивный (социально-ориентированный) экономический рост и повышение уровня общественного благосостояния, а разрабатываемые госсектором России «инвестиционные стратегии определяют долгосрочные цели инвестиционной деятельности и оптимальные способы их достижения» [4, 83].

Дж. М. Кейнс обосновал целесообразность осуществления государством инвестиционной деятельности, поскольку активизация инвестиционных процессов в госсекторе и рост государственных расходов на капитальные вложения приводят не только к созданию новых компаний и увеличению национального дохода, но и к снижению уровня безработицы в стране. При этом «с ростом инвестиций в государстве может возникнуть дополнительный экономический эффект, который приводит к увеличению ВВП» [7, 7].

В России «государственное регулирование инвестиционной деятельности осуществляется напрямую через государственный сектор экономики...» [2, 89]. Такой сектор реализует самые разнообразные инвестиционные проекты, которые способствуют не только инновационному развитию приоритетных отраслей национальной экономики и устойчивому экономическому росту в стране, но и повышению уровня качества жизни населения, общественного благосостояния. Государство создает современные высокотехнологичные производства, модернизирует системы образования и здравоохранения, внедряет современные инновационные технологии, развивает общественную инфраструктуру и т.д. В современных условиях государственные инвестиции «...становятся базовым институтом в экономическом развитии...» [12, 2094] и «...определяющим фактором, чтобы совершить высокие технологические прорывы и экономические взлеты» [5, 99] для любой страны в мире.

Инвестиционная активность госсектора экономики представляет собой индикатор интенсивности инвестиционной деятельности государства и отражает активизацию уровня государственного инвестиционного процесса.

В таблице 1 приведена динамика общего объема инвестиций, в том числе государственного инвестирования в основной капитал российских компаний.

Динамика государственного инвестирования в России (млрд руб.)

Показатель	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
1. Общая величина инвестиций в основной капитал	9152,1	11035,7	12586,1	13255,5	13902,6	13897,2	14748,8	16027,3	17595,0
2. Российские инвестиции – всего, в том числе:	7886,6	9693,3	10643,6	11761,1	11975,6	11720,5	12251,7	13426,8	15056,9
– государственные	1577,1	1861,8	2114,6	2042,5	2069,7	2052,2	2238,1	2309,2	2429,9
– муниципальные	294,5	346,6	404,7	405,6	466,3	414,1	404,2	394,8	394,8
– смешанные	683,0	1311,5	1519,3	1138,3	1350,9	1138,8	1153,9	1202,2	1293,5
– госкорпораций	111,1	180,7	212,2	225,8	239,0	200,7	207,7	193,7	209,4
3. Индекс физического объема инвестиций, %	106,3	110,8	106,8	99,8	98,5	89,9	99,8	104,8	104,3

Источник: составлено автором по данным Росстата [8, 455; 9, 199–200; 10, 552].

Приведенные данные Росстата свидетельствуют о ежегодном увеличении инвестиций в основной капитал, поскольку в современных условиях развития нашей страны «одним из инструментов достижения стратегически важных государственных задач обеспечения устойчивого экономического роста, ускорения научно-технологического прогресса, ...реализации крупных инфраструктурных проектов являются инвестиционные ресурсы» [13, 144].

Как видно из таблицы 1, общий объем инвестирования в России за 2010–2018 годы увеличился на 8442,9 млрд руб., или 92,2 %, в том числе российских инвестиций – на 7170,3 млрд руб., или 90,9 %. Однако индекс физического объема инвестиций уменьшился на 2 %, что свидетельствует о фактическом снижении их величины в сопоставимых ценах и носит неблагоприятный характер. При этом рост государственных инвестиций составил 852,8 млрд руб., или 54,1 %, а муниципальных – 100,3 млрд руб., или 34,1 %. Инвестиции, произведенные российскими государственными корпорациями в основной капитал, составляют незначительную часть в общем объеме инвестирования, хотя их увеличение составило 98,3 млрд руб., или 88,5 %. Также в нашей стране произошел рост смешанных инвестиций, которые реализуют компании, преимущественно осуществляющие свою финансово-хозяйственную деятельность в форме государственно-частного партнерства, на 610,5 млрд руб., или 89,4 %. В общем объеме инвестирования в основной капитал российские инвестиции на протяжении 2010–2018 гг. составляют около 85 %. Но доля государственных и муниципальных инвестиций в структуре незначительна. Поэтому на рисунке 1 приведем долю инвестирования в основной капитал по формам собственности.

Приведенные на рисунке 1 данные свидетельствуют о том, что инвестиции в России по государственной форме собственности имеют наибольший удельный вес. Однако их доля в общем объеме инвестирования за 2010–2018 годы снизилась с 17,2 % до 13,8 %. На смешанную форму собственности, которую имеют российские компании, преимущественно осуществляющие деятельность на принципах государственно-частного партнерства, приходится в среднем около 10 % совокупных инвестиций, произведенных в основной капитал, но удельный вес таких инвестиций также снизился до 7,4 %. Инвестиции по муниципальной форме собственности составляют всего 2–3 % и также имеют тенденцию к уменьшению за 2010–2018 годы. Доля инвестиций в основной капитал государственных корпораций на протяжении всего анализируемого периода составляет чуть выше 1 %. Эти факторы указывают на невысокий уровень инвестиционной активности государственного сектора экономики в России, а «существующая проблема... может быть успешно решена при условии разработки... наиболее эффективной инвестиционной политики...» [1, 72].

Государственные инвестиции представляют собой капитальные вложения, в первую очередь в основные фонды производственного или социального назначения, с целью образования

дополнительного дохода от различных видов государственной деятельности или получения полезного для общества эффекта. При этом «ценность же инвестиций для общества заключается в содействии экономическому развитию государства» [3, 339]. Инвестиции осуществляют органы государственной власти и управления, государственные учреждения и организации социальной сферы, а также различные государственные компании, осуществляющие деятельность на коммерческой основе. В качестве источников финансирования государственных инвестиций служат средства федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов, а также финансовые ресурсы воздаваемых государством резервов и различных государственных внебюджетных фондов, амортизационные отчисления и прибыль государственных компаний, а также различные заемные источники.

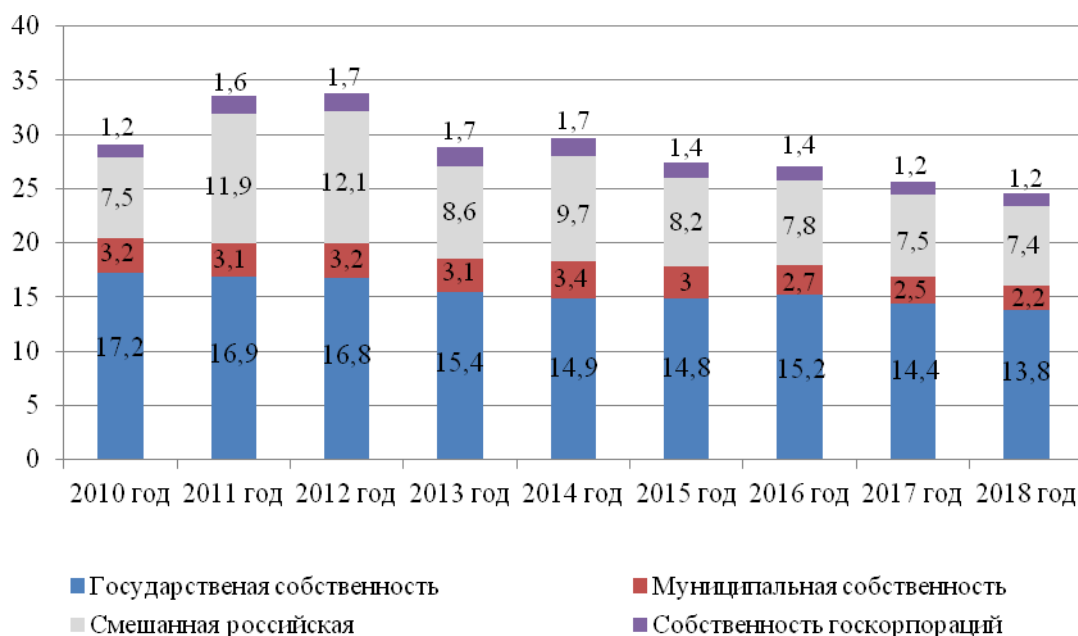

Рис. 1. Доля государственного инвестирования в основной капитал за 2010–2018 годы (%) (составлено автором по данным Росстата [8, 456; 9, 201; 10, 552])

В таблице 2 приведем государственные источники финансирования инвестиций в основной капитал российских компаний, к которым относят бюджетные средства и средства государственных внебюджетных фондов.

Таблица 2

Источники государственного финансирования инвестиций (млрд руб.)

Показатель	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
1. Источники финансирования	6625,0	8445,2	9595,7	10047,5	10379,6	10496,3	11282,5	12262,2	13207,7
2. Бюджетные средства, в т.ч.:	1294,9	1622,0	1712,9	1909,7	1761,3	1922,7	1856,7	2003,4	2023,1
– федерального бюджета	661,9	855,1	926,6	1004,8	933,6	1185,7	1048,6	1046,3	979,0
– бюджетов субъектов РФ	542,8	665,7	677,0	752,1	676,6	600,3	681,3	824,5	898,0
– средства местных бюджетов	90,2	101,2	109,3	152,8	151,1	136,7	126,8	132,6	146,1
3. Средства внебюджетных фондов государства	21,0	18,2	33,3	27,9	24,0	27,3	27,8	24,5	28,5

Источник: составлено автором по данным Росстата [9, 202; 10, 552].

По данным таблицы 2 можно сделать вывод, что общая величина источников финансирования инвестиций в основной капитал за 2010–2018 годы выросла на 6582,7 млрд руб., или практически в 2 раза. При этом наблюдается увеличение и бюджетных средств как источников финансирования инвестиций в абсолютном выражении на 728,2 млрд руб., или 56,2 %. Средства федерального бюджета, предусмотренные на реализацию государственных инвестиционных проектов, увеличились до 979,0 млрд руб., бюджетов субъектов РФ – до 898,0 млрд руб., а средства местных бюджетов – до 146,1 млрд руб. Средства государственных внебюджетных фондов, выделяемых на инвестирование, незначительны, хотя и имеют тенденцию к росту за 2010–2018 годы. Такие средства государство направляет «...на объекты...стратегического характера, позволяющие добиться существенного улучшения ситуации...» [15, 2047] в системе национальной экономики, направленной на экономический рост. В общем объеме источников финансирования инвестиций в основной капитал бюджетные средства на протяжении 2010–2018 года имели незначительный удельный вес. При этом к концу анализируемого периода они снизились до 15,3 %. Поэтому на рисунке 2 приведем долю государственных источников.

Рис. 2. Доля государственного финансирования инвестиций в основной капитал за 2010–2018 годы (%)
(составлено автором по данным Росстата [8, 457; 9, 203; 10, 552])

Показатели рисунка 2 отражают устойчивое снижение в России доли всех видов государственных источников финансирования инвестиций в основной капитал, что также может свидетельствовать о понижении уровня инвестиционной активности государства. Удельный вес средств федерального бюджета уменьшился до 7,4 %, бюджетов субъектов РФ – до 6,8 %, а местных бюджетов – до 1,1 %. При этом в России наблюдается также снижение «...доли бюджетных средств на инвестиции в основной капитал в 2018 г. до 2,1 % ВВП, в том числе за счет средств федерального бюджета – до 0,6 % ВВП...» [11, 227], что также отрицательно характеризует уровень инвестиционной активности.

Таким образом, российский государственный сектор является одним из основных регуляторов инвестиционной активности в стране. Такой сектор не только самостоятельно осуществляет инвестиционную деятельность, широко внедряя инновации и производя государственные капитальные вложения в приоритетные отрасли, но и обеспечивает результативное взаимодействие в системе национальной экономики всех субъектов инвестиционного процесса, разрабатывая всевозможные инвестиционные проекты, направленные на экономический рост и повышение уровня общественного благосостояния. Инвестирование, осуществляемое государственным

сектором, «...предполагает сознательное формирование государственными структурами организационных, социальных, экономических...условий, способствующих развитию субъектов хозяйствования...» [6, 45]. Но проведенный нами анализ инвестиционной активности государственного сектора российской экономики показал падение его уровня, поскольку доля государственного инвестирования в основной капитал, а также бюджетных источников финансирования инвестиций в последние годы имеет тенденцию к снижению. При этом в России произошло снижение доли государственных инвестиций в ВВП. Эти факторы негативно характеризуют инвестиционную деятельность государства, поскольку уровень инвестиционной активности является основным индикатором устойчивого социально-экономического развития в стране, и именно государство должно способствовать ее увеличению во всех отраслях национальной экономики.

Литература

1. Газзаева М.Б., Джигкаев А.К., Магкаев К.А. Роль инвестиций в экономике Российской Федерации // Научные известия. 2017. № 9. С. 70–73.
2. Гаймелетдинова Г.М., Яруллин Р.Р. Особенности государственного регулирования инвестиционной деятельности // Инновационная наука. 2016. № 4. С. 88–91.
3. Лаптева АМ. Понятие «бюджетные инвестиции» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2018. Т. 9. № 3. С. 330–342.
4. Маслихина В.Ю. Эффективность инструментов и институтов содействия инвестиционному процессу на субфедеральном уровне // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 80–85.
5. Мейманов Б.К. Инвестиционная активность государства для инновационного развития экономики // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1-3. С. 97–100.
6. Меньщикова В.И., Чуприкова Н.С. Государственные программы поддержки инвестиционных проектов, реализуемых в российских регионах // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 11. С. 45–52.
7. Ромашенко Т.Д., Герсонская И.В. Кейнсианская концепция государственного регулирования экономики: границы применения в российских реалиях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 2. С. 5–10.
8. Россия в цифрах. 2014: краткий стат. сборник / Росстат. М.: ИИЦ Статистика России, 2014. 558 с.
9. Россия в цифрах. 2019: краткий стат. сборник / Росстат. М.: Буки Веди, 2019. 549 с.
10. Российский статистический ежегодник. 2014: стат. сборник / Росстат. М.: ИИЦ Статистика России, 2014. 693 с.
11. Российская экономика в 2018 году. Тенденции и перспективы (Вып. 40) / В. Мау и др.; под науч. ред. д-ра экон. наук А.Л. Кудрина, д-ра экон. наук С.Г. Синельникова-Мурылева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 656 с.
12. Смирнова Т.Л. Тенденции бюджетного финансирования инфраструктуры в России // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 2093–2106.
13. Хоменко В.В., Ружников Е.А. Инвестиционные драйверы экономического развития страны // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 3. С. 144–152.
14. Шахбазян Д.А. Повышение эффективности федеральных бюджетных инвестиций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. № 7. С. 83–86.
15. Швецов Ю.Г. Государственные инвестиции в регионе: проблемы и перспективы // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 9. С. 2042–2055.

Роль институционального потенциала в эффективном управлении

Role of Institutional Capacity in Effective Management (DOI: 10.34773/EU.2020.5.4)

Р. ШАРАФУЛЛИНА, И. ГАБИТОВ

Шарафуллина Розалия Радмировна, канд. экон. наук, доцент кафедры общей экономической теории Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: rozalia-23.05@yandex.ru

Габитов Илдар Мидхатович, канд. экон. наук, доцент кафедры общей экономической теории ИНЭФБ БашГУ. E-mail: dilar61@yandex.ru

Роль институтов, в частности, институционального потенциала, приобретает все большую актуальность в стратегических посланиях и документах в продвижении (или препятствии) регионального развития. В статье рассматриваются основные принципы деятельности в формировании институционального потенциала. Отмечается, что эффективные институты вносят значительный вклад в процесс регионального роста благодаря своей ключевой роли в хозяйственных процессах и через их ведущую роль в формировании и координации стимулов для инвестиций и инноваций.

Ключевые слова: институты, институциональный потенциал, государственное регулирование, методы управления, региональное развитие, региональная политика.

The role of institutions, in particular institutional capacity, is becoming increasingly relevant in strategic messages and documents in promoting (or hindering) regional development. The article discusses the basic principles of activities in the formation of institutional capacity. It is noted that effective institutions make a significant contribution to the process of regional growth due to their key role in economic processes and through their leading role in the formation and coordination of incentives for investment and innovation.

Key words: institutions, institutional capacity, state regulation, management methods, regional development, regional policy.

Санкции и неожиданные вызовы в виде пандемии необходимо рассматривать через призму институционализма, как модели новой экономической логики развития современного общества. В условиях региональной дифференциации потенциала территорий и эффективности его использования создание действенной институциональной среды ресурсобеспечения будет подразумевать успешную реализацию стратегических задач регионального развития. Нарращивание институционального потенциала направлено на улучшение институциональных механизмов управления, то есть повышение способности правительств, бизнеса, неправительственных групп и сообществ эффективно и результативно планировать. Это подразумевает наращивание потенциала на долгосрочном стратегическом уровне. Существует несколько уровней, касающихся институционального развития: на уровне страны и на национальном/региональном/местном уровне. На индивидуальном и институциональном уровне улучшенные знания, навыки, ресурсы и условия труда приводят к улучшению эффективности ключевых инициатив в широкой сфере секторов.

Согласно О.Ф. Балацкому, институциональный потенциал как элемент хозяйственного потенциала включает политические, социальные и экономические уровни системы. Исследователь полагает, что значительная часть институционального потенциала состоит из правовой основы управления. Он определяет институциональный потенциал как структуру организационных и территориальных систем управления. Эти отношения складываются между

* Статья выполнена при поддержке РФФИ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 19410-020021\19 «Модернизация институционально-культурных характеристик общественной системы как один из приоритетов современного экономического развития».

личностями, организациями, коллективами и общественными объединениями. Таким образом, особую роль во влиянии на этот потенциал играют менталитет, традиции, положительные и отрицательные исторические практики. Разработка стратегических программ управления, прогнозных сценариев требует учета институционального потенциала [1].

Подход «Интегрированное местное управление и местное развитие» (The Integrated Local Governance and Local Development – LGLD) представляет собой стратегию, с помощью которой Программа развития ООН намерена содействовать процессам территориального развития, управляемым на местном уровне, которые расширяют возможности местных участников, облегчают процессы участия и стимулируют социальную и экономическую интеграцию. В документах Всемирного банка рассматриваются три основных вида деятельности в построении институционального потенциала: повышение квалификации, процедурные улучшения и организационное укрепление [9]. Построение институционального потенциала предполагает инвестиции в людей, учреждения и устойчивые практики, которые позволят государствам достигнуть устойчивых целей развития. Формирование институционального потенциала происходит посредством интеграции различных человеческих, образовательных, культурных, правовых, финансовых факторов. Впоследствии происходящие изменения в общественном поведении формируют более эффективную деятельность организаций. Также можно выделить материальные и нематериальные факторы в формировании институционального потенциала. К материальным факторам можно отнести параметры и физические активы, которые легко обработать на аналитическом и индексном уровнях. К примеру, это природные богатства, инфраструктурная система, средства производства. Кроме того, в эту категорию включены образование, здоровье населения, правовая система, а также политическая и организационная структура. К нематериальным факторам относятся ценности, традиции, привычки, обычаи, цели и мотивация, культура, социальный капитал и социальные навыки, творческое развитие, уровень сплоченности и т.д. Эти активы сложно выразить в количественных параметрах. Нематериальные факторы рассматриваются рядом ученых в качестве основополагающих, так как именно они выражают уровень эффективности использования всех имеющихся ресурсов в обществе. Поэтому необходим баланс материальных (физических параметров) и нематериальных факторов (социально-культурные механизмы) для формирования устойчивого институционального потенциала [10].

К институциональным характеристикам можно отнести более широкие динамические политические меры в сфере экономики и принципы управления, устанавливающие «правила игры». В 2015 г. был опубликован доклад под эгидой ООН «На пути к устойчивости человека: прогресс достижения целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия в эпоху экономической неопределенности». Согласно данному докладу, в качестве институциональных характеристик управления по смягчению последствий экономических кризисов выделяются производительность, адаптивность, стабильность. Отмечены следующие основные принципы управления: участие/включенность, недискриминация/равенство и верховенство закона/ответственность [12].

Согласно Бхагаван и Виргин, определение «институционального потенциала» охватывает, с одной стороны, функции (задачи), для выполнения которых институты должны обладать компетенциями, а с другой – структуры и ресурсы (человеческие, технические и финансовые), необходимые для достижения этой цели [6]. Для простоты анализа они относят отношения, правила, ценности, поведение и т. д. к содержанию понятия «структура». Данные авторы рассматривают «развитие институционального потенциала» как обеспечение ресурсов и структур, которые являются подходящими и необходимыми для успешного выполнения функций (задач). Поскольку компетентность (способность) относится к знаниям и навыкам отдельных людей, в категории «ресурсы» они рассматриваются как «человеческие ресурсы». Исследователи используют термин «развитие институционального потенциала» для обозначения не только наращивания нового потенциала, но и укрепления, мобилизации и изменения существующего потенциала.

Все страны без исключения нуждаются в стабильных инвестициях в различные сферы экономики, в частности, в средства производства. Следует отметить, что уровень институционального развития непосредственно обуславливает содержание управленческих и регулирующих мероприятий, а также систему первоочередных мер в этом направлении. В отсутствие инвестиций и при слабом институциональном потенциале в приоритете будут специальные краткосрочные меры по регулированию социально-экономических застоев. В качестве примеров можно привести институциональные и координационные механизмы, а также создание целевых групп, позволяющие достигать поставленных целей достаточно быстро. Однако эти организационные механизмы должны быть объединены в единую систему, так как в обратном случае слабая институциональная подготовленность государств не позволит эффективно реагировать на возникшие непредвиденные кризисные события. Необходима институционализация передовой практики и норм в государствах. Основные рекомендации приведены в таблице.

Используя на практике отмеченные принципы управления, страны могут избежать осуществления мер по восстановлению системы, которые могут подорвать предварительные достижения в экономическом развитии. Учет этих принципов необходим для более согласованных и эффективных ответных политических мер.

Институционализация, нацеленная на устойчивый результат

Рекомендации	Результат
Систематизация институциональных механизмов, организационно-инновационных и других мер управления	Обеспечение непрерывной и последовательной институциональной эффективности, в т.ч. в условиях кризиса
Совершенствование деятельности надзорных учреждений (например, конституционные суды, другие правозащитные организации)	Укрепление легитимности государственных институтов; защита прав уязвимых групп, рост доверия населения правительству
Институционализация процессов принятия решений на государственном уровне с участием всех заинтересованных сторон	Улучшение работы местного самоуправления, развитие гражданских инициатив
Привлечение инвестиций для повышения возможностей предоставления различного рода услуг на региональном и местном уровнях	Обеспечение благоприятных условий для жизнедеятельности граждан
Инвестиции в развитие инновационных и цифровых систем управления сбора и анализа информации и рисков	Быстрое аккумулирование необходимой информации, увеличение возможностей, необходимых для прогнозирования и анализа последствий кризисов, осуществления целевых мер социальной защиты
Улучшение качества реализации программ социальной защиты, привлечение и удержание квалифицированных национальных кадров	Сокращение уровня бедности, рост уровня жизни населения
Инвестирование в эффективные «голосовые механизмы» управления заинтересованных сторон на местном уровне (механизмы, обеспечивающие недискриминацию и равенство)	Обеспечение свободного, активного и значимого участия граждан в процессах принятия решений (например, создание локальных управлений по предоставлению услуг)

Отсутствие эффективно функционирующих правовых и административных норм и оппортунистическое поведение местных политиков, ставящих собственные интересы выше общественных, представляет собой серьезное препятствие для генерации инноваций и достижения быстрого экономического развития. Эти институциональные условия могут помешать политическому управлению, в частности, неэффективным будет содействие техническому прогрессу через расходы на исследования и разработки (НИОКР). Поиск ренты является первостепенной распространенной целью функционирования в регионах с низким уровнем политической и регулирующей систем. На таких территориях судебные структуры неэффективны, точно так же, как в ряде регионов европейской периферии. В связи с этим правительство может столкнуться с

существенными препятствиями для успешной реализации эффективных мер политики на местах [8, 1089–1111]. В этом отношении «институциональное строительство» может быть ключом к модернизации экономической структуры региона, а также к развитию тех видов деятельности, которые могут гарантировать способность региона адаптироваться к быстро развивающемуся технологическому эффекту, то есть к диверсификации посредством «связанного разнообразия» [7, 289–311]. Инновационная эффективность периферийных регионов также объясняется, прежде всего, качеством государственных институтов и социально-экономическими условиями. Некачественные институциональные условия могут повлиять на эффективность политики, направленной на создание и распространение инноваций и знаний в регионах [11, 51–67]. Таким образом, продуманные государственные институты играют ключевую роль в эффективном управлении, поскольку такие институты разрабатываются и реализуются через государственные механизмы для внедрения процесса структурных и технологических изменений.

Литература

1. Балацкий О.Ф. Теоретические проблемы оценки экономического потенциала региона, компании, предприятия [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-204866.html>
2. Захарова Е.Н., Авраменко Е.П. Основные методологические подходы к оценке экономического потенциала региона [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/27_NPM_2012/Economics/13_116629.doc.htm
3. Клейнер Г.Б. Институциональная экономика и современное управление: монография. М.: Издательский дом ГУУ, 2016.
4. Солдак М.А. Институциональный потенциал промышленных регионов Украины // Экономика промисловості Economy of Industry. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnyu-potentsial-promyshlennyh-regionov-ukrainy>
5. Шарафуллина Р.Р., Байкова Э.Р., Идрисова Л.Ш. Роль институционально-культурологических характеристик в экономической жизни общества // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. № 5. С. 29–33.
6. Bhagavan M.R., Virgin I. Generic Aspects of Institutional Capacity Development in Developing Countries [Электронный ресурс]. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/ecd7/3f3b451762ff60123ce6e801ffd80cac6559.pdf>
7. Boschma R.A., Iammarino S. Related Variety, Trade Linkages and Regional Growth // Economic Geography, 2009. № 85. Pp. 289–311.
8. Farole T., Rodríguez-Pose A., Storper M. Cohesion Policy in the European Union: Growth, Geography, Institutions // Journal of Common Market Studies, 2011. № 49. Pp. 1089–1111.
9. Institutional capacity building [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latinamerica.undp.org/content/rblac/en/home/ourwork/democratic-governance/institution-capacity-building.html>
10. Langaas M. D., Odeck J., Bjørvig K. The concept of institutional capacity building and review of road sector projects [Электронный ресурс]. URL: https://www.vegvesen.no/_attachment/112627
11. Rodríguez-Pose A., Crescenzi R. Research and development, spillovers, innovation systems, and the genesis of regional growth in Europe // Regional studies. 2008. № 42. Pp. 51–67.
12. Towards Human Resilience: Sustaining MDG Progress in an Age of Economic Uncertainty [Электронный ресурс]. URL: https://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/poverty-reduction/inclusive_development/towards_human_resiliencesustainingmdgprogressinanageofeconomicun.html

Зависимость от экспорта энергоресурсов как ключевой фактор геополитической уязвимости России

Dependence on Energy Exports as a Key Factor in Russia's Geopolitical Vulnerability (DOI: 10.34773/EU.2020.5.5)

К. ГОЛИН

Голин Константин Сергеевич, аспирант кафедры общей экономической теории Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: golin-psk-6@mail.ru

В статье рассматривается проблема рентоориентированного поведения в России, в частности проблема развития нефтяной отрасли в условиях неблагоприятной рыночной конъюнктуры – ценовой войны с Саудовской Аравией, торговой войны США и Китая, пандемии коронавируса. В статье подробно рассматриваются факторы, результирующие в заключение невыгодного для России соглашения с ОПЕК+, в частности институциональная структура по типу «власть–собственность», налогообложение в нефтяной отрасли, аффилированность перспектив нефтяного сектора с национальными интересами.

Ключевые слова: нефть, институты, налоги, акциз, рентоориентированное поведение, рентоискачество.

The article considers the problem of rent-seeking behavior in Russia, in particular, the problem of the development of the oil industry in the face of unfavorable market conditions – the price war with Saudi Arabia, the trade war between the USA and China, the coronavirus pandemic. The article discusses in detail the factors resulting in unfavorable agreement for Russia with OPEC+, in particular the institutional structure of the power-property type, taxation in the oil industry, and the affiliation of the prospects of the oil sector with national interests.

Key words: oil, institutions, taxes, excise tax, rent-oriented behavior, rent-seeking.

По мнению большинства исследователей, рентоориентированный характер российской экономики является основным фактором, тормозящим фундаментальные преобразования социально-экономических процессов. Перераспределение сверхдоходов от продажи нефти и нефтепродуктов среди политической элиты является лишь одним из характерных признаков институциональной структуры, работающей по принципам «власти–собственности» и не имеющей весомых стимулов для каких-либо изменений [2]. При этом все очевидные недостатки подобной системы институтов – отсутствие социальных лифтов, бюрократия, коррупционные схемы, стагнация развития в инновационных секторах экономики [8] и их общая невысокая доля в ВВП – являются лишь одной стороной медали. Подписание Россией соглашений о значительном снижении добычи нефти как итог ее конфронтации с ОПЕК+ является очевидным сигналом уязвимости страны и ее неспособности выдерживать экстернальные макроэкономические шоки.

Безусловно, проблема с заключением сделки с ОПЕК+ хронологически выпала на крайне неблагоприятный временной промежуток: целый комплекс различных по характеру макроэкономических факторов оказал влияние на итоговое поражение России в этой краткосрочной «нефтяной войне»: это и торговая война США с Китаем, и пандемия COVID-19, и общая стагнация российской экономики. В итоге к началу апреля (моменту подписания Россией соглашения о снижении добычи нефти на 2,5 млн баррелей в сутки [10] – больше, чем в первоначальном мартовском непринятом проекте сделки) сложилась редкая комбинация факторов: шок со стороны предложения при одновременном шоке со стороны спроса.

При этом, однако, есть все основания полагать, что причины, по которым Россия уступила и приняла невыгодное для себя предложение ОПЕК+, сугубо внутренние и обусловлены как специфичной структурой экономики, так и совокупной неэффективностью экономических и

политических институтов (выражающихся в том числе и в неэффективном менеджменте нефтяных корпораций с преобладающим государственным участием).

Негативное влияние рентоориентированного поведения для российской экономики заключается в том, что если размер извлекаемой в экономике ренты значительный, то инвестор (выгодополучатель) будет осуществлять инвестиции в получение ренты, а не в развитие производства (особенно не связанного с отраслью, в которой происходит извлечение ренты). При том, что треть ВВП страны составляют добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства (основой которых являются нефтедобыча и нефтепереработка), уровень технологий, применяемых в производстве и инфраструктуре, достаточно невысокий. И хотя в недавних документах, раскрывающих стратегии развития нефтяных корпораций – Роснефть, ЛУКОЙЛ, Газпромнефть, – говорится о более активном внедрении цифровых технологий и интернета вещей, на данном моменте ключевая с точки зрения доходов отрасль экономики не является переломной в технологическом развитии.

Альтернативной стратегией в плане возможности модернизации экономики в таком случае является рентоискательство, которое успешно применяется в ОАЭ и Саудовской Аравии [5]. Оно заключается в ориентации на получение ренты как основного источника доходов, но получаемые доходы перераспределяются на развитие других отраслей экономики. В этом ее ключевое отличие от рентоориентированного поведения, фактически это кейс развития инклюзивных экономических институтов в условиях экстрактивных политических институтов (доходы от экспорта нефти используются для постройки и приобретения недвижимости, купли-продажи финансовых инструментов, развития туристической и инновационной отраслей) [7]. Такой подход способен дать значительный экономический эффект уже в среднесрочной перспективе. Нужно понимать, что подобная стратегия развития работает даже в странах Аравийского полуострова, где значительная диверсификация экономики невозможна в силу особенностей природно-климатических условий, а также общественного устройства. В свою очередь в России, с ее колоссальными природными и трудовыми ресурсами, диверсификация экономики не только возможна, но и подразумевается [9]. Тем не менее, получаемые доходы от продажи нефти и ее производных либо перераспределяются среди политической элиты (что приводит к еще большему расслоению общества, блокированию социальных лифтов и стагнации накопления социального капитала [1]), либо инвестируются в малоперспективные направления в нефтяной отрасли (освоение и разработка месторождений Арктического шельфа).

Другой проблемой, связанной с нефтяной отраслью и отчасти являющейся следствием недостатков существующей институциональной структуры (обнаруженная в ходе демпинга нефтяных цен со стороны Саудовской Аравии), являются последствия налогового маневра 2019 года, в частности, те сложнейшие нерыночные надстройки, связанные с налогообложением, которые были введены с целью дополнительного пополнения бюджета. Его суть заключается в обнулении экспортной пошлины на нефть при увеличении налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) до 30 % [3]. При этом вводились особые корректирующие механизмы в виде обратного акциза на нефть с демпфирующей надбавкой. Цены на нефтепродукты на внутреннем рынке фиксировались государством, при этом оно обязалось компенсировать НДС потери от продажи топлива на внутреннем рынке, если внутренние цены оказываются ниже экспортного паритета, установленного государством. При снижении экспортной цены ниже этого значения обратный акциз на нефть начинает действовать как обыкновенный налог, который уже выплачивают компании государству [4]. В условиях демпинга цен со стороны Саудовской Аравии экспортные цены упали гораздо ниже внутренних, что привело к значительным потерям со стороны нефтяных компаний. По факту вся отрасль стала работать практически себе в убыток, хоть и пополняя федеральный бюджет. Таким образом, новая система налогообложения в нефтяной отрасли с ее обратным акцизом (будучи полностью отечественной разработкой) показала свою уязвимость в условиях неблагоприятных макроэкономических условий, практически разоряя нефтяной сектор изнутри [6].

Помимо перечисленных выше проблем, еще одним фактором, влияющим на ошибочность первоначального выхода России из сделки с ОПЕК+, является высокая степень аффилированности государства с интересами нефтяных корпораций. Известно, что Россия не в состоянии резко поднимать уровень добычи нефти в случае необходимости – многие месторождения являются выработанным, число новых месторождений падает с каждым годом. Единственной нефтяной корпорацией, в чьих интересах был выход из сделки с ОПЕК+, является НК «Роснефть», стремящаяся нарастить объемы рынка. Причина этому проста: покупка компанией ТНК ВР в 2013 году на пике нефтяных цен сильно ударила по маневренности компании. А поскольку на нефтяном рынке России «Роснефть» имеет наибольшую долю, сохранение экспортного рынка является практически национальным интересом (в особенности в условиях борьбы за рынок со сланцевыми нефтяными компаниями из США).

Тем не менее, снижающийся из-за торговой войны США и Китая, а также пандемии коронавируса спрос на нефть вкупе с демпингом цен со стороны Саудовской Аравии опустили цены на нефть до такого уровня, который Россия не могла держать в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Таким образом, принятое соглашение с ОПЕК+ является крайне невыгодным для России: сокращение объемов добычи выше первоначального уровня накладывается на освобождение значительной доли рынка для сланцевой нефти.

В итоге нефтяная сделка с ОПЕК+ показала значительную уязвимость России в геополитической конфронтации. Рентоориентированное поведение привело, с одной стороны, к отсутствию значительных структурных резервов (исключая ФНБ), а с другой – зависимость от глобальной рыночной конъюнктуры. Очевидно, что нефтяная отрасль не может выступать в качестве драйвера экономического роста, более того – как сектор экономики четвертого экономического уклада он и не должен выступать в этой роли. Необходимо диверсифицировать экономику, ускорить цифровизацию экономических отраслей, создать и развивать наукоемкое производство.

Литература

1. Алмакаева А.М., Волченко О.В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 273–292.
2. Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2013. 160 с.
3. За краем нефтегазового горизонта [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/expert/2018/42/za-kraemneftegazovogo-gorizonta/media/319494/>
4. Зачем нужен налоговый маневр в нефтяной отрасли [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5315335/>
5. Латков А.В. Основные модели рентоориентированного поведения в современной экономике // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 15.
6. Маричев С. Концепция искусственного общества в исследовании структуры нефтяной отрасли РФ // Искусственные общества. 2019. Т. 14. № 3.
7. Маричев С. Проблема реализации социально-экономической модернизации России и «эффект колеи» // Общество и экономика. 2020. № 6.
8. Полтерович В., Попов В. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: ГУ ВШЭ, 2007.
9. Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. Вып. 1.
10. Россия и ОПЕК заключили крупнейшую сделку об ограничении добычи нефти [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/04/12/827839-rossiya-opek-zaklyuchili-krupneishuyu-ogranichenii/>

Институты диверсификации экономики Объединенных Арабских Эмиратов

Institutions of Economic Diversification in the United Arab Emirates

(DOI: 10.34773/EU.2020.5.6)

А. ШЕСТАКОВИЧ

Шестакович Анна Геннадьевна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник лаборатории современных проблем региональной экономики Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

E-mail: starodubovaag@mail.ru

В статье описываются институты управления научно-технологическим развитием в Объединенных Арабских Эмиратах как одной из успешных стран в диверсификации экономики с целью выявления потенциала и возможностей адаптации удачных кейсов в России.

Ключевые слова: институт, диверсификация экономики, инновации, научно-технологическое развитие, управление, производство.

The article describes the institutions for managing scientific and technological development in the United Arab Emirates as one of the most successful countries in diversifying the economy, in order to identify the potential and opportunities for adapting successful cases in Russia.

Key words: institute, economic diversification, innovation, scientific and technological development, management, production.

В настоящее время в связи с необходимостью минимизации циклических и рыночных рисков для России одной из актуальных задач выступает создание более сбалансированной производственной структуры, обеспечивающей доход из различных отраслей. Преодоление зависимости отечественной экономики от централизованного ресурса является одним из приоритетных направлений реализуемой политики Правительства России – диверсификации¹ [1] (в переводе с латинского: *diversus* – разный, *facere* – делать).

Целью статьи выступает анализ институтов диверсификации экономики такой страны, как Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), для выявления потенциала применения удачных кейсов в России. Объектом исследования являются институты, определяющие перераспределение доходов из нефтегазовой отрасли в другие.

Институты ОАЭ представляют особый интерес, так как за достаточно короткий период эта страна добилась значительных успехов в процессе диверсификации экономики. Руководство страны успешно совмещает полный контроль над минеральными ресурсами с максимальной открытостью рынков и границ государства, что ведет к повышению эффективности эксплуатации ресурсов. ОАЭ, как и России, свойственны доминирование государственного сектора и наличие крупных объемов топливно-энергетических ресурсов. Несмотря на это по уровню научно-технологического развития Россия значительно отстает от ОАЭ. Так, согласно глобальному инновационному индексу, Россия занимает 46 место среди 126 стран, в то время как ОАЭ занимает 36 место с индексом 42,2 [8]. За последние 10 лет правительству ОАЭ удалось увеличить долю ВВП отраслей экономики, не связанных с добычей нефти и газа, до 70 % [2]. Каким образом руководству ОАЭ удастся диверсифицировать экономику, наличие каких институтов и институциональных механизмов способствует данному процессу – рассмотрим далее.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

¹ «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» (утв. Правительством РФ 29.09.2018 г.).

Так как большую часть территорий ОАЭ занимает пустыня, климат здесь достаточно жаркий и сухой, государство располагается на пересечении торговых путей Европы и Азии, то единственным источником дохода здесь выступает торговля. Достаточно тяжелые условия жизни способствовали развитию у местных жителей трудолюбия и предприимчивости, выражающейся в способности искать виды и средства деятельности, обеспечивающие условия для существования. Это определило менталитет населения, ориентированного на интенсивный тип экономического развития.

Строгое поддержание местных традиций, обуславливающее прочную наследственную связь каждого их правителей эмиратов, также способствовало стремлению эмиров использовать богатство для развития отраслей экономики, не связанных с нефтегазовым сектором. Каждый эмират вправе самостоятельно устанавливать законы и распоряжаться финансовыми средствами, соответственно каждый правитель эмирата несет определенную ответственность перед обществом по социальным обязательствам. Исторически сложилось, что династии шейхов неформально конкурируют между собой, поэтому будет считаться проявлением слабости в этой конкурентной борьбе, если один шейх одолжит финансовые средства у другого [3].

Помимо неформальных институтов и норм, на процесс диверсификации большое влияние оказывают формальные институты. Первым наиболее значимым институтом является институт инвестирования. Руководство страны уделяет большое внимание созданию благоприятной институциональной среды для внутренних и внешних инвестиций. Здесь немаловажным институциональным механизмом выступает механизм налогообложения. В ОАЭ, за исключением сферы туризма, банковской и нефтегазовой отраслей, где ставка налога на прибыль устанавливается каждым эмиратом, практически отсутствует система индивидуального и корпоративного налогообложения. Источниками налогового законодательства выступают нормативные акты отдельных эмиратов, так, например, в эмиратах Абу-Даби и Шарджа, если размер прибыли составляет 1-2 млн дирхам, ставка налога будет равна 10 %, если прибыль свыше 5 млн дирхам – 55 % [2].

Так, с помощью упрощенной системы налогообложения руководству ОАЭ удастся привлечь большое количество иностранных инвесторов, обладающих новыми технологиями, системой управления, ориентированной на производство высокотехнологичных товаров.

Помимо системы налогообложения, на величину притока инвестиций влияет совершенство законодательства в этой сфере. В 2020 г., согласно нормативно-правовому регулированию, внешние инвесторы имеют право владеть компанией до 100 % акционерного капитала в определенных отраслях экономики (исключение составляет нефтегазовая отрасль). Правительство ОАЭ всячески старается вести политику, максимально устраивающую и зарубежных инвесторов, и международные организации, обеспечив себе тем самым стабильное экономическое положение [2; 3; 7].

Большая часть внутренних инвестиций поступает из нефтегазовой отрасли. Руководство страны имеет практически полный контроль над доходами (доля государства – до 92 %), получаемыми от эксплуатации энергоресурсов [3; 7; 8]. При таких весомых доходах государства в нефтегазовом секторе формируется профицит бюджета, который аккумулируется и в виде инвестиций, поступает в государственные суверенные фонды.

Суверенные фонды, целью которых выступает инвестирование в регион, являются главным институтом инвестирования в стране. Руководство страны доверяет активы крупнейших государственных нефтегазовых компаний данным фондам с целью более грамотного управления ими. Основным суверенным фондом в ОАЭ является «Инвестиционное управление Абу-Даби» – Abu Dhabi Investment Authority (далее – ADIA).

Суть работы фонда заключается в инвестировании финансовых средств от имени правительства в поддержание и увеличение уровня благосостояния государства. ADIA осуществляет инвестиционную деятельность самостоятельно без обращения к правительству эмирата, фонд не располагает информацией о доходах и расходах правительства. При принятии решений по инвестированию руководство фонда опирается на финансовые соображения, а не на политические

интересы эмирата или страны. Размер активов фонда составляет, по разным оценкам, свыше 1 трлн долл., из которых порядка 900 млрд долл. – инвестиции в национальные активы [6].

Суверенные фонды существуют во многих арабских странах. В последнее время все чаще правительства разных арабских стран прибегают к приватизации и дроблению государственных крупных компаний с целью минимизации доли государства. Власти реально осознают всю значимость качественного менеджмента в сфере крупных финансовых активов. Схема следующая: согласно указаниям Министерства финансов, часть предприятий переходит суверенному фонду, который за счет высокоэффективного управления достигает значительного увеличения прибыли. Как показывает практика, большое число компаний перешли из состояния убыточного производства в состояние прибыльного благодаря такой схеме [6].

В порядке обобщающих выводов проведенного исследования можно отметить, что успешная диверсификация ОАЭ во многом обусловлена совершенным законодательством – понятными предоставляющими гарантиями права как иностранным, так и местным компаниям, а также экономической и политической стабильностью.

Если говорить о потенциале институтов для российской практики, то стоит выделить такой институт, как суверенные государственные фонды, цель которых – долгосрочное инвестирование в реальный сектор экономики и инфраструктуру. Государство возлагает функцию грамотного управления крупными финансовыми активами на данные фонды, система устроена таким образом, что происходит смена групп менеджеров внутри государственного сектора. Для российской практики этот подход интересен тем, что в процессе управления отечественной сырьевой промышленностью в значительной степени задействовано государство, которое, возможно, не всегда эффективно распределяет имеющиеся ресурсы. Возможно, если в отечественной практике существовал бы высокий уровень менеджмента крупными финансовыми средствами, полученными в нефтегазовом секторе, это способствовало бы вложению денежных ресурсов в отрасли, несвязанные с добычей и переработкой энергоресурсов. Руководство же страны должно направить все усилия на создание благоприятных институциональных условий для внешних инвесторов с новыми знаниями и возможностями, обеспечивающими доступ к мировому рынку и инновациям.

Литература

1. Кравченко Н., Агеева С. Диверсификация экономики: институциональные аспекты // Журнал институциональных исследований. 2017. № 4 (9). С. 52–67. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.4.052-067.
2. Лермонтова М. Система налогообложения в ОАЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://internationalwealth.info/offshore-tax/taxation-system-uae/>
3. Мовчан А. Объединенные Арабские Эмираты: Монархический либерализм [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/2017/03/24/ru-pub-68389>
4. Полтерович В. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
5. Якунина Е., Дорджиева Д., Галактионова А. Инвестиции в инфраструктуру. Арабский мир [Электронный ресурс]. URL: https://infraone.info/analitika/investitsii_v_infrastrukturu_arabskij_mir.pdf
6. About ADIA (2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adia.ae/En/About/About.aspx>
7. Establishment of a business in the United Arab Emirates (2019) (In Russ) [Электронный ресурс]. URL: http://www.bosspress.com/2019/08/blog-post_5.html
8. Global Competitiveness Report (2018) (In Russ).[Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth>
9. North D., Thomas R. The rise of the Western world: a new economic history. Cambridge, 1973. 167 p.
10. Zulkarnay I. Why Russia is again sliding from federalism to Unitarianism // Public Administration Issues. 2018. № 5. Pp. 116–132.

Диалог Россия – США в истории отечественной инвестиционной политики 1991 – начала 2000-х гг.

Russia-USA Dialogue in the History of Russian Investment Policy
in 1991 – early 2000's (DOI: 10.34773/EU.2020.5.7)

А. СУКИАСЯН

Сукиасян Асатур Альбертович, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и налогообложения Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: saa@s-lab.info

Статья посвящена развитию инвестиционных связей России и США на начальном этапе российской постсоветской модернизации, деятельности российско-американских институтов экспертной и организационной поддержки инвестиционного взаимодействия деловых кругов двух стран. Автор выдвигает гипотезу, что исторический опыт инвестиционного диалога является важным компонентом двусторонних отношений России и США, сохраняющим свой конструктивный потенциал в настоящее время.

Ключевые слова: российско-американские отношения, российские реформы 1990-х гг., внешняя политика России, инвестиционная политика России.

The paper examines the development of investment ties between Russia and the USA at the initial stage of Russian post-Soviet modernization, the activities of Russian-American institutions of expert and organizational support for investment cooperation between business circles of the two countries. The author argues that the historical experience of the investment dialogue is an important component of bilateral relations between Russia and the United States, which retains its constructive potential at the present time.

Key words: Russian-American relations, Russian reforms of the 1990's, Russian foreign policy, Russian investment policy.

Российско-американские отношения являются предметом широкого научного дискурса, актуальность которого определяется трансформацией глобальной архитектуры и поиском новых ориентиров в геополитике и международных экономических связях. При этом особую значимость, с учетом проблемного характера современного диалога Россия – США, приобретают выявление и исследование таких его аспектов, которые по своей сути представляют собой сферу сотрудничества [1, 11]. Одной из таких сфер являются торгово-экономические и инвестиционные связи России и США, которые продолжают развиваться несмотря на негативные аспекты международной обстановки и пессимизм экспертов [2, 4].

Отдельные аспекты данной проблемы затрагиваются в трудах В.А. Кременюка, Т.А. Шаплеиной, А.В. Торкунова и др., посвященных новейшему периоду в истории взаимодействия России и США на мировой арене [1; 3], а также в публикациях экономического профиля по проблемам иностранных инвестиций в России [4; 5].

Целью настоящей статьи является освещение исторического опыта инвестиционной политики России в контексте российско-американских отношений 1990 – начала 2000-х гг. Авторская гипотеза заключается в том, что формирование инвестиционных связей с США, которое осуществлялось на волне постсоветской либерализации России и ее активного сближения с Западом, создало основу для сотрудничества деловых кругов, отражающего реальные интересы экономики и общества обеих стран и имеющего потенциал развития в многополярном мире XXI века.

Предыстория российско-американского инвестиционного диалога уходит в 1980-е гг., когда понимание необходимости системных экономических реформ, существовавшее в кругах прогрессивной хозяйственной элиты СССР, и растущая потребность страны в дополнительных финансовых ресурсах соединились с политикой «нового мышления» М.С. Горбачева [6, 3]. На рубеже 1980-х – 1990-х гг., в условиях начинавшихся в стране глубоких общественно-политических трансформаций и создания первых рыночных институтов, стремление российского руководства к привлечению в отечественную экономику американских капиталов получает

новые стимулы и возможность для воплощения в реальных проектах. Так, в архиве Б.Н. Ельцина среди заметок, сделанных в августе 1990 г. в ходе его поездки в должности Председателя Верховного Совета РСФСР по регионам Дальнего Востока, имеется пометка о том, что следует «включить американцев» в работы по технологическому обустройству газовых месторождений на Сахалинском шельфе и т.п. [1, 75].

В последующие годы развитие финансового взаимодействия с Западом, прежде всего, с США, становится доминантой внешней экономической политики России [7, 595]. Помимо кредитов и спонсорской помощи, Россия рассчитывала и на приход в страну крупных американских инвесторов. Кроме того, в 1990-е годы идеализированный образ США – глобального лидера, символа свободы, успеха и процветания – оказывал огромное влияние на формирование государственной экономической политики России и на менталитет отечественной управленческой и деловой элиты [8, 196]. Молодой российский бизнес возлагал большие надежды на развитие инвестиционного сотрудничества с американскими партнерами. Частный капитал США, в свою очередь, проявлял, хотя и с определенной осторожностью, интерес к инвестициям в экономику России.

В 1990-х гг. вопросы развития торговли и инвестиций занимали центральное положение в системе двусторонних дипломатических контактов между Россией и США на уровне глав государств и правительств. В частности, активную роль в развитии российско-американского инвестиционного диалога играла Российско-американская комиссия по экономическому и технологическому сотрудничеству (так называемая «Комиссия Гор – Черномырдин») [8]. С 1993 г. действовали также корпоративные организации российского и иностранного бизнеса: «Американо-Российский деловой совет» – АРДС (US-Russia Business Council, USRBC) и «Совет по торгово-экономическому сотрудничеству СНГ – США» (Council for Trade and Economic Cooperation CIS – USA, СТЭС). В январе 1994 г. начал работу Российско-американский фонд предпринимательства (The Russian-American Enterprise Fund), занимавшийся портфельными инвестициями и проектным кредитованием российского малого и среднего бизнеса [13].

В 1992–1998 гг. Соединенные Штаты явились крупнейшим иностранным инвестором России, осуществив около трети всех внешних капиталовложений в российскую экономику этого периода (около 7,7 млрд долларов). В России работали «Эксон-Нефтегаз Лимитед», General Motors, Coca-Cola, McDonald's и другие промышленные и финансовые компании США. В то же время инвестиционный диалог России и США на межгосударственном уровне с американской стороны развивался в формах экономического консультирования и прогнозирования. Так, например, в феврале 1997 г. президент США Билл Клинтон и вице-президент Альберт Гор совместно представили «Региональную инвестиционную инициативу» (The Regional Investment Initiative, РИИ) – проект разработки правовых, институциональных и управленческих инноваций для отдельных регионов России, перспективных с точки зрения американского бизнеса. Самостоятельное значение экспертно-информационной площадки и в то же время неформального центра экономической дипломатии имел Российско-американский инвестиционный симпозиум в Бостоне, проводившийся в 1997–2005 гг., с ежегодным участием до 500 представителей управленческой и деловой элиты России и США [14].

На рубеже XX–XXI веков в России начинают утверждаться новые формы взаимодействия с иностранными инвесторами – Международные экономические и инвестиционные форумы, проводящиеся непосредственно в России, нацеленные на практические результаты и формирование конкурентной среды внешних и внутренних инвесторов [9]. В 2000 г. Президент России В.В. Путин формулирует новый подход к государственной инвестиционной политике: «Объем иностранных инвестиций – безусловно, важный фактор движения вперед, но он не является единственным. Наши внутренние резервы – это главное поле для деятельности». Под воздействием новых геополитических реалий XXI века снижается интенсивность диалога России и США, что ведет в том числе к сворачиванию российско-американских экспертных консультаций в инвестиционной сфере. Тем не менее, контакты и совместные проекты промышленников и финансистов двух стран продолжали развиваться, отражая реальные интересы бизнеса и рынка. По данным ЮНКТАД, капиталовложения США в экономику России в 2017 г. составили до 8,9 % всех накопленных инвестиций. Сохраняют свою востребованность ежегодные форумы

Российско-Американского Тихоокеанского партнерства (РАТОП), основанного еще в 1995 г. Как отметил глава РАТОП Дерек Норберг (США) после очередного форума, состоявшегося в августе 2018 г. в Анкоридже, «одной из непосредственных целей встреч РАТОП является демонстрация того, что, несмотря на нынешние трудности, конструктивный и честный диалог по-прежнему возможен» [9].

Развитие инвестиционного взаимодействия с США занимало одну из центральных позиций в доктрине внешней политики России в период рыночных реформ 1990-х гг., отражая, с одной стороны, потребность страны в дополнительных финансовых ресурсах, с другой – стремление российского государства и молодого отечественного бизнеса к освоению американской модели рыночной экономики и деловой культуры. В процессе становления инвестиционного сотрудничества с США в российскую экономику были привлечены американские капиталы и приобретен опыт диалога с западными инвесторами.

Синергетические изменения во внутренней и внешней политике Российской Федерации в XXI веке – курс на системную модернизацию и укрепление геополитических позиций страны с усилением евразийского вектора международных финансово-инвестиционных связей – способствовали становлению России как самостоятельного центра международного инвестиционного диалога и обусловили снижение востребованности американско-российских инвестиционных мероприятий.

Возникшие во второй половине 2010-х гг. проблемные аспекты в российско-американском диалоге не перечеркнули традиций делового сотрудничества и стремления предпринимательских кругов, промышленных компаний, банков США и России к расширению инвестиционных связей. Данная тенденция свидетельствует о наличии исторически сложившегося и обусловленного логикой общих интересов наших стран позитивного потенциала двусторонних экономических и культурных отношений.

Литература

1. Барсенков А.С. Внешняя политика России на начальном этапе становления новой государственности (1991–1993) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 75–105.
2. Барсенков А.С. «Новое мышление» во внешней политике СССР (1985–1991) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 41–73.
3. Батюк В.И. Комиссия Гор – Чернобырдин: рождение, жизнь, смерть... воскресение? // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 2. С. 18–32.
4. Давыдов А.Ю. Проблемы и ограничения российско-американских экономических отношений // США и Канада: экономика, политика, культура // 2015. № 2. С. 3–16.
5. Зименков Р.И. Прямые инвестиции США в экономике России // США – Канада: экономика, политика, культура. 2004. № 5. С. 7–23.
6. Киселева М.И. Петербургский международный экономический форум как инструмент институционального развития // Управленческое консультирование. 2015. № 7. С. 103–115.
7. Кузнецова Ю.А. Американский капитал в экономике Самарской области в 1996–2005 годах // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 10-1. С. 94–100.
8. Российский инвестиционный симпозиум [Электронный ресурс]. URL: http://www.ivt.ru/conference/01_11_01/
9. Российско-Американское Тихоокеанское партнерство: работа во имя диалога // РИА «Новости». 21 августа 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180821/1526941447.html>
10. Смыслов Д.В. История отношений России с международными финансовыми организациями // История новой России. Очерки, интервью. В 3 т. / Под ред. П.С. Филиппова. Т. 1. СПб: Норма, 2011. 677 с.
11. США и Россия: актуальные проблемы двусторонних отношений (2001–2008 гг.) / Капустина Е.Б., Кременюк В.А., Мирзаян Г.В. и др. Отв. ред. В.А. Кременюк и Т.А. Шаклеина. М.: Институт США и Канады РАН, 2009. 201 с.
12. Ткачев И. США – крупнейший российский инвестор // Информационный портал РБК. 14 июня 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/06/2019/5d022dfb9a79472f5bc8e4ce>
13. GCC10 text: Joint Report of 10th GCC Meeting [Электронный ресурс]. URL: https://www.globalsecurity.org/wmd/library/news/russia/1998/98031105_wpo.html
14. Russia and the United States in the evolving world order / ed. by A. Torkunov, N.C. Noonan, T. Shakleina. M.: MGIMO University, 2018. 414 p.

Особенности управления региональным развитием в условиях цифровизации

Features of Regional Development Management in the Context of Digitalization
(DOI: 10.34773/EU.2020.5.8)

А. ЯНГИРОВ, А. МУХАМЕТОВА

Янгиров Азат Вазирович, д-р экон. наук, главный научный сотрудник Центра исследования территориального развития региона Института стратегических исследований Республики Башкортостан. E-mail: yangirovav@isi-rb.ru

Мухаметова Айгуль Данияровна, старший преподаватель кафедры макроэкономического развития и государственного управления Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: aigulmd@yandex.ru

В условиях цифровизации экономики стратегически важным становится формирование системы управления развитием региона, предполагающей не только сглаживание многочисленных диспропорций в субъектах РФ, но и обеспечивающей переход на более совершенный уровень развития, который будет опираться на рациональное использование человеческого капитала региона. В статье представлена оценка научно-исследовательской компоненты человеческого капитала региона. На основе проведенного анализа выявлены проблемы существующей системы управления региональным развитием.

Ключевые слова: управление региональным развитием, человеческий капитал региона, цифровое развитие, проблемы управления.

In the context of the digitalization of the economy, it is strategically important to form a system for managing the development of the region, which not only implies smoothing out numerous disproportions in the constituent entities of the Russian Federation, but also ensures the transition to a more perfect level of development, which will rely on the rational use of the region's human capital. The article presents an assessment of the research component of the region's human capital. Based on the analysis, the problems of the existing system of regional development management were identified.

Key words: regional development management, regional human capital, digital development, management problems.

Современная российская действительность довольно убедительно подтверждает тот факт, что в целом преобладающая в субъектах РФ система управления региональной экономикой характеризуется наличием целого комплекса системных проблем, снижающих эффективность управленческой деятельности органов региональной власти и сдерживающих социально-экономическое развитие регионов [1, 43–52; 2, 5–24; 3, 83–97; 7]. Вместе с тем, эффективное развитие экономики региона в условиях цифровизации возможно лишь при грамотном управлении факторами регионального развития, и, в первую очередь, рациональным использованием человеческого капитала региона [6]. Анализ имеющегося теоретического и практического опыта в региональном развитии позволяет констатировать, что создание условий для формирования высококачественного человеческого капитала и его рационального использования в региональной экономике может дать положительный синергетический эффект региональному развитию региона. При этом возрастание роли человеческого капитала в экономике региона позволит переориентировать экономику на производство инноваций, что в будущем обеспечит конкурентоспособность региона.

Несмотря на то, что российские регионы обладают значительным потенциалом в воспроизводстве человеческого капитала региона, в настоящее время в них в недостаточной степени

* Статья подготовлена в рамках реализации темы государственного задания ГАНУ ИСИ РБ «Организация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, включая экспериментальные разработки, для реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан».

сформированы благоприятные условия для эффективного использования человеческого капитала для целей регионального развития. Об этом свидетельствуют показатели миграции населения и безработица в некоторых российских регионах. Так, в 2018 г. положительный миграционный прирост наблюдался лишь в 17 российских регионах (в 2017 г. – в 28 регионах) [5]. Кроме того, проблема безработицы все еще остается одной из серьезных, так как является значимым барьером для эффективного использования человеческого капитала региона. Так, в некоторых регионах Южного, Северо-Кавказского и Сибирского и Дальневосточного федеральных округов безработица превышает среднероссийский уровень (4,8 % в 2018 г.): в Республике Ингушетия (26,3 %), Республике Тыва (14,8 %), Чеченской Республике (13,7 %) и др.

Следующая серьезная проблема эффективного формирования и использования человеческого капитала региона – создание благоприятной среды для развития и реализации научно-исследовательского потенциала в регионе как ключевого условия для цифрового развития экономики региона. Одной из важных причин миграции из регионов РФ в развитые регионы, на наш взгляд, может являться отсутствие необходимых условий для реализации научно-исследовательского потенциала человеческого капитала регион. Для определения текущего состояние и уровня развития научно-исследовательского потенциала в российских регионах мы предлагаем воспользоваться методикой расчета частного индекса научно-исследовательской компоненты человеческого капитала региона (S_r). Более подробно методика описана в научной статье [4, 30–34]. В таблице представим результаты расчетов частного индекса научно-исследовательской компоненты человеческого капитала региона и рейтинг субъектов РФ по данному показателю.

Анализ полученных в таблице результатов свидетельствует о том, что регионами-лидерами по научно-исследовательской компоненте человеческого капитала региона являются г. Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Московская, Нижегородская области и др. При этом вклад научно-исследовательской компоненты в формирование «собственного» человеческого капитала в этих регионах варьируется в пределах от 20 % до 30 %. Это обусловлено тем, что на территории этих регионов находятся ведущие российские образовательные, научные организации и центры, которые привлекают высокопрофессиональных специалистов, крупных ученых и исследователей со всех регионов РФ и стран мира. Также регионы лидируют по расходам на научные исследования и разработки, на информационные и коммуникационные технологии в расчете на 1 тыс. жителей региона и др.

Результаты расчетов частного индекса научно-исследовательской компоненты человеческого капитала региона и рейтинг субъектов РФ

Субъекты РФ	S_r	I_r	Место в рейтинге по S_r
г. Москва	0,271	0,877	1
г. Санкт-Петербург	0,126	0,445	2
Московская область	0,107	0,486	3
Республика Татарстан	0,088	0,4	4
Нижегородская область	0,055	0,259	5
Свердловская область	0,049	0,395	6
Самарская область	0,045	0,245	7
Пермский край	0,043	0,256	8
Краснодарский край	0,041	0,462	9
Волгоградская область	0,011	0,188	10
Тюменская область (без автономных округов)	0,034	0,163	11
Республика Башкортостан	0,031	0,366	12
...			
Магаданская область	0,0000	0,027	83
Еврейская автономная область	0,0000	0,022	84
Чукотский автономный округ	00,0000	0,001	85

Источник: рассчитано авторами на основе данных [7].

Проведенный нами корреляционно-регрессионный анализ компонентов (частных индексов) количественно-качественной оценки человеческого капитала региона по 85 субъектам РФ показал, что наибольшее влияние на его формирование оказывает образовательная компонента ($R^2 = 0,97$). Вместе с тем, анализ вклада каждой компоненты в человеческий капитал региона показал следующие результаты: образовательная компонента – 41,22 %, компонента «предпринимательские способности» – 21,07 %, компонента «здоровье» – 19,6 %, научно-исследовательская компонента – 10,98 % и демографическая компонента – 7,6 %. Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что качественные характеристики человеческого капитала региона во многом зависят от уровня и качества образования.

Таким образом, несмотря на то, что в российских регионах разрабатываются множество мероприятий поддержки различных сфер образования, здравоохранения, науки, анализ текущего состояния и развития человеческого капитала региона показал недостаточную эффективность проводимой политики в условиях цифровизации.

Вместе с тем, формирование экономики знаний и цифрового общества связано с эффективным использованием человеческого капитала региона и возрастанием роли университетов как драйвера регионального развития. В современных условиях происходит трансформация университетов и становление их в качестве центров научно-образовательной, предпринимательской, инновационной и культурной деятельности. Помимо образовательной функции, в настоящее время университеты также должны выполнять функции, соответствующие требованиям времени и мировой экономики, и самая важная из них – инновационная. Это функция выражается в том, что университет генерирует «будущие» знания и одновременно формирует человеческий капитал региона, что позволяет им интегрировать реальные и информационные ресурсы в едином экономическом пространстве. Однако, несмотря на наличие огромного инновационного потенциала, человеческого капитала и ресурсов российских университетов, инновационная функция этих организаций остается невостребованной национальной (региональной) экономикой. В современных условиях отсутствует единая научно обоснованная и апробированная система управления региональным развитием на основе использования человеческого капитала региона посредством реализации совокупного потенциала через университеты. Это острая проблема кроется в отсутствии какой-либо связи между «наукой» и «производством», что выражается в недоиспользовании человеческого капитала региона во благо регионального развития. Поэтому ключевой задачей российских вузов является поиск интегративных механизмов и инструментов активного участия их в мировых инновационных процессах посредством коммерциализации результатов их научно-исследовательской деятельности.

Таким образом, обновленная система управления региональным развитием должна быть нацелена на эффективное использование потенциала человеческого капитала региона посредством развития «инновационных» университетов.

Литература

1. Антошин В.А., Ершов Ю.Г. Вопросы управления региональным развитием в сфере национальной безопасности в Российской Федерации и США: сравнительный анализ // Вопросы управления. 2015. № 7. С. 43–52.
2. Магданов П.В., Падей В.Ю. Подход к организации стратегического планирования социально-экономического развития региона // Arsadministrandi (Искусство управления). 2011. № 4. С. 5–24.
3. Маликов Р.И., Гришин К.Е. О модернизации образовательной компоненты региональных предпринимательских экосистем // Общество и экономика. 2019. № 2. С. 83–97.
4. Мухаметова А.Д. Комплексная оценка человеческого капитала как фактора управления развитием региональной экономики // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 4. С. 30–34.
5. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>
6. Цифровая экономика и государственные информационные системы [Электронный ресурс]. URL: https://www.osp.ru/netcat_files/userfiles/Akron_2017/1.1_171001_Akron_prezentatsiya.pdf
7. Янгиров А.В., Юсупов К.Н., Ахунов Р.П., Уразаев Р.А., Рафиков Р.И., Якупова С.В. Проблемы развития регионов Приволжского федерального округа: государственная собственность, диспропорции, накопление капитала. Уфа, 2013.

Предпосылки формирования модели управления инновационной деятельностью региона

Prerequisites for Formation of Regional Innovation Management Model

(DOI: 10.34773/EU.2020.5.9)

Л. ВАЛИНУРОВА, К. ГИНДУЛЛИНА

Валинурова Лилия Сабиховна, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ)

Гиндуллина Карина Рафаиловна, магистрант кафедры инновационной экономики ИНЭФБ БашГУ.
E-mail: gindullina_98@mail.ru

В статье представлены результаты изучения теоретических основ управления инновационной деятельностью региона. В ходе работы рассмотрены определения понятий «инновационная деятельность» и «инновационный процесс», охарактеризовано состояние инновационной деятельности в Республике Башкортостан. Проанализированы существующие модели управления инновационной деятельностью, а также предложены рекомендации, посвященные формированию модели управления инновационной деятельностью, на примере Республики Башкортостан.

Ключевые слова: инновационная деятельность, управление инновационной деятельностью, модель управления, модель «черного ящика», «модель белого ящика».

The article presents the results of studying the theoretical foundations of the management of innovative activities in the region. In the course of the work, the definitions of the concepts of «innovative activity» and «innovation process» are given, the conditions of innovative activity in the Republic of Bashkortostan is characterized. The existing models of management of innovative activities are analyzed, and recommendations of the formation of regional innovation management model on the example of the Republic of Bashkortostan are proposed.

Key words: innovation activity, innovation management, management model, «black box» model, «white box model».

Актуальность исследования инновационной деятельности страны и ее регионов обусловлена социально-экономической обстановкой, которая сложилась в современном мире. Череда кризисных экономических и социальных явлений требует быстрого ответа и принятия экстренных, но эффективных управленческих решений. Страны, регионы, предприятия должны быть готовы в короткие сроки производить новую продукцию, внедрять новые технологии, разрабатывать и применять новые методы работы. Все это и составляет основу инновационной деятельности.

По результатам анализа экономической литературы в области инноваций было установлено, что понятиям «инновационная деятельность» и «инновационный процесс» посвящено множество научных публикаций отечественных и зарубежных авторов. Значительным вкладом в разработку теоретических аспектов инновационной деятельности и инновационного процесса можно считать работы таких зарубежных экономистов, как П. Друкер, М. Кастелс, Г. Менш, Б. Санто, Б. Твисс, И. Шумпетер, и отечественных: А. Анчишкин, Л. Бляхман, С. Валдайцев, Н. Кондратьев, Д. Кокурин, И. Николаева.

Проанализировав существующие определения понятия «инновационная деятельность», можно сделать вывод, что под этим термином подразумевается деятельность научно-технологического, организационного, финансово-коммерческого характера, осуществляемая экономической системой и нацеленная на создание и использование новшеств, а также распространение и продвижение их на рынке.

Зачастую в качестве синонима инновационной деятельности используется понятие инновационного процесса, однако стоит отметить, что они не являются тождественными. В отличие от инновационной деятельности под инновационным процессом следует понимать последова-

тельные организованные действия, представляющие собой путь новшества от стадий разработки, конструирования, производства до дальнейшего оснащения, распространения и коммерциализации, причем конечный продукт (услуга), выходящий на рынок, должен отвечать его требованиям и быть полезным конечному потребителю.

Главное отличие названных понятий состоит в том, что инновационная деятельность не обязательно должна состоять из этапов, формирующих основу инновационного процесса, включающих подготовительную, научно-техническую, экспериментальную и коммерческую деятельность. Инновационная деятельность может начаться и закончиться на любой из перечисленных стадий, к примеру, когда принимается решение о продаже права (патента, лицензии) на ту или иную технологию, без дальнейшего производства и сбыта на рынок.

Следовательно, можно сделать вывод, что понятие инновационного процесса является более широким, поскольку реализация всех этапов инновационного процесса сопровождается и осуществляется посредством различных видов инновационной деятельности и включает в себя, помимо инновационной деятельности, массовое производство, дальнейший сбыт, распространение и использование нового продукта (услуги).

Однако в рамках данной работы большее внимание уделяется инновационной деятельности, а именно управлению инновационной деятельностью, без которой невозможна эффективная работа предприятия, региона, страны в целом и которая предусматривает соблюдение определенных принципов, правил, а также выявление наиболее перспективных направлений развития.

Необходимость стимулирования инновационной деятельности вызвана современными экономическими условиями, поскольку инновации способствуют не только повышению производительности труда и уровня конкурентоспособности, но и уровня жизни. Таким образом, управление инновационной деятельностью на любом уровне предусматривает разработку и принятие решений, требующих проведения комплексного анализа условий реализации, определения конкретных целей и критериев их достижения и построения альтернативных вариантов.

В рамках данной работы было также проведено исследование, посвященное анализу состояния инновационной деятельности в Приволжском федеральном округе, были рассмотрены такие показатели, как уровень инновационного производства в регионах ПФО, затраты на технологические инновации в регионах ПФО и др. По результатам исследования было установлено, что в целом по стране в последние годы наблюдается снижение объема производства инновационной продукции и оказания инновационных услуг. Данная тенденция была характерна и для Республики Башкортостан.

Среди регионов Приволжского федерального округа положительная динамика наблюдается в Республике Татарстан, где доля инноваций выросла до 20,9 %, а также в Пермском крае, где значение аналогичного показателя выросло до 18,4 %. Несмотря на то, что Республика Башкортостан производит около 8 % всех инновационных продуктов в ПФО, доля ее инновационного производства невелика.

Распределение затрат на технологические инновации также неравномерно: больше всего средств выделяется в Республике Татарстан, и эта величина постоянно растет. Величина затрат в Республике Башкортостан снизилась, в результате чего уменьшился и вес региона до 7,4 %. В ходе исследования было также установлено, что в округе используют готовые технологии, число самостоятельно разработанных крайне невелико.

Для успешного развития инновационной деятельности в регионе необходимо устранить следующие имеющиеся проблемы: «высокий уровень риска инновационных проектов, влияющий на их стоимость; недостаточный объем и потенциал формирования собственных финансовых ресурсов; отсутствие четкого механизма взаимодействия подсистем генерации знаний (научные и образовательные организации) и освоения знаний (промышленные предприятия)» [2].

Решить обозначенные проблемы возможно посредством эффективных механизмов управления.

Как показали результаты исследования, на сегодняшний день существуют следующие модели управления инновационной деятельностью:

– модель «черного ящика» является линейной и во многом упрощает процесс инновационной деятельности. Данная модель показывает лишь основные факторы, влияющие на развитие инноваций в стране, регионе или на предприятии [1];

– модель «белого ящика» является нелинейной и предусматривает включение управляющего субъекта, в структуру модели включена обратная связь, позволяющая оценить результаты инновационной деятельности. «Белый ящик» обладает более сложной структурой, и ее построение требует наличия специфических знаний, а также точной информации о внешних факторах и входных переменных даже на уровне предприятия [1].

Учитывая сложность управления инновационной деятельностью, ее рисковый характер, особое значение приобретает этап отбора и преобразования идей, и здесь выделяют такие модели, как:

– модель типа «воронка» предполагает расширение входа и сужение выхода (горловины), то есть в процессе разработки идея проходит через систему отбора, в результате чего в виде продукции выходят лишь наиболее перспективные и привлекательные идеи;

– модель типа «ворота» основное внимание уделяет процессу принятия решения, идея на каждой стадии проходит через «ворота», которые контролируют качество проекта, оценивают приоритетность и принимают решение о продолжении проекта [3, 38].

Каждая из упомянутых моделей имеет свои преимущества и недостатки, однако ни одна из них не включает такие институты, которые смогли бы объединить государство, науку и предпринимательство, кооперация которых является первоочередной при формировании региональной инновационной системы и среды, генерирующей инновации и научные разработки.

В связи с этим предлагается следующая модель управления инновационной деятельностью, формирование которой основано на принципах приоритетности, системности и комплексности.

Приведенные принципы формирования модели управления инновационной деятельностью позволят раскрыть имеющийся научно-технический потенциал региона, будут способствовать увеличению новых разработок и стимулированию спроса на них, а также ускорят процесс интеграции всех субъектов инновационной деятельности, поскольку именно совместная и слаженная работа всех элементов системы позволит получить положительные результаты и обеспечить конкурентоспособный уровень развития региона.

В качестве новой модели управления предлагается модернизировать уже существующую на практике модель «белого ящика» путем объединения ее с моделью «воронка» на первоначальном этапе.

Визуализированная модель управления «белый ящик» + «воронка» будет выглядеть следующим образом:

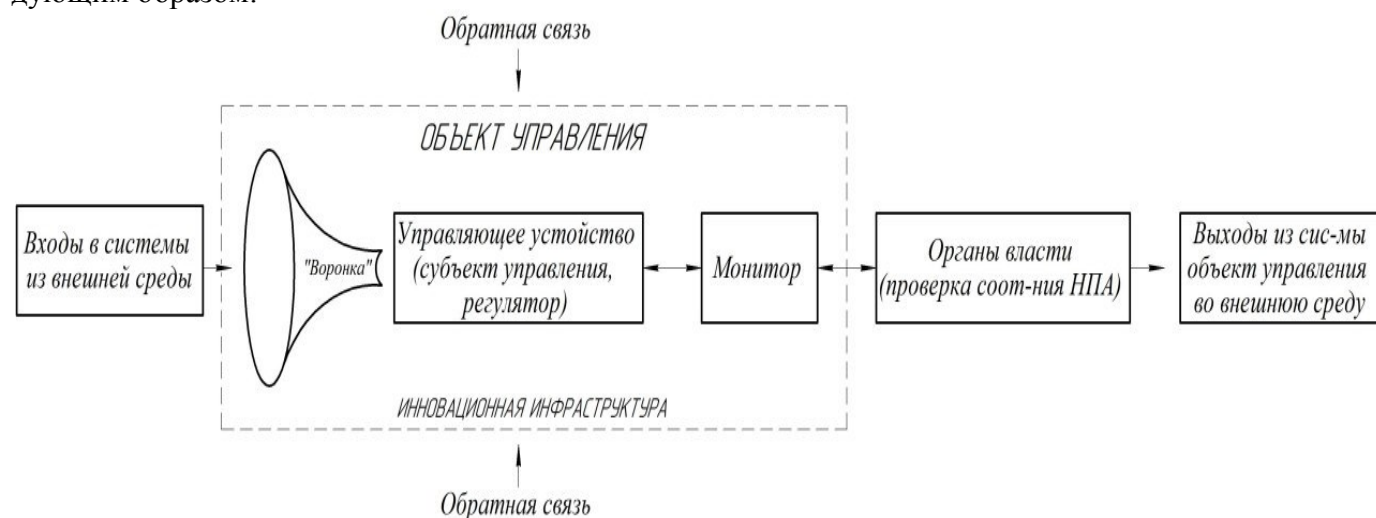

Рис. 1. Совмещенная модель управления инновационной деятельностью: «воронка» + «белый ящик»

Как видно из рисунка 1, для того, чтобы инновационный проект по созданию или совершенствованию какого-либо новшества прошел путь от идеи до вывода его на рынок, он должен пройти этап так называемой воронки, чтобы пройти комплексную процедуру отбора для дальнейшего испытания и рассмотрения его другими экспертами, а также решения о его финансировании и коммерциализации.

Так, в нашем случае, под воронкой понимается прохождение следующих этапов, подразумевающих одобрение следующими субъектами управления инновационной деятельностью, продемонстрированными на рисунке ниже.

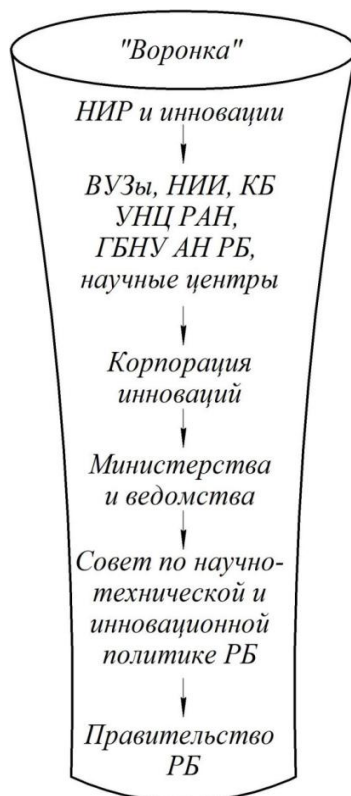

Рис. 2. Структура «воронки» на примере Республики Башкортостан

Все блоки, формирующие предложенную модель управления, взаимосвязаны между собой. Координационный сектор включает Правительство РБ, министерства республики, Совет по научно-технической и инновационной политике. Именно этот сектор ответственен за реализацию политики в научной и инновационных отраслях.

Важными элементами предлагаемой модели являются научно-образовательный и предпринимательский секторы, при этом поддержка предпринимательского сектора крайне важна, поскольку выгодна как государству, так и бизнесу. Работая сообща, частные и государственные структуры разделяют риски инновационных проектов и объединяют имеющиеся в их распоряжении ресурсы. Примером такого сотрудничества служат различные модели и формы государственно-частного партнерства.

Перечисленные секторы, реализующие инновационную деятельность региона, являются одним целым, что обуславливает необходимость обеспечения их успешной работы как по отдельности, так и в совокупности. При этом должна осуществляться координация бизнес-процессов в научной и инновационной сферах в целях активизации инновационной деятельности.

Совмещенная модель «воронки» и «белого ящика» может послужить катализатором дальнейшего и более успешного развития республики с точки зрения инновационной деятельности. К тому же, в отличие от «черного ящика», модель «белого ящика» оснащена обратной связью, что позволяет выявить имеющиеся проблемы не на выходе инновации из него, а еще на стадии

прохождения этапов, что существенно сократит излишние издержки и позволит доработать существующие несовершенства еще в ходе разработки инновационного проекта.

Принятие перечисленных мер окажет положительный эффект на состояние инновационной деятельности в республике, простимулирует дальнейший спрос субъектов хозяйствования на инновации и внедрение результатов НИР в реальный сектор экономики, а также поспособствует переходу республики на новый уровень конкурентоспособности и развития.

Литература

1. Королев В.И. Механизмы инновационного развития малого бизнеса в зарубежных странах // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 11. С. 52–61.

2. Палкина М.В. Инновационная деятельность в субъектах Российской Федерации Приволжского федерального округа: экономико-статистическая характеристика и направления развития // Инновационное развитие экономики. 2017. № 6. С. 123–130.

3. Печаткин В.В. Развитие инновационной системы Республики Башкортостан: проблемы и механизмы их решения [Электронный ресурс]. URL: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/4012-2016-07-07-36-37>

Развитие интеграционных процессов в промышленности Дагестана

Development of Integration Processes in the Industry of Dagestan

(DOI: 10.34773/EU.2020.5.10)

**Ж. КАЗИЕВА, С. ЧЕРКАСОВА,
З. МУРАДОВА**

Казиева Жаклин Наримановна, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления на предприятии Дагестанского государственного технического университета (ДГТУ). E-mail: Kazieva-61@mail.ru

Черкасова Светлана Андреевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии ДГТУ

Мурадова Зарема Рамазановна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии ДГТУ

В статье анализируются проблемы развития промышленности Дагестана. Определено, что рост или падение промышленного производства республики зависят от объемов оборонного заказа и к настоящему времени устойчивые основания развития промышленности не созданы. Обоснована необходимость активизации интеграционных процессов, позволяющих предприятиям получить доступ к финансам и новейшим технологиям. Доказано, что интеграция в промышленность России – надежный путь развития местных промышленных предприятий.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, интеграция, кооперация, устойчивое развитие, крупные промышленные предприятия.

The article analyzes the problems of industrial development in Dagestan. It is determined that the growth or decline in industrial production in the republic depends on the volume of the defense order and to date, no stable foundations for the development of industry have been created. The necessity of intensifying integration processes that allow enterprises to access finance and the latest technologies has been substantiated. It is proved that integration into Russian industry is the most reliable way of developing local industrial enterprises.

Key words: state defense order, integration, cooperation, sustainable development, large industrial enterprises.

Несмотря на то, что в период 2014–2018 гг. промышленное производство Республики Дагестан имело положительную динамику, демонстрируя рост более чем в 2,5 раза (что значительно превышало среднероссийские и региональные показатели), в 2019 г. наметился существ-

венный спад (за девять месяцев 2019 г. объем производства упал на 28,7 % по сравнению с показателями аналогичного периода 2018 г.).

Основными причинами подъема местной промышленности были получение крупных заказов от федерального центра, постановка четких целей и устойчивое финансирование в рамках госзаказа. За 2014–2017 годы объемы оборонного заказа увеличились в 2,2 раза.

Соответственно снижение объемов госзаказа для оборонных предприятий республики привело к резкому спаду промышленного производства. В частности, на заводе «Дагдизель» выпуск готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования, снизился в 45,5 раза. ОАО «Концерн КЭМЗ» сократило производство прочих транспортных средств и оборудования в 2,2 раза. На АО «Завод им. Гаджиева» производство по направлению «Машины и оборудование, не включенные в другие группировки» сократилось на 29,8 %. Кроме того, снижение производства компьютеров, электронных и оптических изделий отмечено и у махачкалинского филиала АО «Азимут» на 35 % [2].

Таким образом, высокие темпы роста промышленности в 2013–2018 гг. не решили ключевые проблемы экономического развития, не создали условия для научно-технического прорыва и структурной перестройки.

Сложившаяся ситуация напоминает постперестроечные 90-е годы, когда изменение динамики промышленного производства во многом было связано со свертыванием военных производств. Это привело к резкому сокращению производства, в том числе наиболее технически сложной и высококачественной продукции, что нельзя было объяснить ее неконкурентоспособностью. Основной причиной в таких производствах, как электроника, приборостроение, судостроение, была политика государства, направленная на сокращение выпуска военной продукции, которая составляла в общем объеме производства машиностроения в 1988 г. 70 %. С учетом того, что машиностроение в предкризисные годы было профилирующей отраслью, сокращение объемов военного производства явилось крупным фактором спада и одновременно структурной перестройки машиностроения и общественного производства в целом [3, 164].

К числу причин, по которым промышленность не реализует свой потенциал, относятся: структурное несовершенство, техническая отсталость, ограниченные возможности получения и использования кредитов из-за сохранения относительно высокой цены коммерческого кредитования при высоких инвестиционных рисках и недостатке собственных средств, уменьшение доли инвестиций, финансируемых из бюджетных источников, отсутствие эффективного механизма трансформации сбережений населения в инвестиции.

Таким образом, с сожалением приходится констатировать, что за последние 30 лет перечень проблем развития промышленности в республике практически не поменялся, так и не созданы реальные предпосылки для ее модернизации и устойчивого развития, предприятия так и не научились работать в рыночных условиях, сильно зависят от государства.

Рост или падение промышленного производства в Дагестане определяется объемами оборонного заказа, которые непостоянны и существенно меняются по годам. Для создания устойчивых оснований развития промышленные предприятия республики должны изменить структуру производства в направлении увеличения в ней доли инновационной гражданской продукции высокой степени готовности, поскольку производят в основном промежуточную продукцию, что приводит к потере значительной доли прибыли. По расчетам специалистов, потенциал машиностроительных предприятий используется всего на 15–20 %, производство продукции может быть увеличено в 5–6 раз.

Ориентация на оборонный заказ обуславливает нестабильность роста реального сектора экономики, и к настоящему моменту задача повышения технологического уровня и коренной модернизации промышленности не решена. В результате по объему ВРП и промышленного производства на душу населения среди субъектов РФ Дагестан сегодня находится в последнем десятке. А уровень обеспеченности расходов регионального бюджета собственными доходами составляет всего 20,7 %.

Дагестан вот уже много лет подряд входит в число высокодотационных республик, доля федеральных дотаций в доходах бюджетов которых превышает 40 %. Причина этого – низкий уровень налоговых и неналоговых доходов, которые способна генерировать экономика региона. В свою очередь, низкая доходность бюджета предопределяется слабым уровнем развития промышленности и сокращением крупных предприятий.

В последние годы в республике наметилась тенденция опережающего развития отраслей сферы услуг (доля сферы услуг в ВРП составляет 58,2 %, по данным за 2018 г.), в то же время доля промышленности в объеме ВРП с 2004 по 2018 г. снизилась почти в 3 раза – с 18,1 до 7,6 %, при этом доля отрасли в налоговом потенциале республики составляет около 35 %. Число крупных промышленных предприятий на территории республики сократилось с 35 в дореформенный период до 21 в настоящее время, а у оставшихся средняя загрузка заказами составляет 40–50 % мощностей. Среди крупных в прошлом предприятий ныне не числятся заводы «Электросигнал», «Стекловолокно», «Шлифстанков», «Керамических огнеупорных плит», «Буйнакский агрегатный завод», «Дагфос», завод «Сепараторов» и др. [4, 131]. По мнению профессора Сагидова Ю.Н., «изменившаяся структура хозяйства РД в пореформенный период, снижение вклада промышленности в ВРП, а также существенное ослабление экономики региона во многом явилось следствием падения производства крупных предприятий» [4, 130].

Сегодня определяющим трендом в мировой экономике является укрупнение и объединение предприятий в огромные многопрофильные холдинги. Это связано с тем, что крупным компаниям проще противостоять действиям конкурентов, эффективно развиваться, проводить инвестиционную и инновационную политику, удерживать имеющиеся и постепенно занимать новые ниши на рынке. Кроме того, крупные компании более устойчивы в кризисы, которые периодически происходят в рыночной экономике. На протяжении чуть больше двадцати лет российская экономика пережила тяжелые кризисы 1998-го, 2008-го, 2014-го и 2020-го годов, вызвав, помимо прочего, разорение мелких и средних предприятий.

Нельзя не согласиться с тем, что крупные промышленные предприятия, используя передовые технологии и привлекая высококвалифицированный персонал для их обслуживания, генерируют техническую культуру на всей территории своего размещения и что аграрные страны и территории, не развивающие промышленность, никогда не избавятся от отсталости [4, 133].

Направления развития промышленности Дагестана должны формироваться с учетом специфики экономического региона, требующей соблюдения комплексности своего развития, в то же время с учетом возможностей хозяйственной интеграции как части единого народнохозяйственного комплекса страны. Максимальная интеграция в промышленность России – самый надежный путь развития местных промышленных предприятий. Интеграция предприятий в промышленность России, развитие кооперированных связей дают мощный толчок росту объемов производства, позволяют привлечь значительные инвестиционные ресурсы. К крупным по объему выручки на территории Дагестана относятся в основном предприятия, интегрированные в вертикальные российские холдинги. Так, «Газпром трансгаз Махачкала» и «Газпром газораспределение Дагестан» входят в группу «Газпрома», «Чиркейгэсстрой» – в группу «РосГидро», КЭМЗ – в группу госкорпорации «Ростех», «Роснефть-Дагнефть», «Каспий-1» и «Каспий-2» – в группу «Роснефть», «Дагэнергосеть» – в группу «МРСК».

Как показывает практика, интеграционные процессы для дагестанской промышленности являются экономически высокоэффективными, поскольку позволяют увеличивать объемы производства и, соответственно, прибыль, восстанавливать утраченные в процессе приватизации технологические связи, разрабатывать и внедрять инновации, получить доступ к новейшим технологиям. Так, оборонный завод «Дагдизель» вошел в корпорацию «Тактическое ракетное вооружение» и сразу же получил контракты на 2016–2017 годы на 4 млрд 300 млн рублей, средства на модернизацию и развитие.

Дагестанские машиностроительные предприятия, не входящие в интеграционные структуры, демонстрируют неспособность к самостоятельному росту и предопределяют необходимость активизации интеграционных процессов.

Создание и развитие интеграционных структур обусловлены объективными закономерностями обобществления производства, необходимостью приведения его организационных форм в соответствие с современным уровнем развития производительных сил и производственных отношений.

Наблюдаемые процессы централизации собственности и капиталов в форме государственно-корпоративных вертикально интегрированных структур создают организационно-экономический базис производственно-хозяйственной и финансовой устойчивости предприятия.

Развитие международных кооперационных связей, позволяющих обеспечить приход в страну современных товаров и технологий, под силу только крупным предприятиям. Становление экономики государственно-корпоративного типа знаменует значительные изменения форм собственности в направлении их обобществления, что фактически означает отказ от децентрализации и дерегулирования производства. В рамках объединения создаются предпосылки для существенного улучшения инвестиционной и инновационной деятельности, органического слияния науки и производства, более полного использования ресурсов, в результате чего возникает синергетический эффект, который выражается в том, что эффективность совместных действий подсистем в системе выше, чем в условиях их автономного функционирования, причем повышается выгода каждого из участников в отдельности [1, 1082].

Источники синергии сводятся к следующим основным моментам:

1. Интеграция, объединение и укрупнение предприятий позволяют сократить затраты: производственные, в результате применения более совершенной техники и технологии производства, разработки эффективных схем управления запасами; затраты, связанные с продвижением товаров и услуг на новые рынки; издержки управления за счет оптимизации организационной структуры и сокращения условно постоянных расходов; экономить на торговых, маркетинговых и других услугах.

2. Улучшение доступа к финансовым ресурсам, в том числе за счет облегчения получения льготных государственных и частных кредитов, что дает преимущество в конкурентной борьбе и стимулирует инвестиционную активность в регионе.

3. Повышение экстенсивного и интенсивного использования основных средств за счет увеличения времени их работы и повышения и производительности.

4. На крупных предприятиях имеются возможности для развития инновационной деятельности путем создания научно-исследовательских лабораторий, конструкторских и технологических бюро.

5. Диверсификация бизнеса, способствующая повышению устойчивости предприятия путем перераспределения финансовых и других ресурсов между направлениями бизнеса.

Как показывает мировой опыт, становление крупных вертикально или горизонтально интегрированных предприятий способствует развитию малого и среднего бизнеса.

Малые и средние предприятия могут возникать в виде филиалов крупных предприятий, на базе отделения существующих производственных структур, которые реорганизуются и регистрируются как отдельные юридические лица, на основе создания новых малых предприятий в смежных отраслях.

К недостаткам интеграционной модели организации производства, помимо снижения внутриотраслевой конкуренции, можно отнести сложность управления крупным объединением ввиду разнородности объектов управления и большого числа субъектов корпоративных отношений, имеющих различные интересы.

В 2020 г. определяющее влияние на социально-экономическое развитие оказывают значительное сокращение цен на нефть и снижение ее экспорта, и пандемия коронавируса. Меры, предпринятые Правительством РФ в борьбе с коронавирусом, вызвали значительный спад в транспортной отрасли и туризме, в производстве электроэнергии, многих видах услуг, вслед за которыми ухудшились показатели смежных отраслей, сократились объем розничного товарооборота и конечное потребление домашних хозяйств, значительно возросла бедность и безработица. Бедность и безработица являются фундаментальной проблемой дагестанской экономики,

так как низкий уровень жизни населения не стимулирует предпринимателей к экономии затрат на оплату труда посредством модернизации производственной базы на новом качественном уровне.

За счет потребления домохозяйств обеспечивается половина общего роста ВВП, увеличение же потребления домохозяйств требует роста доходов населения. Поэтому перспективы устойчивого развития промышленности связываются с возможностью решения задачи повышения качества жизни населения.

Одной из основных проблем дагестанской промышленности является техническая отсталость. Наши промышленные предприятия работают по устаревшим технологиям, износ основных фондов достиг критического уровня. Новое оборудование предприятия не могут приобрести из-за санкций и перекупают друг у друга изношенное импортное оборудование. В результате производительность труда в Дагестане в 8–10 раз ниже, чем в целом по России.

В сложившихся условиях без господдержки и административного ресурса предприятиям выжить очень сложно. Назрела острая потребность в изменении политики государства в направлении создания условий для активизации интеграционных процессов, преодоления ресурсных и технологических ограничений, повышения качества жизни населения, подготовки квалифицированных кадров для промышленности.

Литература

1. Большой экономический словарь / Под ред. А. Н. Азрилияна. 7-е изд., доп. М.: Институт новой экономики, 2008. 1472 с.
2. Итоги социально-экономического развития Дагестана за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: <https://riaderbent.ru/>
3. Казиева Ж.Н. Устойчивое развитие промышленности: факторы, цели, структурные преобразования. Махачкала: Лотос, 2008. 208 с.
4. Сагидов Ю.Н. Активизация развития регионов экономически периферийной части России. М.: Перо, 2019. 208 с.

Роль технопарков в цифровой трансформации промышленности региона

Role of Technoparks in the Digital Transformation of the Region's Industry
(DOI: 10.34773/EU.2020.5.11)

Н. ЦЫЦАРОВА, Г. ФЕДЮКОВА

Цыцарова Наталья Михайловна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Ульяновского государственного технического университета (УлГТУ). E-mail: n.thitharova@bk.ru

Федюкова Гульфия Хайдаровна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и организации производства УлГТУ. E-mail: fedyukovag@mail.ru

В статье анализируется роль технологических и индустриальных парков в процессе внедрения цифровых технологий промышленными предприятиями Ульяновской области. Обосновывается идея необходимости дальнейшего развития специализированных на информационно-коммуникационных технологиях технопарков.

Ключевые слова: технопарки, инновационная деятельность, промышленность, регион, цифровая трансформация.

The article analyzes the role of technological and industrial parks in the process of introducing digital technologies by industrial enterprises of the Ulyanovsk region. The idea of the need for further development of technoparks specialized in information and communication technologies are substantiated.

Key words: technopark, innovative activity, industry, region, digital transformation.

В эпоху цифровой экономики, когда предприятиям нужно увеличивать расходы на поиск и внедрение цифровых технологий, необходимых в условиях формирования «Индустрии 4.0», роль технопарков только усиливается. На базе технопарков можно проследить запросы предприятий в отношении новых бизнес-моделей.

В этих условиях технопарки могут выступать в роли стимуляторов внедрения новых цифровых бизнес-моделей в экономику и промышленность.

Рассмотрим сходства и различия технопарков и индустриальных парков (табл. 1).

Таблица 1

Сходства и различия технопарков и индустриальных парков

Критерии сравнения	Технопарк	Индустриальный парк
Расположение	в черте города	за чертой поселений на промышленных землях
Инфраструктура	развитая	развитая
Ориентация	на развитие наукоемких, высокотехнологических предприятий и стартапов	на традиционную промышленность
Продукт	инновации	производственная продукция
Ключевые участники	– организации, создающие инновации; – поставщики новых знаний и технологий; – организации, осуществляющие и способствующие трансферу инноваций.	– компании-резиденты из одной или разных отраслей; – управляющая компания
Вход для участников	несколько затруднен: необходимо соответствовать принципам технопарка (разрабатывать или применять инновационные технологии, внедрять, обслуживать высокотехнологические системы)	свободный: достаточно приобрести землю в составе индустриального парка и подписать соглашение с управляющей компанией
Налоговые льготы	предоставляются	предоставляются
Результаты деятельности	видны не сразу, невозможно просчитать	возможно просчитать как на краткосрочный, так и на долгосрочный периоды

Появление новых мегатрендов в социально-экономической жизни общества требует от промышленных предприятий пересмотра подходов к формированию стратегии развития. Еще совсем недавно ИТ-стратегия рассматривалась как одна из функциональных стратегий развития предприятия, сегодня появился новый термин – цифровая стратегия.

Цифровая стратегия рассматривается исследователями как новый тип бизнес-стратегии либо даже общеорганизационной стратегии, так как имеет более высокий уровень иерархии [3, 45]. Это обусловлено тем, что цифровые технологии создают основу организационных инноваций в части становления новых бизнес-моделей.

Промышленные предприятия являются основой экономической системы государства, и от того, насколько быстро они освоят современные цифровые технологии, зависит их конкурентоспособность и устойчивость в новой экономической и социальной ситуации.

Формирование цифровой экономики произошло под влиянием развития информационно-коммуникационных технологий. Одной из тенденций современной экономики является установление зависимости валового выпуска как целевого показателя функционирования экономической системы от валового выпуска отрасли ИКТ [6, 27].

Отставание российских промышленных предприятий от мировых лидеров в области цифровизации, их низкий уровень цифровой зрелости указывают на необходимость преодоления сложившейся ситуации.

Результаты исследования готовности российских компаний к цифровым изменениям, проведенного в 2017 г. NAFI совместно с фондом «Сколково», показали низкий уровень цифровой готовности к переходу на новую «цифровую модель» (36 п.п. из 100 у традиционного бизнеса против 49 п.п. у высокотехнологичных стартапов) [1].

Эксперты в области цифровой трансформации предлагают предприятиям оценивать уровень цифровой зрелости для дальнейшего формирования реестра цифровых предприятий, который будет содержать цифровой паспорт предприятия с указанием уровня цифровой зрелости. Наличие такого реестра позволит предприятиям определять направления дальнейшего совершенствования цифровой стратегии и участвовать в формировании цифровой среды с партнерами, поставщиками и потребителями.

Значительная роль в процессе формирования цифровой среды отводится технопаркам. По данным Ассоциации кластеров и технопарков за 2016 г., в Российской Федерации функционировало 125 технопарков в 44 регионах России, включая 57 промышленных парков, из которых 45 – действующие и 12 – создаваемые [6], в 2017 г. – 157 технопарков в 85 субъектах РФ, 2018 г. – 169 технопарков и 185 организаций, имеющие некоторые признаки технопарков. Стимулом к созданию технопарков является программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» [6, 27].

Анализируя статистические данные, представленные в ежегодных отчетах Ассоциации кластеров и технопарков за период с 2016 по 2019 г., можно увидеть, что в настоящее время в Российской Федерации приоритет отдается созданию специализированных технопарков с доминирующей специализацией – информационно-коммуникационные технологии. В то же время у многоотраслевых технопарков, среди прочих направлений, присутствует ИКТ-направление (рис. 1).

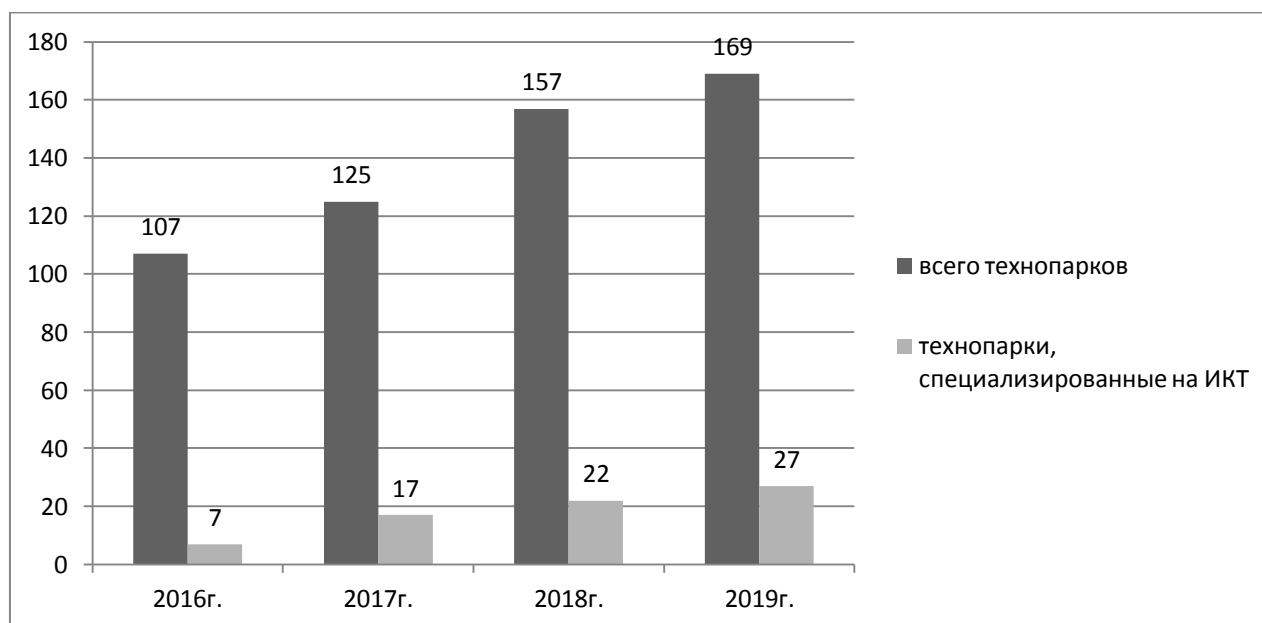

Рис. 1. Количество российских технопарков с указанием специализации ИКТ (составлено авторами по [5])

Региональный аспект имеет ключевое значение в выборе подходов к созданию технопарков. Обзор деятельности технопарков Ульяновской области проведен на основе информации, представленной в открытых источниках [2; 4] (см. табл. 2).

Согласно таблице 2, на данный момент в Ульяновской области 8 действующих и 6 индустриальных парков, находящихся на стадии создания. Причем среди действующих парков значительное большинство составляют браунфилды. Это объясняется тем, что Ульяновская область обладает промышленной инфраструктурой, созданной в советский период, но в настоящее время

большинство ее элементов нуждаются в модернизации. Создание браунфилда является одним из вариантов «оживления» промышленности. Среди проектируемых промышленных парков 50 % составляют гринфилды и 50 % – браунфилды. Все рассмотренные промышленные парки Ульяновской области имеют разработанную и реализуемую концепцию развития парка.

Таблица 2

Технологические и промышленные парки Ульяновской области

Название парка	Статус	Специализация	Тип площадки
1. Ульяновский центр трансфера технологий (Ульяновский наноцентр – ULNANOTECH)	Действующий	Многоотраслевой	Гринфилд
2. ДААЗ	Действующий	Машиностроение. ИТ-услуги входят в дополнительные услуги	Браунфилд
3. Димитровградский промышленный парк «Мастер» (ДИП «Мастер»)	Действующий	Универсальный	Браунфилд
4. Дега-Ульяновск	Создаваемый	Агропромышленный	Гринфилд
5. Промышленный парк «УАЗ»	Действующий	Машиностроение и металлообработка	Браунфилд
6. Промышленный парк «Новоульяновск»	Действующий	Универсальный	Гринфилд
7. Промышленный парк «Платформа»	Действующий	Универсальный	Нет данных
8. Портовая особая экономическая зона «Ульяновск»	Действующий	Универсальный	Нет данных
9. Промышленный парк «Заволжье»	Действующий	Универсальный	Гринфилд
10. Промышленный парк «УЗТС»	Создаваемый	Машиностроение и металлообработка	Гринфилд
11. Промышленный парк «Русь»	Создаваемый	Текстильная промышленность	Браунфилд
12. Промышленный парк «Диамикс»	Создаваемый	Универсальный	Браунфилд
13. Промышленный парк «Димитровград»	Создаваемый	Универсальный	Браунфилд
14. Промышленный парк «Новоспасское»	Создаваемый	Универсальный	Гринфилд

Рис. 2. Систематизация технопарков Ульяновской области в зависимости от направления специализации

Согласно статистическим данным, среди промышленных и технологических парков Ульяновской области преобладает универсальная/многоотраслевая специализация (64 % от общего числа). Далее следуют технопарки, специализирующиеся на машиностроении (21,60 %). Доля технопарков, специализирующихся на текстильной и аграрной промышленности, составила по 7,20 %, при этом данные технопарки находятся на стадии создания. Если в предыдущие годы при создании технопарков приоритет отдавался универсальной специализации, то в настоящее время можно заметить тенденцию к конкретной специализации технопарков.

Анализируя деятельность технопарков Ульяновской области, можно заметить расхождение между общим числом резидентов на территории парка и резидентами, начавшими производство. Согласно данным, представленным в геоинформационной системе по промышленным и технологическим паркам, только 50 % (52 резидента из 123) начали производственную деятельность [2] (рис. 3).

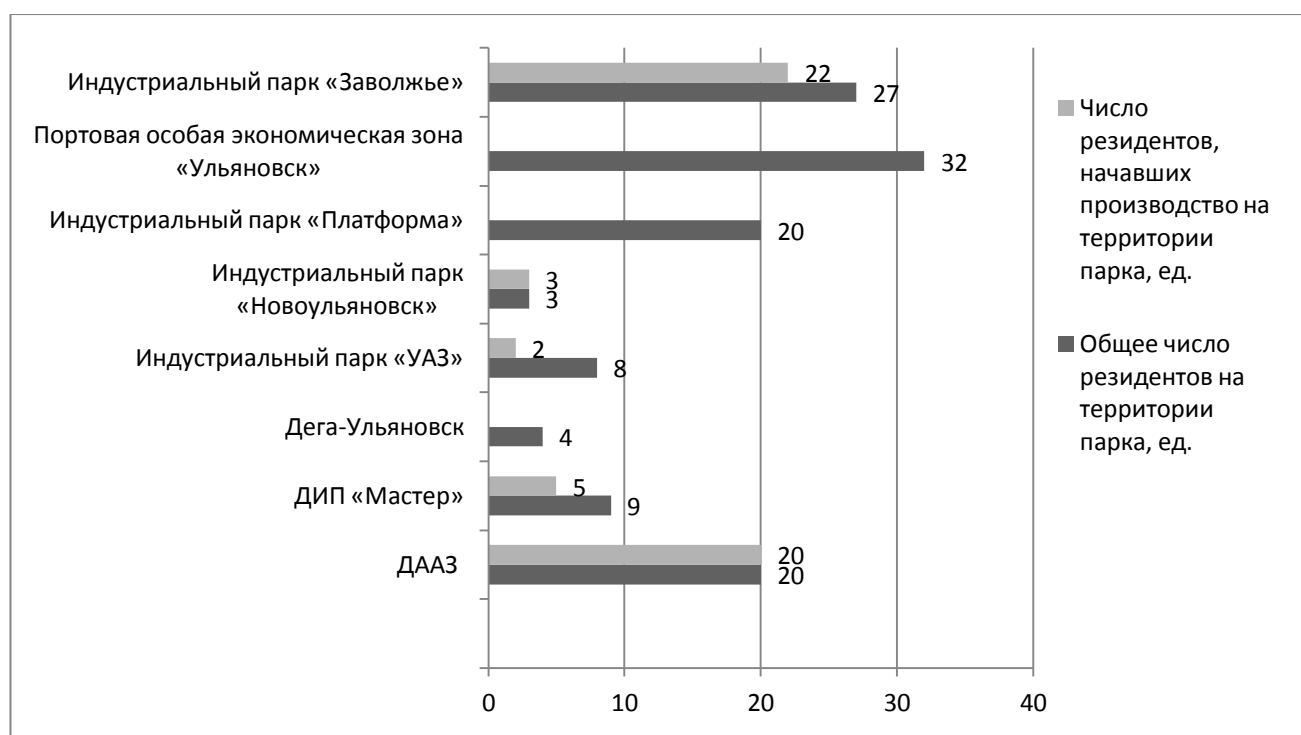

Рис. 3. Ключевые показатели деятельности технопарков Ульяновской области

Согласно данным по промышленным и технологическим паркам, содержащимся в геоинформационной системе и представленным в таблице 3, технопарки способствовали созданию 11736 рабочих мест, что для Ульяновской области является заметным показателем.

Таблица 3

Количество созданных рабочих мест на территории парка, ед.

Название технопарка	Количество рабочих мест, ед.
ДААЗ	5628
ДИП «Мастер»	54
Индустриальный парк «УАЗ»	120
Индустриальный парк «Новоульяновск»	300
Индустриальный парк «Платформа»	55
Портовая особая экономическая зона «Ульяновск»	565
Индустриальный парк «Заволжье»	5014

Развитие технопарков носит системный подход. С 2014 г. технопаркам отводится роль драйверов развития промышленности регионов.

Ассоциация кластеров и технопарков с 2016 г. на основе экспертной методики составляет рейтинг исходя эффективности деятельности технопарков. Основу методики составляет комплексная оценка по 4 группам показателей: инновационная активность резидентов технопарка, экономическая деятельность резидентов технопарка, эффективность управляющей компании технопарка и наличие благоприятных условий для деятельности резидентов [5].

Согласно данным рейтингов, Ульяновский нанотехнологический центр в числе первых 7 российских технопарков прошел добровольную аккредитацию Ассоциации кластеров и технопарков и получил статус аккредитованного технопарка.

В 2016 г. Ульяновский нанотехнологический центр вошел в группу технопарков с высоким уровнем эффективности функционирования. В дальнейшем центр сохранил свои высокие позиции, в 2017 г. он вошел в группу технопарков с наивысшим уровнем эффективности функционирования технопарка, а в 2018 году проект многоотраслевого технопарка «Технокампус 2.0» был одобрен Минэкономразвития России как проект по созданию (развитию) технопарков. Размер предоставленных субсидий по данному проекту составил 500 млн рублей на 2 года.

Одним из факторов такого положения дел является инвестиционная привлекательность Ульяновской области наряду с высокой вовлеченностью региона в развитие инновационной деятельности. Наиболее полно это можно проследить на примере реализации проектов в области альтернативной энергетики, в частности ветроэнергетики. В Ульяновской области не только создан ветропарк мощностью 35 мегаватт, но и развивается производство ветроэнергетических установок (компания ООО «Альтрэн»).

По уровню вовлеченности и заинтересованности в развитии ветроэнергетики, согласно рейтингу, составленному Российской Ассоциацией Ветроиндустрии, Ульяновская область в 2019 году вошла в топ-4 регионов с наиболее высокими показателями рейтинга. Регион нацелен и на развитие малых и средних IT-компаний. В последнее десятилетие в регионе наблюдается рост высокотехнологичного малого и среднего бизнеса. Ульяновский центр трансфера технологий является ядром данного процесса, при его участии создан комплекс проектов «Технокампус 2.0 – Технологическая долина 2.0 – Сантор». Основной целью комплексных проектов является создание уникальной инфраструктуры, которая позволит провести трансформацию экономики Ульяновской области в сторону преобладания высокотехнологичного малого и среднего бизнеса, ориентированного в том числе на развитие цифровых технологий. Примером быстрорастущей IT-компания может служить ООО «СимбирСофт».

Резидентами Ульяновского нанотехнологического центра являются компании, не только реализующие уникальные производства, но и осуществляющие научно-исследовательскую деятельность. Например, ООО «Джинэкст», НПО НПП «Металл-Композит», технологическая компания Comberg, ООО «ТестГен», ООО «Альтрэн».

Еще одним из направлений развития экономики региона является стимулирование спроса на исследования и разработки инновационной продукции со стороны «якорных» организаций, примером может служить АО «Авиастар-СП», АО «ГНЦ НИИАР».

Согласно Национальному рейтингу промышленных парков, который оценивает ряд показателей деятельности промышленных парков Российской Федерации, парки Ульяновской области в 2019 г. заняли следующие места: парк «Заволжье» – 31 место из 550, ПОЭЗ Ульяновск – 86 место, парк «Новоульяновск» – 206 место, парк «УАЗ» – 295 место, парк ДААЗ – 347 место.

Согласно проведенному опросу среди руководителей ульяновских промышленных предприятий (в опросе участвовали представители 14 предприятий), 56 % предприятий только переходят на цифровые технологии, 44 % – изучают цифровые технологии и возможности их применения на своих предприятиях. Процесс цифровой трансформации промышленности только набирает обороты. 50 % опрошенных утверждает, что на предприятии существуют только

отдельные распоряжения и положения по цифровизации; другие 50 % отмечают, что, несмотря на наличие документов по цифровизации, они не реализуются в полном объеме.

При этом 80 % считают, что внедрение цифровых технологий только лишь отчасти может способствовать повышению эффективности деятельности организации. На данный момент для предприятий цифровые технологии – скорее что-то интересное, но не имеющее практического приложения. Кроме того, руководители предприятий отмечают высокую стоимость не только самих технологий, но и их внедрения и обслуживания. Нехватка высококвалифицированных кадров является еще одним барьером на пути цифровизации. Для Ульяновского региона характерна ситуация утечки высококлассных молодых специалистов, подготовленных в региональных вузах, в другие регионы России. Основными причинами является отставание региона по ряду показателей качества жизни и низкий уровень заработной платы по сравнению с другими регионами России.

Большинство из опрошенных предприятий не имеют опыт сотрудничества с технологическими и индустриальными парками в области IT-технологий. Отсутствие развитой культуры технологического предпринимательства является сдерживающим фактором.

На пути цифровой трансформации российские промышленные предприятия сталкиваются с серьезными барьерами, в числе которых – отсутствие финансовых средств на проведение цифровизации; отсутствие стандартов внедрения цифровых технологий; высокая неопределенность при выборе стратегии цифровизации; технологически устаревшее производство; невысокая компетентность руководителей в области современных IT-технологий; высокий уровень сопротивления сотрудников предприятий переходу к цифровым технологиям.

В связи с этим перед регионом встает ряд задач, необходимых для осуществления цифровой трансформации. В их числе – привлечение и удержание в регионе молодых специалистов, создание лабораторий и исследовательских центров международного уровня, развитие и стимулирование инновационных проектов, дальнейшая модернизация в традиционных областях.

Таким образом, индустриальные и технологические парки могут стать точками роста экономики региона в том случае, если будут учитывать потребности промышленности региона. Сегодня наиболее актуальной потребностью является внедрение цифровых технологий, обеспечивающих высокую конкурентоспособность промышленной продукции и предприятия. Технопарки, выступая элементами инновационной структуры региона, будут способствовать преодолению барьеров промышленными предприятиями на пути внедрения цифровых технологий.

Литература

1. Альманах «Цифровая экономика» [Электронный ресурс]. URL: <https://old.sk.ru/news/m/skmedia/20434.aspx>
2. Геоинформационная система. Индустриальные парки. Технопарки. Кластеры [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gisip.ru/#!ru/>
3. Гилева Т.А. Цифровая зрелость предприятия: методы оценки и управления // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 1. С. 38–52.
4. Обзор индустриальные парки и технопарки России [Электронный ресурс]. URL: <https://russiaindustrialpark.ru/>
5. Сайт Ассоциации кластеров и технопарков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akitrf.ru>
6. Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / Под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. 807 с.

Анализ конкурентной среды на товарных рынках Республики Башкортостан

Analysis of the Competitive Environment in the Commodity Markets
of the Republic of Bashkortostan (DOI: 10.34773/EU.2020.5.12)

Д. ЕНИКЕЕВА

Еникеева Динара Дамировна, научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан. E-mail: enikeevadd@isi-rb.ru

В статье представлены подходы к понятию «конкуренция». Обозначена суть элемента современной конкурентной политики в РФ – Стандарта развития конкуренции в субъекте, где ключевым моментом является анализ конкурентной среды на отдельных товарных рынках. В качестве методики анализа конкурентной среды нами выбран подход М. Портера, выделяющего пять сил конкуренции, влияющих на рынок. По данной методике были проанализированы 33 рынка, входящих в перечень рынков по содействию развитию конкуренции.

Ключевые слова: конкуренция, конкурентная среда, методика М. Портера, товарные рынки, рыночная власть, пять сил конкуренции.

The article presents approaches to the concept of competition. The essence of such an element of modern competition policy in the Russian Federation as a Standard for the development of competition in the subject, where the key point is the analysis of the competitive environment in individual commodity markets. As a method of analyzing the competitive environment, we selected the approach of M. Porter, who identifies the five forces of competition. Using this method, 33 markets included in the list of markets for promoting competition were analyzed.

Key words: competition, competitive environment, Porter's method, commodity markets, market power, five forces of competition.

Одними из условий обеспечения конкурентоспособности национальной экономики являются развитая конкурентная среда и здоровые конкурентные отношения на товарных рынках. Актуальность и значимость данного тезиса подтверждается тем, что Президент РФ назвал содействие развитию конкуренции важным направлением работы органов государственной власти различного уровня [5].

Понятие конкуренции связывают с торговлей, сферой обмена, то есть она является неотъемлемым элементом рыночной экономики. Сама категориальная сущность конкуренции достаточно сложная и многогранная. В экономической литературе существуют три подхода к пониманию содержания данной категории [2, 70]. В рамках первого типа – структурного – конкуренция связана с численностью таких участников, которые не имеют возможность воздействовать на рыночные параметры. Итогом конкуренции является наличие большого числа независимых продавцов, взаимодействующих между собой посредством борьбы за потребительский спрос. Яркими представителями данного подхода являются А. Курно, Ф. Найт, А. Юданов и др. Функциональный подход связан с определением роли, которую выполняет конкуренция в экономической системе. Она обеспечивает взаимодействие спроса и предложения, определяет уровень цен, пропорции общественного воспроизводства, инновационную активность, способствует переливу капитала между отраслями и т.д. Представителями данного подхода выступают А. Смит, Й. Шумпетер, Ф. Хайек, И. Кирцнер и др. И, наконец, в рамках поведенческого подхода конкуренция рассматривается как тип поведения участников на рынке, способы взаимодействия и приспособления к внешней среде, выработка стратегии и т.д. Представителями данного направления являются Ф. Колер, Р. Фархутдинов, Г. Азоев и др.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 19-410-020021\19 «Модернизация институционально-культурных характеристик общественной системы как один из приоритетов современного экономического развития».

Современная конкуренция представляет собой взаимосвязь трех представленных выше подходов. Конкуренция, формируя тип взаимодействия с внешней средой, создавая определенный тип социально-экономических отношений, выполняет ряд функций в экономике, образуя определенную структуру рынка. Мы должны понимать, что рассмотренные подходы описывают различные аспекты одного и того же явления, поэтому должны анализироваться в неразрывной связи друг с другом.

Исследователи едины во мнении, что конкуренция – необходимый и обязательный элемент современной экономики.

Конкуренция реализуется в конкурентной среде и является ее элементом. Механизм конкуренции обеспечивается посредством конкурентной среды. Поэтому государство, определяя цель развития конкуренции, должно изучить вопросы развития конкурентной среды. Рассматривая конкурентную среду, будем придерживаться широкой трактовки и определять ее как совокупность институциональных условий, обуславливающих взаимодействие хозяйствующих субъектов на рынке. Таким образом, конкурентная среда – совокупность институтов, формирующих и реализующих конкуренцию на определенном рынке.

Политику развития конкуренции государство реализует посредством конкурентной политики, одним из элементов которой является реализация Стандарта развития конкуренции в субъекте Российской Федерации. Указанный инструмент подразумевает единообразный подход к реализации указанной политики, но с учетом региональной специфики. Согласно данному Стандарту [4], для субъектов установлен общий перечень товарных рынков по развитию конкуренции для выбора приоритетных направлений в целях организации соответствующей работы. В республике определены 33 приоритетных направления [1, 100]. Данные рынки формируют порядка 20 % валового регионального продукта республики, где сосредоточено более 450 тыс. рабочих мест, что составляет 27 % от численности занятых в экономике республики.

Оценка степени развития конкуренции на товарных рынках нами проводилась в рамках методики М. Портера [3], которая подразумевает выделение пяти факторов («конкурентных сил»), определяющих общий уровень конкуренции в исследуемых рынках отрасли. Анализ проводится в данный момент времени (2019 год), определяются текущие проблемы отрасли, факторы ограничения конкурентной среды; модель не предполагает прогнозирования различных сценариев развития отрасли. Существует достаточно большое число методик исследования конкурентной среды определенного рынка. Выбор методики основывается на цели исследования. Поскольку целью работы является исследование конкурентной среды товарного рынка для развития конкуренции на нем, то методика должна давать ответ на вопрос о том, какова степень развития конкуренции. На наш взгляд, подобному требованию удовлетворяет модель М. Портера.

Методика Портера основывается на том, что конкурентная среда испытывает влияние определенных сил, заданных структурой рынка. Данные силы получили название «пяти сил конкуренции» Портера: сила реальной конкуренции на рынке, сила потенциальной конкуренции, сила продавцов, сила покупателей и сила со стороны товаров-заменителей. Для анализа рынка по данной методике необходимо не только владеть информацией о структурных характеристиках изучаемого рынка – количестве продавцов, покупателей, типе товара, высоте входных барьеров, но и иметь возможность оценить поведение и результативность такого поведения. Поэтому, на наш взгляд, данная методика является комплексной и сочетает в себе три подхода к конкуренции – структурный, поведенческий и функциональный.

Методика основывается на экспертном опросе, который проводился в очной и заочной формах. Респондентами опроса стали эксперты Академии наук Республики Башкортостан, Башкирского государственного аграрного университета, Уфимского лесотехнического техникума, Министерства сельского хозяйства РБ, Министерства лесного хозяйства РБ, Министерства природопользования и экологии РБ, Министерства промышленности и энергетики РБ, Государственного комитета по транспорту и дорожному строительству, Государственного комитета РБ по строительству и архитектуре. Критериями отбора экспертов являлись: ученая степень и

ученое звание, должностное положение, стаж научной или практической работы в исследуемой области, компетентность; объективность и принципиальность.

Эксперты были опрошены по 5 группам вопросов согласно методике М. Портера, также имелись открытые вопросы, касающиеся эффективности и направлений государственной поддержки отрасли, конкретных мероприятий, направленных на улучшение и стимулирование конкурентной среды. Были проанализированы все рынки, которые входят в Перечень товарных рынков Республики Башкортостан, для содействия развитию конкуренции.

Все рассматриваемые рынки были объединены в группы в зависимости от отраслевой принадлежности рассматриваемого рынка. Первая группа охватывает рынки агропромышленного комплекса, вторая группа представлена рынками, входящими в промышленность региона в части добывающей, обрабатывающей промышленности и строительства. Третья группа состоит из рынков социальной сферы. И, наконец, четвертая группа представлена жилищно-коммунальным хозяйством, городской средой и благоустройством, перевозкой грузов и пассажиров и смежными рынками. Результаты анализа рынков представлены на рисунках 1-4.

Данные рисунка 1 позволяют заключить, что среди рассматриваемых рынков наиболее высокий показатель, а значит, и более высокий уровень конкуренции характерен для рынка товарного рыбоводства, где уровень конкуренции с товарами-заменителями наибольший, а также высока внутриотраслевая конкуренция и значительная «власть» покупателей. Этот рынок имеет значительный потенциал для роста, обусловленный неудовлетворенным спросом, возможностью замены инорегиональных поставок, помимо этого, следует отметить серьезную государственную поддержку в виде субсидирования затрат на новое производство и т.д. Самыми низкими показателями степени развития конкуренции в рассматриваемом пуле рынков характеризуется региональный рынок семеноводства. Серьезным ограничением конкуренции здесь видится необходимость значительных вложений в научные разработки селекционных сортов семян при незначительном уровне платежеспособности региональных сельхозпредприятий.

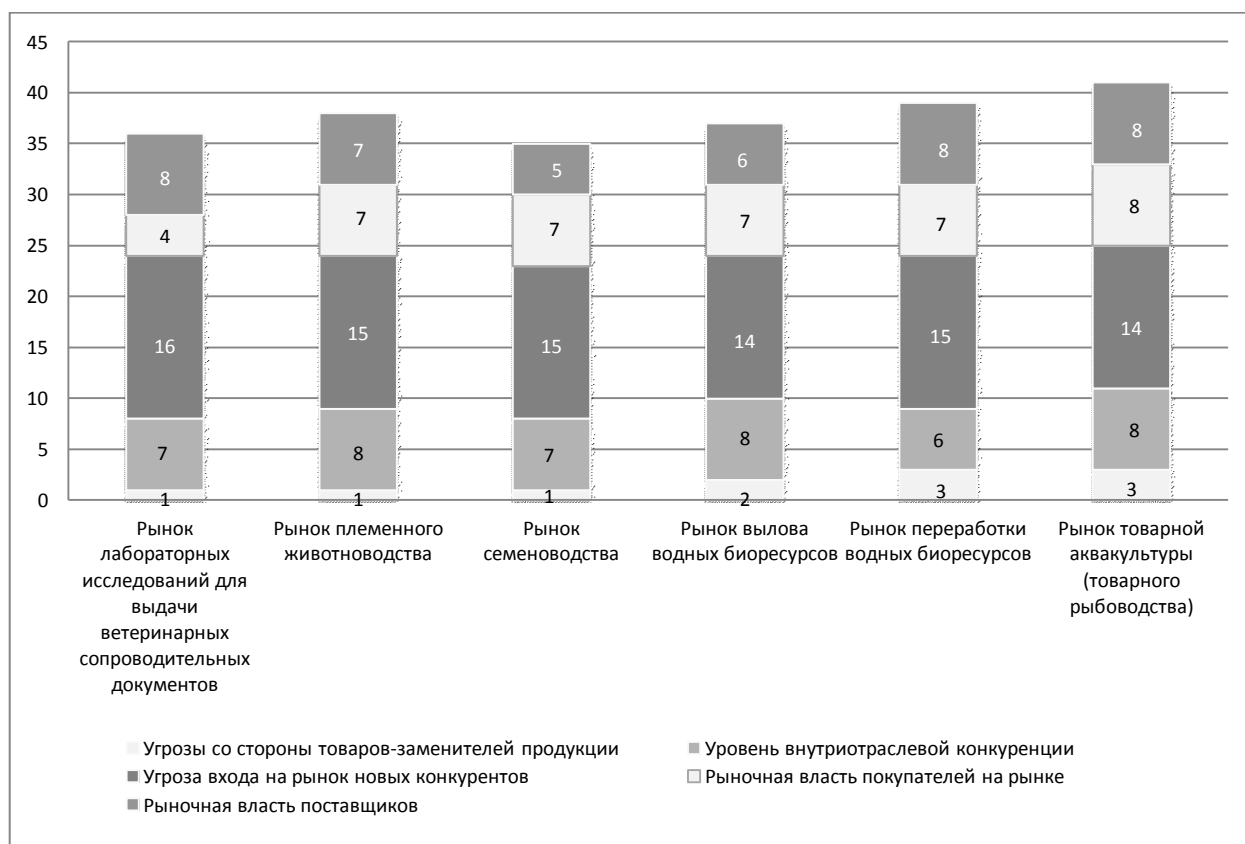

Рис. 1. Показатели уровня развития конкурентной среды в 2019 году по методике пяти сил конкуренции М. Портера для товарных рынков агропромышленного комплекса РБ

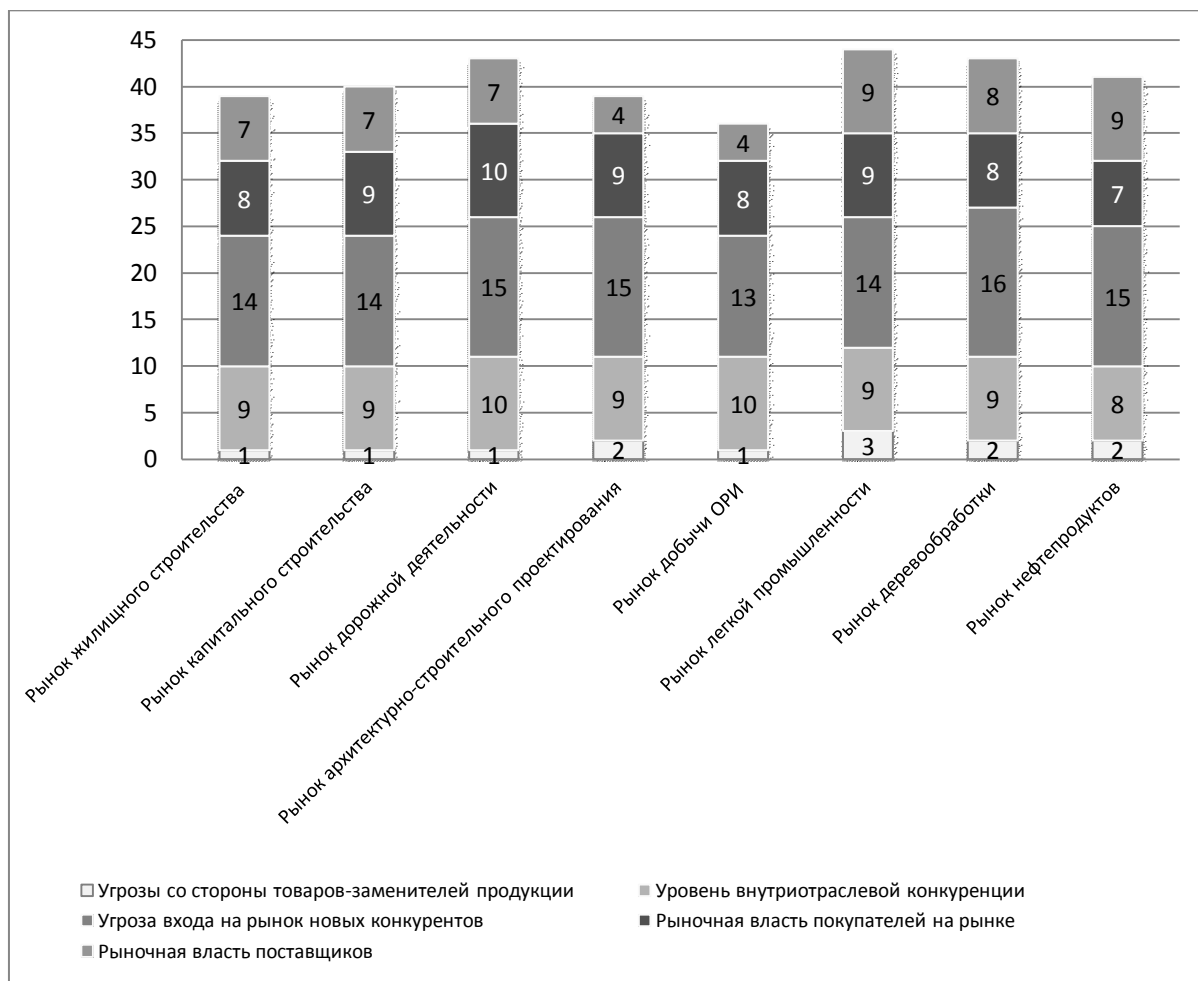

Рис. 2. Показатели уровня развития конкурентной среды в 2019 году по методике пяти сил конкуренции М. Портера для товарных рынков промышленности и строительства РБ

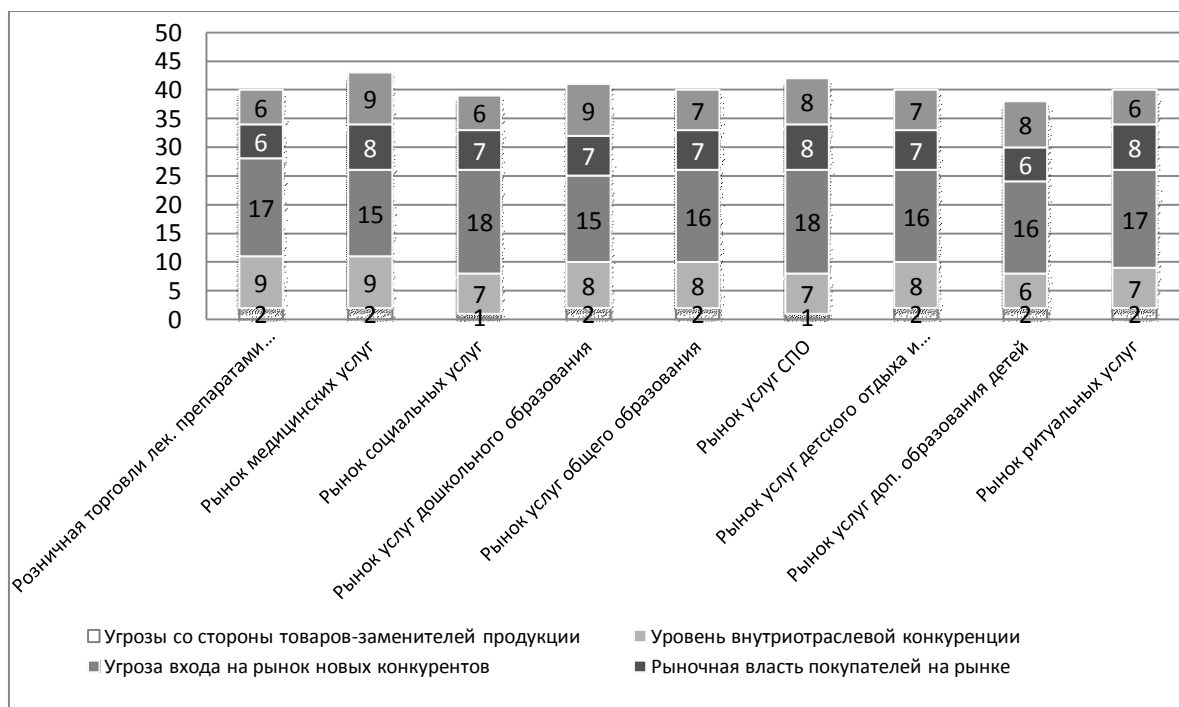

Рис. 3. Показатели уровня развития конкурентной среды в 2019 году по методике пяти сил конкуренции М. Портера для товарных рынков социальной сферы РБ

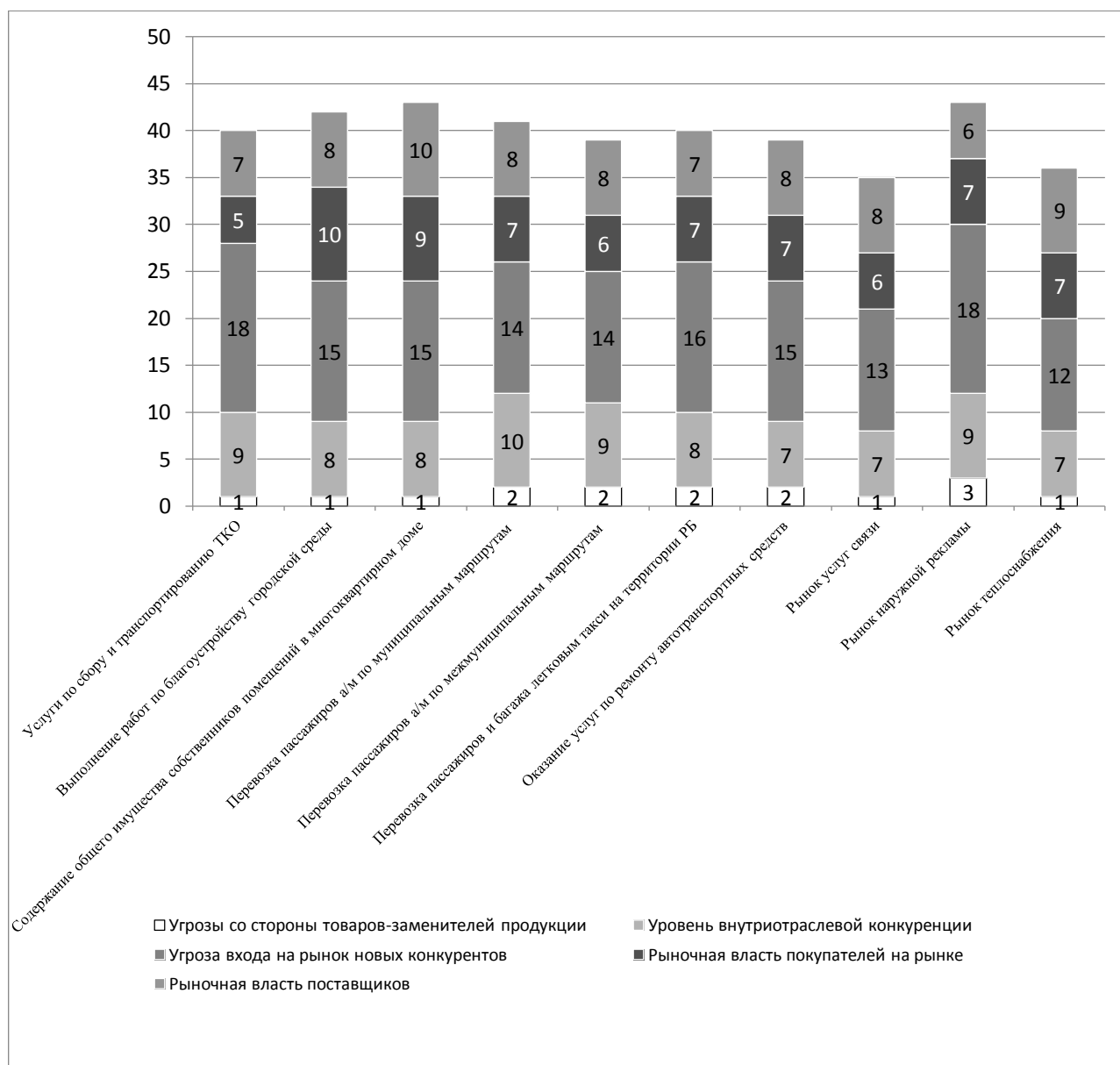

Рис. 4. Показатели уровня развития конкурентной среды в 2019 году по методике пяти сил конкуренции М. Портера для товарных рынков ЖКХ, городской среды и благоустройства, перевозки грузов и пассажиров и смежных с ними рынков

Согласно рисунку 2, рынок легкой промышленности характеризуется наибольшим уровнем развития конкуренции согласно избранной методике. Это обеспечивается за счет высокой конкуренции со стороны товаров-заменителей и рыночной власти поставщиков. Наблюдается отсутствие качественной сырьевой базы для отрасли. Очень сильное влияние испытывает рынок со стороны иностранных производителей, а также производителей с других регионов РФ. Рынок добычи полезных ископаемых демонстрирует наименьший уровень развития конкуренции на рынке. Среди значимых параметров следует отметить невозможность заменить товар в потреблении, а также слабый государственный и институциональный контроль на рынке.

Данные, представленные на рисунке 3, позволяют отметить, что наименьший уровень конкуренции наблюдается на рынке услуг дополнительного образования детей. Здесь низкий уровень внутриотраслевой конкуренции в связи с высокими требованиями к образовательным организациям допобразования со стороны государства и низким платежеспособным спросом. Помимо этого, покупатели не оказывают значительного влияния, рынок характеризуется пассивным спросом.

Исходя из данных рисунка 4, можно заключить, что наименьший уровень конкуренции характерен для рынка услуг связи, где очень низкий уровень потенциальной конкуренции, обусловленный высокими входными барьерами, в первую очередь технологического характера. Поскольку рынок характеризуется небольшим числом участников, склонных к некоторым олигополистическим проявлениям в своем поведении, рыночная власть покупателей является незначительной. Этот рынок нуждается в дополнительном внимании со стороны государства.

Таким образом, анализ конкурентной среды, проведенный с помощью методики пяти сил Портера, дает возможность выявить «слабые места» рынка, отследить факторы, их определяющие, и на основе этого выработать направления государственного влияния, разработать совокупность мероприятий, направленных на стимулирование конкурентной среды [6].

Литература

1. Еникеева Д.Д. Стандарт развития конкуренции в Республике Башкортостан // Единство. Гражданственность. Патриотизм: сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. 2019. С. 100–103.
2. Мальцева О.В. Анализ проблем и оценка уровня развития конкуренции в России // Вопросы регулирования экономики. Т. 5. № 1. 2014. С. 69–76.
3. Портер М.Е. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. 6-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2016. 453 с.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2019 года № 768-р «Об утверждении стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/554275838/>
5. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/documents/614337/>
6. Шарафуллина Р.Р., Габитов И.М. Роль и особенности влияния институтов на социально-экономическое развитие // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 4. С. 24–29.

Формирование модели предпринимательской структуры кластерного типа в регионе

Development of a Cluster-Type Business Structure Model in the Region

(DOI: 10.34773/EU.2020.5.13)

С. ДЕБУНОВ

Дебунов Сергей Владимирович, аспирант Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского. E-mail: aspirant_2021@mail.ru

В условиях динамичной нестабильной экономической ситуации одним из ключевых направлений трансформации экономики выступает формирование предпринимательских структур кластерного типа в регионах. Формирование модели предпринимательских структур кластерного типа является приоритетной задачей в рамках регионального развития. Целью исследования является изучение процесса формирования предпринимательской структуры кластерного типа в регионе и разработка ее модели.

Ключевые слова: модель предпринимательской структуры кластерного типа, региональная экономика.

In the context of a dynamic unstable economic situation, one of the key areas of economic transformation is the formation of cluster-type entrepreneurial structures in the regions. The development of a cluster-type model of entrepreneurial structures is a priority within the framework of regional development. The aim of the study is to study the process of forming a cluster-type entrepreneurial structure in the region and develop its model.

Key words: cluster-type business structure model, regional economy.

Развитие региональной экономики регулируется инновационным подходом. Для эффективного развития национальной экономики необходимо наращивать региональный потенциал с актуализацией всех видов ресурсов.

С учетом особенностей развития региональной экономики формирование кластеров выступает инструментом повышения эффективности ее функционирования.

С 2008 года в регионах России начали создаваться кластеры [10] (рис.1).

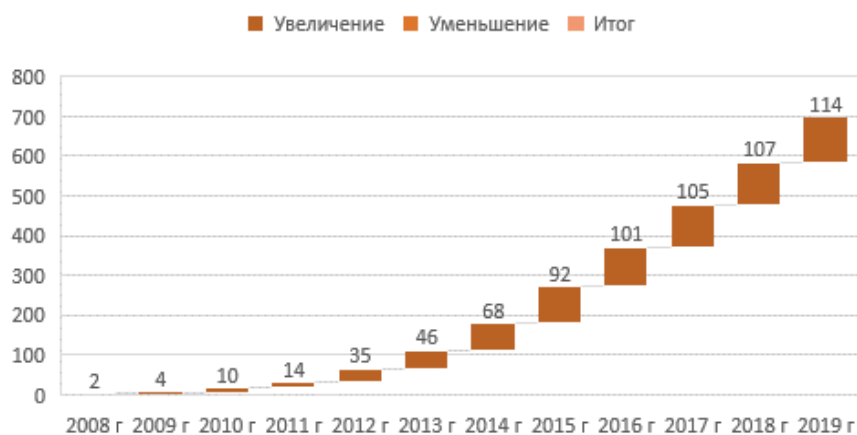

Рис. 1. Создание кластеров на территории России с 2008 по 2019 г.

Как видно из рисунка 1, в 2015 году на территории Российской Федерации функционировало более 90 кластеров, в 2019 г. их количество увеличилось на 16 % [1].

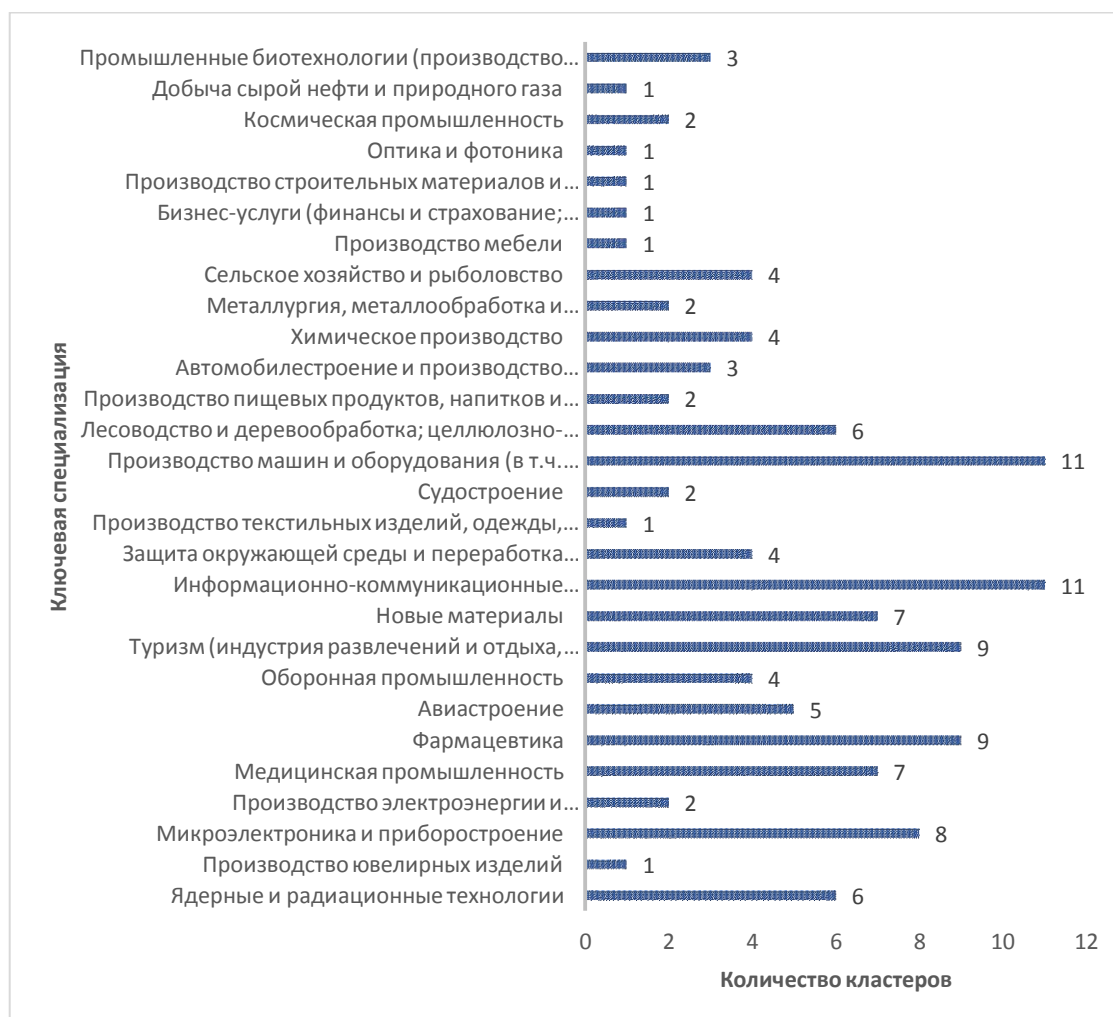

Рис. 2. Распределение кластеров по ключевой специализации в 2019 г.

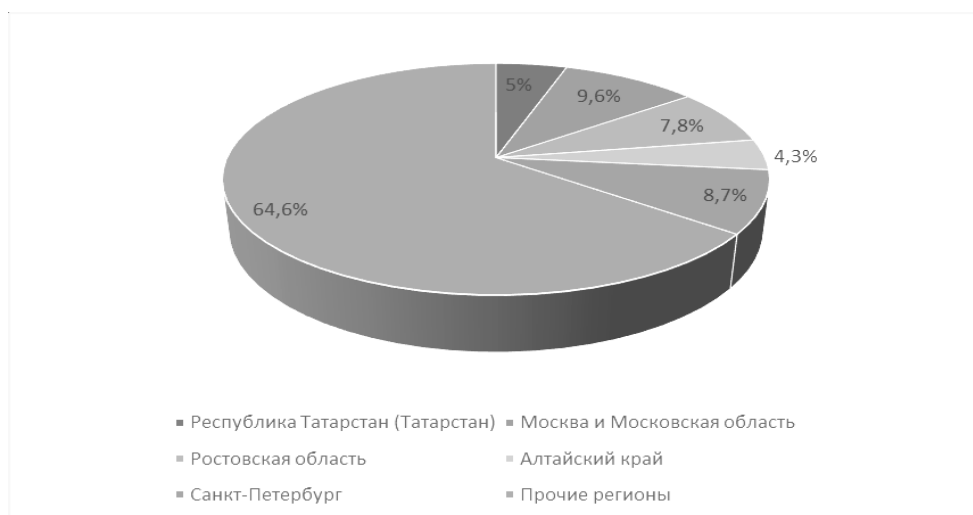

Рис. 3. Концентрация кластеров в регионах России

Как видно из рисунка 2, наиболее востребованными ключевыми специализациями создания кластеров являются: информационно-коммуникативные технологии (11 кластеров), производство машин и оборудования (11 кластеров), туризм и фармацевтика (9 кластеров), а также микроэлектроника и приборостроение (8 кластеров) [2].

Как видно из рисунка 3, количество кластеров в каждом регионе различно, наиболее эффективно процесс создания кластеров идет в г. Москве и Московской области (9,6 %) и в г. Санкт-Петербурге (8,7 %). При этом необходимо отметить, что Пензенская, Омская, Иркутская, Воронежская, Липецкая области имеют 3–4 кластера на территории региона.

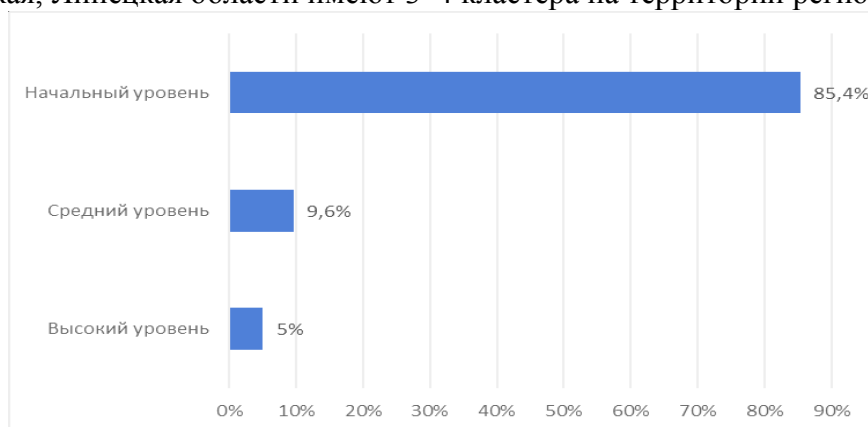

Рис. 4. Уровень развития кластеров на территории России в 2019 г.

Как следует из рисунка 4, более 85 % кластеров имеют начальный уровень развития. Исходя из данной ситуации необходимо формировать сетевые предпринимательские структуры кластерного типа в регионах.

Формирование предпринимательских структуры кластерного типа необходимо для инновационного ведения бизнеса и наращивания конкурентных преимуществ региона в конкретной сфере экономической деятельности.

Предпринимательские структуры кластерного типа рассматриваются как интегрированные экономические единицы, включающие бизнес (инвестиционные и страховые компании, коммерческие банки), науку (научные центры, университеты) и власть (органы местного самоуправления, налоговые органы и т.д.).

Функционирование и государственная поддержка предпринимательских структур кластерного типа в российских регионах способствуют повышению экономической эффективности развития, развитию их потенциала, конкуренции, что позволяет привлекать дополнительные

инвестиции в развивающиеся регионы со всей России [4]. Предпринимательские структуры кластерного типа дают возможность развиваться регионам на основе новых технологий.

Предпринимательские структуры кластерного типа – основа формирования в экосистеме сетевого взаимодействия регионального бизнеса, результатом является производство конкурентоспособных товаров, услуг на национальном и мировом уровнях.

Основной тенденцией формирования предпринимательской структуры кластерного типа в регионе является создание связи между промышленными участниками кластера и другими экономическими агентами. В процессе разработки концепции развития кластеризации в регионе необходимо наличие модели предпринимательской структуры кластерного типа.

Теоретический анализ функционирования предпринимательской структуры кластерного типа свидетельствует о том, что основой его эффективной работы выступают географическое пространство и сформированные связи между отдельными компонентами кластера.

Географическое пространство определяется расстоянием, на котором осуществляются торговые, информационные, закупочные, сбытовые и прочие виды операций.

Модель предпринимательской структуры кластерного типа создается в рамках региона и предполагает направленность группы региональных предприятий на производство определенного вида конечной продукции (см. рис. 5).

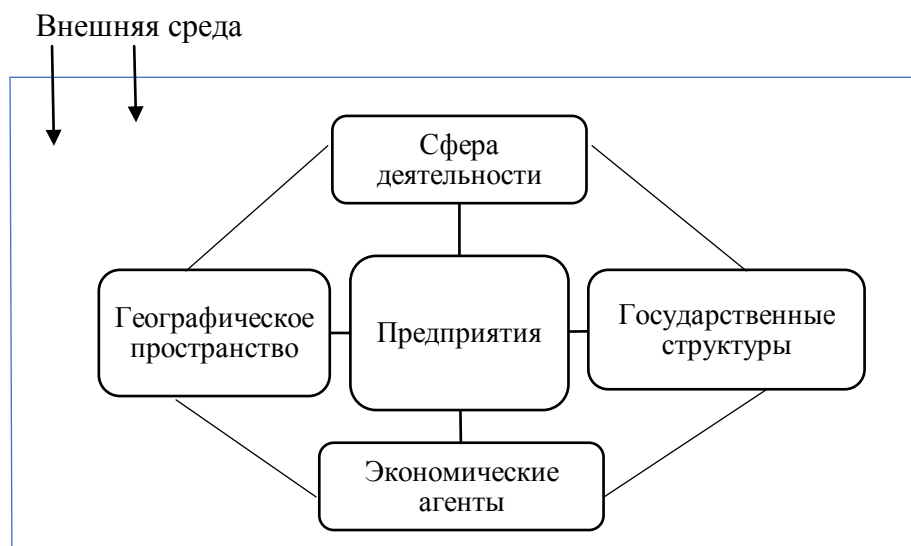

Рис. 5. Модель предпринимательской структуры кластерного типа

В основе сетевого взаимодействия предпринимательской структуры кластерного типа положена коллаборация производственного, инфраструктурного, трудового потенциалов и показателей делового климата региона. Все предприятия, входящие в состав предпринимательской структуры кластерного типа, становятся ядром формируемой модели. Между элементами модели предпринимательской структуры кластерного сформированы коммуникативные связи во внешней и внутренней среде (см. рис. 5).

Экономические агенты и государственные структуры способствуют функционированию предпринимательской структуры кластерного типа, обеспечивая сырьем и материалами, комплектующими, оборудованием, кадровыми финансовыми ресурсами, а также оказывая услуги сбыта и продвижения продукции/услуг на территории региона и всех субъектов.

Таким образом, формирование модели предпринимательской структуры кластерного типа имеет практическую значимость для развития региональной экономики.

Литература

1. Карта кластеров России [Электронный ресурс]. URL: <https://map.cluster.hse.ru/>
2. Кластерная политика [Электронный ресурс]. URL: <https://cluster.hse.ru/npa>
3. Промышленности дали кластер [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3880761>
4. Региональные инновационные кластеры: взаимодействие федеральных и государственных органов экономического развития [Электронный ресурс]. URL: <https://www.creconline.org/uncategorized/regional-innovation-clusters-federal-state-economic-development-collaborations/>
5. Семенова Н. Кластеризация – новое явление в мировой экономике и политике [Электронный ресурс]. URL: www.nikst.ru
6. Титов Б. Перегрузка кластерной политики в России [Электронный ресурс]. URL: <http://stolypin.institute/>
7. Третьяк В.П. Кластеры предприятий: пути создания и результативность функционирования [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsosman.hse.ru/text/16210559/>
8. Ялов Д.А. Кластерный подход как технология управления региональным экономическим развитием [Электронный ресурс]. URL: http://subcontract.ru/Docum/DocumShow_DocumID_17.html
9. Albaev I. Innovation clusters and regional development [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abacademies.org/>
10. Development of innovation clusters [Электронный ресурс]. URL: https://www.rvc.ru/en/eco/p2/development_partners/88450/

Предпосылки развития точек роста региональной конкурентоспособности в Челябинской области

Preconditions for the Development of Points of Growth of Regional Competitiveness in the Chelyabinsk Region (DOI: 10.34773/EU.2020.5.14)

И. НОВИКОВА

Новикова Ирина Андреевна, соискатель кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: novikova_chel@mail.ru

В статье раскрываются важные предпосылки развития точек роста конкурентоспособности региона: степень освоения регионом цифровой среды, инновационная активность, инвестиционная активность, качество рабочей силы. Предложена совокупность показателей для определения степени сформированности таких предпосылок. Указана значимость разработки и применения инструментов исследования предпосылок развития точек роста конкурентоспособности региона для повышения качества и эффективности регионального управления.

Ключевые слова: регион, конкурентоспособность, предпосылка, развитие, точка роста.

The article reveals important prerequisites for the development of points of growth of the competitiveness of the region: the degree of the region's development of the digital environment, innovative activity, investment activity, quality of the labor force. A set of indicators is proposed to determine the degree of formation of such prerequisites. The importance of the development and application of tools for researching the prerequisites for the development of points of growth of the competitiveness of the region for improving the quality and efficiency of regional management is indicated.

Key words: region, competitiveness, prerequisite, development, growth point.

Развитие точек роста региональной конкурентоспособности требует наличия определенных предпосылок, предварительных условий, необходимых для их появления и развития. К числу таких предпосылок следует отнести готовность к соперничеству за рынки продукции и

услуг, производимых на территории региона, размещение на территории региона экономически значимых объектов, способных принести доход в региональный бюджет, наличие инвестиционных, инновационных, человеческих и иных ресурсов социально-экономического развития. Указанные предпосылки имеют как сложившийся на протяжении длительного времени историко-географический и природно-климатический характер, так и характер, определяемый современной динамично меняющейся экономической конъюнктурой, сменой доминирования технологических укладов, состоянием инвестиционного, научно-инновационного, трудового и образовательного потенциалов региона, состоянием имеющейся производственной базы, эффективностью функционирования и адаптивностью системы управления регионом.

Значимой предпосылкой обеспечения конкурентоспособности региона в целом и формирования точек роста региональной конкурентоспособности в частности в эпоху перехода к цифровой экономике, прежде всего, на наш взгляд, следует считать уровень развития цифровой экономики региона, степень освоения цифровой среды, в том числе адаптации к этой среде бизнеса. О наличии и сформированности такой предпосылки можно судить по индексу цифровизации бизнеса, предложенному НИУ ВШЭ. Индекс характеризует скорость приспособления к цифровой трансформации, степень применения высокоскоростного доступа к интернету, облачных хранилищ данных, методов автоматической идентификации объектов, программных пакетов планирования ресурсов, использование технологий электронной торговли коммерческих организаций [4].

В основу расчета индекса заложены показатели, характеризующие долю организаций, использующих цифровые технологии и осуществляющие электронные продажи, в общем числе организаций региона. Значения частных показателей, из которых формируется индекс, в Челябинской области свидетельствуют о том, что 85,4 % организаций используют широкополосный интернет, 23,4 % – облачные сервисы, 5,1 % – RFID-технологии, 13,7 % – ERP-системы, 11,3 % организаций региона практикуют электронные продажи с использованием специальных форм на веб-сайтах, в экстранете, EDI-системах [4]. При этом расчетная величина индекса цифровизации бизнеса Челябинской области равна 28 п.п. Аналогичное значение данного индекса характерно для Уральского федерального округа в целом [4, 219]. Челябинскую область по индексу цифровизации бизнеса опережают 12 субъектов Российской Федерации: г. Москва (35 п.п.), г. Санкт-Петербург (33 п.п.), Республика Ингушетия (33 п.п.), Московская, Тамбовская, Ленинградская, Нижегородская, Свердловская области и Республика Татарстан (30 п.п.), Белгородская, Воронежская, Ярославская области, Республика Башкортостан и Ставропольский край (29 п.п.). Лидирующую позицию среди федеральных округов по данному показателю занимает Центральный федеральный округ (29 п.п.), Уральский и Северо-западные федеральные округа занимают вторую позицию в рейтинге (28 п.п.) регионов по индексу цифровизации регионов России. Этому уровню соответствует Челябинская область, опережающая по развитию цифровой экономики 60 регионов России, а также еще 7 регионов, в состав которых входят Калужская, Липецкая, Калининградская, Оренбургская и Тюменская области, а также Республика Крым и Республика Адыгея.

Предпосылки к развитию точек роста конкурентоспособности Челябинской области с позиций адаптации к условиям цифровой экономики имеют достаточно высокий уровень сформированности. В условиях пандемии появился мощный стимул цифровизации бизнеса. О последствиях воздействия этого стимула можно будет судить с течением времени.

Предпосылки развития региональных точек роста конкурентоспособности лежат в поле инноваций. Инновационная активность региональных хозяйствующих субъектов, осуществляющих свою деятельность в рамках различных видов экономической деятельности, предопределяет инвестиционную привлекательность региона, его привлекательность для молодежи, кадров высокой квалификации, вызывает позитивные изменения в объеме и структуре регионального экспорта. Степень сформированности инновационных предпосылок развития точек роста конкурентоспособности Челябинской области может быть выявлена на основе анализа ряда показателей, представленных в таблице.

Показатели, используемые для определения степени сформированности инновационных предпосылок развития точек роста конкурентоспособности региона*

Наименование показателя	
Совокупный уровень инновационной активности организаций, осуществляющих промышленное производство, %:	
– Российская Федерация;	10,6
– Уральский федеральный округ, в том числе:	11,2
– Курганская область	7,5
– Свердловская область	13,5
– Тюменская область	8,9
– Челябинская область	12,8
– Регион-лидер: Чувашская Республика	37,8
Доля организаций, осуществляющих технологические инновации в промышленном производстве, в общем количестве организаций, %:	
– Российская Федерация;	9,6
– Уральский федеральный округ, в том числе:	10,3
– Курганская область	6,7
– Свердловская область	12,5
– Тюменская область	8,2
– Челябинская область	11,7
– Регион-лидер: Чувашская Республика	35,1
Место Челябинской области в РФ по доле организаций, осуществляющих технологические инновации в промышленном производстве, в общем количестве организаций	18
Доля организаций, осуществляющих маркетинговые инновации в промышленном производстве, в общем количестве организаций, %:	
– Российская Федерация;	1,8
– Уральский федеральный округ, в том числе:	1,9
– Курганская область	0,8
– Свердловская область	2,3
– Тюменская область	1,1
– Челябинская область	2,8
– Регион-лидер: Чувашская Республика	10,1
Доля организаций, осуществляющих организационные инновации в промышленном производстве, в общем количестве организаций, %:	
– Российская Федерация;	2,8
– Уральский федеральный округ, в том числе:	2,9
– Курганская область	0,8
– Свердловская область	3,4
– Тюменская область	1,7
– Челябинская область	4,7
– Регион-лидер: Чувашская Республика	10,6
Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, оказанных услуг в промышленном производстве, %:	
– Российская Федерация;	6,7
– Уральский федеральный округ, в том числе:	5,0
– Курганская область	3,6
– Свердловская область	10,2
– Тюменская область	3,2
– Челябинская область	6,4
– Регион-лидер: Республика Мордовия	29,0
Место Челябинской области в РФ по доле инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг	34
Совокупный уровень инновационной активности организаций сферы услуг, %:	
– Российская Федерация	7,3
– Уральский федеральный округ, в том числе:	5,4
– Курганская область	1,7
– Свердловская область	6,8
– Тюменская область	6,4
– Челябинская область	3,4
– Регион-лидер: Пензенская область	24,5

продолжение таблицы

Доля организаций сферы услуг, осуществляющих технологические инновации, в общем количестве организаций сферы услуг, %:	
– Российская Федерация;	6,3
– Уральский федеральный округ, в том числе:	4,6
– Курганская область	1,3
– Свердловская область	5,4
– Тюменская область	5,9
– Челябинская область	3,1
– Регион-лидер: Пензенская область	21,4
Доля организаций сферы услуг, осуществляющих маркетинговые инновации, в общем количестве организаций сферы услуг, %:	
– Российская Федерация;	1,2
– Уральский федеральный округ, в том числе:	0,5
– Курганская область	-
– Свердловская область	1,0
– Тюменская область	0,6
– Челябинская область	-
– Регион-лидер: Республика Татарстан	4,9
Доля организаций сферы услуг, осуществляющих организационные инновации, в общем количестве организаций сферы услуг, %:	
– Российская Федерация	2,0
– Уральский федеральный округ, в том числе:	1,6
– Курганская область	0,4
– Свердловская область	2,1
– Тюменская область	1,5
– Челябинская область	1,7
– Регион-лидер: Пензенская область	5,6
Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, оказанных услуг в видах экономической деятельности сферы услуг, %:	
– Российская Федерация;	14,5
– Уральский федеральный округ, в том числе:	10,8
– Курганская область	3,9
– Свердловская область	15,2
– Тюменская область	3,1
– Челябинская область	30,1
– Регион-лидер: Московская область	44,3

*Составлено автором по [3].

Приведенные данные свидетельствуют о высокой степени сформированности инновационных предпосылок развития промышленных точек роста конкурентоспособности Челябинской области и относительно меньшей степени сформированности таких предпосылок для развития точек роста конкурентоспособности региона в сфере услуг.

Наличие инновационных предпосылок развития точек роста конкурентоспособности и высокая степень их сформированности свидетельствуют о том, что созданный в регионе инновационный потенциал способен обеспечить конкурентные преимущества региона в настоящее время, а также о готовности к созданию и освоению нововведений в перспективе. Такая готовность подтверждается также предпосылками, созданными в Челябинской области системой стратегического управления регионом. Согласно опубликованному в 2020 году рейтингу инновационного развития Российской Федерации, Челябинская область вошла в группу регионов-лидеров по индексу готовности к будущему. Высокая конкурентная позиция региона по этому показателю достигнута Челябинской областью за счет:

- долгосрочности и стратегической направленности регионального планирования инновационного развития [6; 7];
- законодательного базирования деятельности по активизации инновационной деятельности в регионе [1];

- нацеленности стратегических документов Челябинской области на научно-технологические инновации и указания на их приоритетность в обеспечении экономического роста и обеспечение конкурентоспособности региона;
- соответствия региональной стратегии инновационного развития федеральным ориентирам;
- интенсивности отражения информации об инновационном развитии региона в областных и федеральных средствах массовой информации.

Важнейшей предпосылкой и одновременно индикатором развития точек роста конкурентоспособности региона является инвестиционная активность организаций, расположенных на его территории. Опрос руководителей организаций производственной сферы Челябинской области показал, что в 2019 году инвестиционно активными были 85 % организаций [2]. Структурная характеристика уровня использования инвестиций в 2019 году показана на рисунке 1.

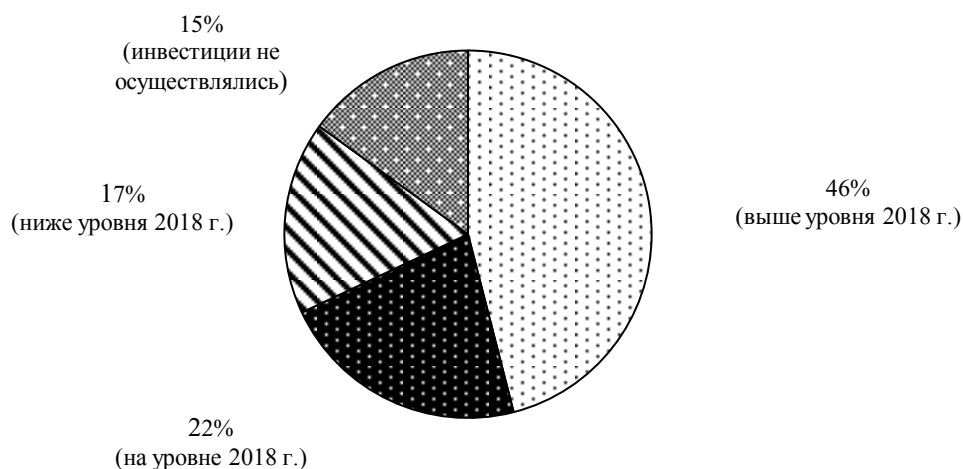

Рис. 1. Использование инвестиций в основной капитал организаций Челябинской области в 2019 году, % от общего количества организаций

Ответы руководителей организаций Челябинской области на вопрос об ожидаемом в 2020 году уровне инвестиций свидетельствовали о позитивном инвестиционном настрое: 37 % руководителей организаций ожидали рост инвестиционной активности и выражали намерения увеличения инвестиций, 43 % указали на то, что объемы инвестиций останутся на уровне 2019 года и лишь 5 % – на то, что эти объемы сократятся [2]. Очевидно, что пандемия 2020 года внесет негативные коррективы в инвестиционные ожидания, однако тенденция роста инвестиционной активности в целом может оцениваться позитивно. О том, что инвестиционные процессы в Челябинской области могут расцениваться как явная предпосылка развития точек роста региональной конкурентоспособности, свидетельствует тот факт, что более половины организаций осуществляли инвестиции в информационное, компьютерное и телекоммуникационное оборудование (54 %), в реконструкцию и модернизацию основных средств (56 %) и в прочие машины и оборудование (60 %). При этом 43 % организаций выразили мнение о том, что инвестиции в основной капитал вызывают рост уровня конкурентоспособности [2]. Следует также отметить, что целевая направленность осуществляемых в Челябинской области инвестиций явно свидетельствует о порождении и стимулировании ими процесса формирования технико-технологических конкурентных преимуществ, на которых базируются точки роста конкурентоспособности региона. Так, 74 % организаций в 2019 году направляли инвестиции на замену устаревшей и изношенной техники на новую, 63 % – на автоматизацию и (или) механизацию производства, целью 52 % организаций явилось сокращение затрат, связанных с изготовлением и реализацией своей продукции (работ, услуг), 47 % организаций ставили перед собой цель увеличения производственной мощности для введения новых позиций в номенклатуру выпускаемой продукции,

44 % организаций имели при осуществлении инвестиций целевую установку на смену технологий производства, переход на более эффективные и ресурсосберегающие способы производства, 33 % ориентировались на энергосбережение и 32 % – на создание новых рабочих мест (рис. 2).

Рис. 2. Целевая направленность инвестиций в основной капитал организаций Челябинской области, % от общего количества организаций [2]

Активация инвестиционных предпосылок развития точек роста конкурентоспособности региона обеспечивается, в первую очередь, за счет спроса на продукцию организации (по мнению 62 % руководителей организаций Челябинской области) и состояния технической базы производства (по мнению 56 % руководителей). Ограничителями формирования таких предпосылок являются, с точки зрения руководителей организаций региона: государственная инфляционная политика (66 % респондентов), размер собственных финансовых ресурсов (64 %), условия кредитования (53 %), внутренняя экономическая ситуация в стране (51 %).

Особое значение для развития точек роста конкурентоспособности региона имеют предпосылки к обеспечению региональной потребности в квалифицированных кадрах. Выявление и оценка сформированности таких предпосылок должно базироваться на анализе качества рабочей силы региона [5].

В целом уровень качества рабочей силы в Челябинской области можно считать высоким. Среди занятого населения 27,39 % приходится на лиц с высшим образованием, хотя наметилось сокращение доли таких лиц. В 2019 г. по сравнению с 2018 г. значение данного показателя сократилось на 7,59 %. На лиц, имеющих специальность среднего профессионального образования (СПО), приходится 30,08 %, а на лиц, имеющих профессию СПО, – 20,38 %. Наименьшую долю в структуре занятых имеют лица без профессионального образования – 14,56 %. Наибольшая часть лиц с высшим образованием занята в сфере услуг, в том числе это государственные служащие, риэлторы, военнослужащие, социальные работники, работники банков, страховых компаний, работники образовательных организаций, лица, занятые в сфере культуры, административной деятельности и пр., а также в сельском хозяйстве. Большая часть специалистов со средним профессиональным образованием занята в здравоохранении, сфере информации и связи, водоснабжении и водоотведении, в обрабатывающих производствах, административной деятельности, обеспечении электроэнергией. Сосредоточение в таких видах экономической деятельности высокообразованных профессионалов создает предпосылки для формирования и развития отраслевых приоритетных точек роста конкурентоспособности Челябинской области.

О высокой степени сформированности кадровых предпосылок развития точек роста конкурентоспособности региона свидетельствует широкий охват занятого в экономике Челябинской области населения непрерывным образованием: 91,2 % населения области вовлечено в систему непрерывного образования.

Прогноз потребности Челябинской области в кадрах на среднесрочную и долгосрочную перспективу позволил выявить и территориальные особенности формирования предпосылок развития точек роста конкурентоспособности региона. Наибольшая потребность в кадрах сконцентрирована в Челябинском городском округе (16,99 % потребности по региону в 2019 году), Магнитогорском городском округе (6,01 %), Миасском городском округе (2,07 %), Саткинском муниципальном районе (1,78 %), Копейском городском округе (1,2 %). Доля кадровой потребности области, приходящаяся на остальные административные единицы и территории, существенно ниже. Следовательно, наибольшая степень сформированности кадровых предпосылок развития точек роста конкурентоспособности региона характерна для названных территорий.

Вместе с тем следует констатировать, что формирование кадровых предпосылок развития точек роста конкурентоспособности Челябинской области сталкивается в настоящее время с серьезными препятствиями. С 2002 по 2019 год в Челябинской области наблюдается ухудшение возрастных показателей качества рабочей силы. Демографические изменения вызвали негативные сдвиги в структуре занятого в экономике региона населения. Так, уменьшается доля молодых людей 20–29 лет, растет доля лиц старшего возраста (50–59 лет и старше 60 лет). Появляется опасность сокращения рабочей силы в регионе: с 2017 по 2019 год сальдо миграции имеет отрицательное значение: наметилось стойкое превышение количества покинувших регион над количеством прибывших. К сожалению, публикуемые официальной статистикой данные не позволяют судить о структуре мигрантов, их образовательных и возрастных характеристиках. Однако в целом выявленная тенденция оттока населения из региона может оказать негативное влияние на формирование предпосылок для развития точек роста конкурентоспособности Челябинской области, компенсировать которое технико-технологическими мерами и средствами перехода к цифровым технологиям полностью, на наш взгляд, не удастся.

Диагностика и постоянный мониторинг формирования в регионе предпосылок для развития точек роста конкурентоспособности региона должны стать неотъемлемыми элементами системы управления экономикой региона и его конкурентоспособностью. Разработка и применение инструментов исследования таких предпосылок обеспечат повышение качества и эффективность принимаемых в регионе управленческих решений.

Литература

1. Закон Челябинской области от 7 июня 2005 года № 383-ЗО «О стимулировании инновационной деятельности в Челябинской области» (с изменениями на 4 апреля 2018 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802029321>
2. Инвестиционная активность организаций по Челябинской области в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: <https://chelstat.gks.ru/storage/mediabank/iap2019.pdf>
3. Индикаторы инновационной деятельности: 2019: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, И.А. Кузнецова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 376 с.
4. Индикаторы цифровой экономики: 2019: стат. сб. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 248 с.
5. Неживенко Е.А., Головихин С.А., Неживенко Г.В. Качество рабочей силы промышленного региона как фактор формирования потенциала его конкурентоспособности // *Фундаментальные исследования*. 2019. № 8. С. 65–69 [Электронный ресурс]. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42535>
6. Стратегия развития инновационной деятельности в Челябинской области до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/444933641>
7. Стратегия социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553133071>

Развитие системы управления персоналом в условиях эпидемиологической ситуации

Development of the Personnel Management System in the Context of an Epidemiological Situation (DOI: 10.34773/EU.2020.5.15)

М. РИЗВАНОВА

Ризванова Мария Артуровна, канд. экон. наук, доцент кафедры проектного менеджмента и экономики предпринимательства Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: rizvanovamaria@mail.ru

В данной статье рассмотрены актуальные подходы к развитию системы управления персоналом в условиях эпидемиологической ситуации, в частности, выявлены ключевые аспекты, которые рекомендуется учитывать при выстраивании эффективной управленческой концепции в кризисный и посткризисный периоды. Отдельное внимание уделено совершенствованию HR-процессов, реализуемых удаленно при помощи электронно-цифровых и интернет-технологий.

Ключевые слова: управление персоналом, HR-менеджмент, многоаспектный подход, эпидемиологическая ситуация, человеческие ресурсы, дистанционный менеджмент.

This article examines the current approaches to the development of the personnel management system in the context of an epidemiological situation, in particular, identifies the key aspects that are recommended to be considered when building an effective management concept in the crisis and post-crisis periods. Special attention is paid to the improvement of HR-processes, which are implemented remotely using electronic digital and Internet technologies.

Key words: personnel management, HR-management, multidimensional approach, epidemiological situation, human resources, remote management.

На сегодняшний день система подходов к управлению персоналом активно видоизменяется из-за воздействия на нее социальных и экономических факторов. Так, несмотря на положительную динамику макроэкономических показателей прошлого года и довольно оптимистические прогнозы развития российской экономики в целом, актуальное состояние хозяйствования в стране можно охарактеризовать как критическое ввиду последствий вспышки вирусной инфекции и введения соответствующих карантинных мер не только внутри страны, но и за ее пределами. Необходимо отметить, что уникальной чертой текущего кризиса является факт широкого распространения удаленной занятости. Иными словами, большое количество работников, ранее имея определенное стационарное рабочее место, перешли на дистанционную форму работы, под которой необходимо понимать реализацию трудовых отношений с помощью совокупности способов взаимодействия на расстоянии путем использования технического и электронного оборудования, а также сети интернет [4]. Согласно исследованиям Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, доля граждан России, частично или полностью перешедших на удаленную форму работы после первой волны вспышки вируса, увеличилась на 57,4 %, что, безусловно, актуализировало вопрос об эффективном управлении персоналом и, в частности, о развитии имеющейся системы HR-менеджмента в условиях удаленной занятости (рис. 1).

Говоря о совершенствовании системы управления персоналом, необходимо определить ключевой вектор ее развития. Поскольку дистанционная работа предполагает использование электронно-цифровой периферии и определенного набора программных средств, наибольшее внимание необходимо уделить улучшению автоматизации HR-процессов. При этом целесообразно отойти от исключительно функционального подхода к развитию системы управления в сторону многоаспектного.

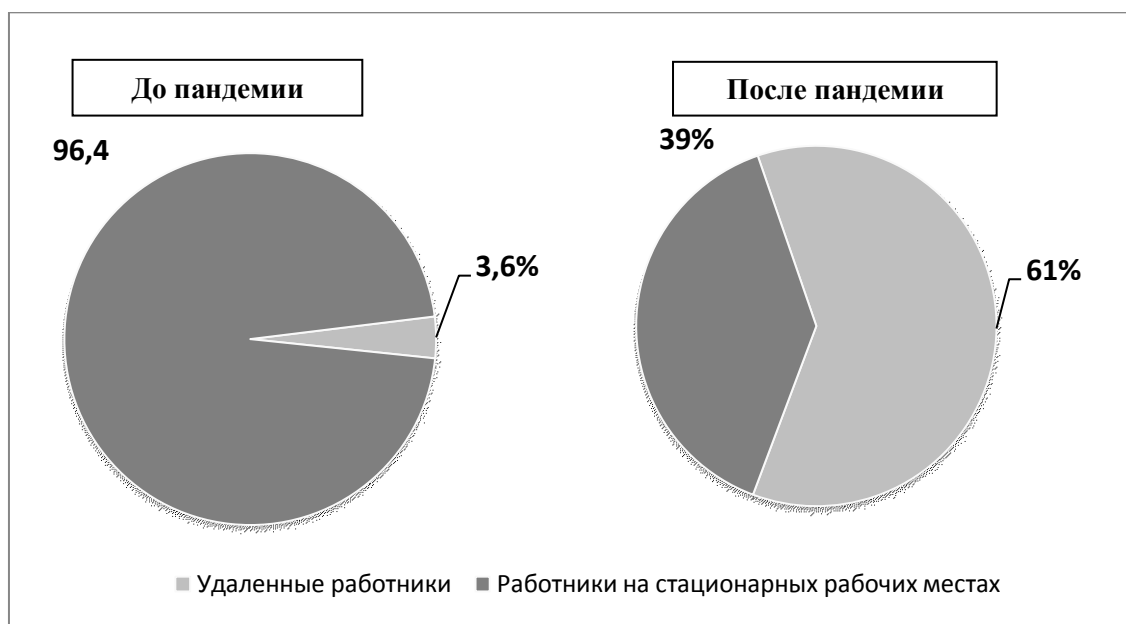

Рис. 1. Доля россиян, работающих в удаленном режиме, до и после введения карантинных мер в 2020 г. [10]

Как и в традиционной деятельности, управляющим человеческими ресурсами в организациях и на предприятиях при выстраивании алгоритма системы HR-менеджмента в условиях удаленной работы следует придерживаться принципа баланса интересов руководства и интересов сотрудников, что подразумевает под собой учет множества аспектов организации качественной структуры и эффективной концепции трудовых отношений. Многие управленцы на сегодняшний день все еще используют исключительно методологический, административный, программно-целевой или экономический подходы к управлению персоналом [5]. Однако далеко не все соответствующие мероприятия реализуются качественно и в полном объеме. Часто из-за недостатка контроля, низкого уровня ответственности, отсутствия мотивационной составляющей у руководителей данные подходы не приносят желаемых результатов и зачастую усугубляют положение компании. Особенно недостатки отдельных подходов проявляются в период кризисных экономических ситуаций. Следовательно, развитие системы управления человеческими ресурсами при массовом переводе персонала на дистанционный формат работы видится в рамках многоаспектной концепции, которая бы включала в себя:

- технико-технологический аспект;
- аспект формирования корпоративной культуры организации;
- организационно-экономический аспект;
- социально-правовой аспект;
- кадровый аспект.

Необходимость включения в общую концепцию HR-менеджмента технико-технологического аспекта обуславливается резко возросшей потребностью в автоматизации не только трудозатратных операций, но и самых простейших и рутинных процедур, которые управляющему агенту необходимо реализовывать удаленно. В частности, режим самоизоляции граждан во многом изменил подход управленцев к электронному документообороту: в настоящее время данный инструмент является обязательным условием для выживания любой компании [13]. Обработка, передача и архивирование документов посредством программного или сетевого обеспечения становится актуальным не только для внутрикорпоративного обмена информацией, но и для циркуляции деловых бумаг между партнерами, поставщиками и клиентами организации. Главное преимущество данного инструмента заключается в возможности реализации соответствующих функций управляющего удаленно, при нахождении уполномоченного работника вне

офиса. Кроме того, электронный документооборот с поддержкой цифровой подписи и веб-интерфейса существенно сокращает финансовые и транзакционные издержки, которые существенным образом влияют на производственную деятельность, ценовую политику компании, принятие управленческих решений, мотивацию экономических агентов и пр.

Аналогичная ситуация наблюдается в области использования интернет-ресурсов. До введения карантинных мер потенциал веб-инструментов не был реализован в полной мере. Их использование в большей степени имело резервный характер, а основное предназначение состояло в информационной поддержке сотрудников, в том числе из филиалов организации. Одним из наиболее актуальных на сегодняшний день веб-инструментов в области развития HR-менеджмента является технология блокчейн, позволяющая децентрализовать релевантную информацию об имеющихся и потенциальных сотрудниках компании путем полной автоматизации процессов подбора и управления персоналом. В условиях удаленной трудовой деятельности блокчейн может быть полезен для решения следующих задач:

- дистанционная выборка, прием и хранение данных об образовании и профессиональном опыте граждан, которые находятся в поиске работы либо уже трудоустроены, но являются потенциальными претендентами на открытые должности;
- автоматизация процессов начисления и выплаты заработной платы сотрудникам компании;
- автоматизация внутрифирменного налогового администрирования, в том числе автоматизация статистической отчетности об актуальном состоянии собираемости налогов;
- автоматизация процессов контроллинга над рабочей деятельностью сотрудников в режиме удаленной занятости;
- быстрая и качественная организация сотрудничества со специалистами в рамках контрактной формы занятости путем использования «умных контрактов» [9];
- обеспечение кибербезопасности системы управления персоналом в условиях удаленной работы [6].

Таким образом, развитие системы управления персоналом в технико-технологическом аспекте предполагает как внедрение в работу новых электронно-цифровых инструментов, так и расширение функций уже используемых программных технологий.

Составным элементом многоаспектного подхода также является формирование корпоративной культуры компании, что в условиях удаленной деятельности предполагает выработку комплекса таких управленческих решений, которые, несмотря на дистанционное взаимодействие сотрудников и руководства, поддерживали бы в компании взаимную лояльность, конструктивные партнерские отношения и синхронность в работе в рамках коллективного трудового процесса. Следовательно, наиболее эффективным способом развития корпоративной культуры в режиме дистанционной работы является ее цифровизация. Иными словами, в полностью удаленной среде традиционные механизмы проявления соучастия следует заменить на цифровые при помощи типовых и персонализированных веб-инструментов.

Управление коммуникациями в режиме онлайн, как и в традиционном формате, является ключевой приоритетной областью при формировании корпоративной культуры компании, поскольку на ее основе образуются базовые корпоративные установки и ценности [2]. Дистанционная организация процесса коммуникации, как правило, осуществляется посредством электронно-цифровых инструментов, которые, с точки зрения авторов, следует разделять на формальные и неформальные. Каналы формального сообщения должны представлять собой наиболее универсальные и гибкие веб-приложения, адаптированные под десктопные и мобильные устройства. К таким продуктам можно отнести:

- корпоративную электронную почту (Gsuite.google.com, Biz.mail.ru, Business.yandex.ru, Outlook);
- корпоративные мессенджеры (Intranet Chat, Commfort, Zulip, Jabber, ChatSecure, Monal);

– программы для конференций, совещаний, кратких собраний с одновременным онлайн-подключением до ста сотрудников (Slack, Zoom, Google Hangouts, BlueJeans и пр.).

Неформальные коммуникации аналогично важны в развитии корпоративной культуры организации. Здесь следует использовать наиболее распространенные и общеизвестные программы, такие как Viber, Whatsapp, Skype, Telegram, Facebook Messenger, Google Talk. Правильная дифференциация программных коммуникационных продуктов позволит выстроить эффективную систему обмена сообщениями с соблюдением всех корпоративных требований к общению на горизонтальном и вертикальном уровнях. Вышеперечисленные веб-ресурсы с технической точки зрения обеспечивают дистанционную связь между всеми сотрудниками компании, а с практической – являются инструментами достижения таких целей корпоративной культуры, как сплочение коллектива и построение эффективного командного взаимодействия (табл. 1).

Таблица 1

Актуальные форматы взаимодействия между сотрудниками компании в рамках развития корпоративной культуры на удаленном режиме [12; 14]

Формат взаимодействия	Характеристика	Преимущества
Брейншторм	Игровой метод решения задач, позволяющий за короткое время генерировать множество идей путем включения в «игру» всех сотрудников компании с различным профессиональным опытом.	<ul style="list-style-type: none"> • Возможность применения идей, возникших во время игры, на практике (в случае решения каких-либо профессиональных задач). • Сплочение коллектива и повышение доверия между сотрудниками.
Дискуссионный клуб	Организация периодических бизнес-встреч между различными специалистами компании в целях обсуждения актуальных проблем и задач жизни и деятельности корпоративного общества.	В рамках встречи клуба у сотрудников происходит отработка профессиональных теоретических знаний и практических умений; формируются коммуникативные навыки ведения дискуссии.
Квиз	Интеллектуальная командная викторина с использованием технологий геймификации, проводимая в целях развития корпоративной культуры внутри одной фирмы или между несколькими организациями.	<ul style="list-style-type: none"> • Возможность поиска и отбора квалифицированных сотрудников. • Возможность оперативного «включения» новых сотрудников в цели, стратегии и задачи компании.
Челлендж	Демонстрация выполнения какого-либо действия или решение задачи за короткое время и последующая передача «эстафеты». Челленджи могут иметь развлекательный, обучающий, оздоровительный характер.	<ul style="list-style-type: none"> • Выработка полезных привычек в рамках профессиональной деятельности или корпоративной жизни. • Способствует улучшению эмоционального настроения у всех участников дистанционной рабочей деятельности.
Онлайн-митап	Неорганизованные онлайн-встречи сотрудников в официально установленные перерывы либо между мероприятиями, формальными конференциями, совещаниями с целью предварительного обсуждения текущей общей задачи.	<ul style="list-style-type: none"> • Возможность обмена информацией в целях взаимопомощи при решении нетипичных, специализированных задач; • Возможность совместной подготовки к онлайн-конференции или предварительного обсуждения текущего проекта.

Другим направлением корпоративной культуры, подлежащим совершенствованию, является социальная ответственность HR-менеджера, которая предполагает организацию образовательных мероприятий, оказание социальной помощи, распределение привилегий, отпусков и т.д. В данном случае аспект формирования корпоративной культуры трансформируется в социально-правовой аспект с выраженной тенденцией к социологическому и правовому обеспечению управления кадрами.

Так, в условиях удаленной занятости эффективным инструментом для совокупной оценки состояния работников и социокультурного климата в компании актуально использование технологии «интернет вещей». Данный инструмент представляет собой комплекс технических средств, которые анализируют и передают необходимую информацию другим пользователям (управленцам) через единое программное обеспечение [11]. Чтобы получать своевременную информацию от сотрудников о каких-либо проблемах или трудностях в работе, также рекомендуется использовать чат-боты – автоматизированные помощники, способные оказывать всевозможную информационную поддержку удаленно и круглосуточно.

Организационно-экономический элемент многоаспектного подхода к развитию системы управления персоналом в условиях режима самоизоляции заключается в реализации таких функций, как: планирование кадрового состава, тарификация труда, формирование системы оплаты трудовой деятельности и иных выплат, организация структуры и процессов труда. Помимо блокчейна, интернета вещей и типизированных CRM-программ, активно используемых в настоящее время, в качестве совершенствования организационно-экономической составляющей HR-менеджеру целесообразно использовать облачные технологии, технологии виртуальной реальности и комплекс инструментов Big Data (табл. 2).

Таблица 2

Актуальные инструменты организационно-экономического развития системы управления удаленным персоналом [3; 7]

Инструменты	Характеристика	Преимущества
Облачные технологии	Многофункциональное программное обеспечение для обработки информации в режиме онлайн. В рамках организационно-экономического аспекта HR-менеджмента может использоваться в целях консолидации документооборота, снижения затрат на приобретение электронно-цифрового оборудования.	<ul style="list-style-type: none"> • Облачные технологии позволяют использовать ресурсы удаленных систем, находясь в любой точке мира, что приобретает особую актуальность в условиях эпидемиологической ситуации. • Инструмент универсален и может использоваться для автоматизации различных HR-процессов, включая социальное, экономическое, кадровое направления.
Виртуальная реальность	Технология формирования цифровых проекций и моделей, которые позволяют оценивать эффективность рабочей деятельности сотрудников, в частности, в сложных и нестандартных ситуациях.	<ul style="list-style-type: none"> • Стимулирует деятельность персонала с целью повышения производительности труда и экономии ресурсов. • Позволяет избежать дестабилизации организационно-экономической ситуации в компании.
People Data (Big Data)	Комплексный подход к использованию всей информации о сотрудниках и их профессиональной деятельности для принятия соответствующих управленческих решений в области организации труда и в сфере продаж.	<ul style="list-style-type: none"> • Снижают организационные и экономические издержки за счет автоматизированной риск-аналитики. • Обработывают большое количество информации в режиме реального времени (включая корпоративные данные и данные сети интернет).

Электронно-цифровые инструменты, представленные в таблице 2, могут быть использованы частично с учетом принятой на каждом конкретном предприятии управленческой политики. Особое внимание стоит уделить технологии People Data, которая также является ключевым инструментом развития системы управления персоналом в кадровом аспекте, подразумевающим совокупность субъектов производственных и хозяйственных функций, которых объединяет общий набор прав и трудовых обязанностей [8].

Технология People Data – это достаточно новый и малоизученный электронно-цифровой инструмент, но теоретически более емкий, чем Big Data или классическая HR-аналитика [1].

People Data позволяет анализировать, обрабатывать, хранить и передавать информацию на основе множества источников: из CRM-систем, облачных приложений, электронной почты, социальных и стриминговых сетей. Следовательно, помимо типизированных данных о сотруднике и его деятельности, данный инструмент способен распознавать его эмоциональное состояние, оценивать риски рабочих процессов и формировать портфель рекомендаций по увеличению личной эффективности в коллективе. Персонализированный подход к обработке данных позволит решить ряд задач в рамках кадрового аспекта развития системы управления персоналом, а именно:

- ускорит процессы сбора, расшифровки, анализа и систематизирования информации о численности, профессиональных характеристиках и деловых качествах сотрудников;
- автоматизирует процесс формирования комплексного видения рабочей среды отдельного субъекта хозяйственной деятельности, определит его сильные и слабые стороны относительно развиваемых компетенций и занимаемой должности;
- сократит время поиска и оценки потенциальных претендентов среди специалистов на свободные вакансии;
- ускорит процессы трудоустройства, перемещения внутри компании и увольнения сотрудников;
- оптимизирует процесс служебно-профессионального продвижения работников;
- интенсифицирует обучающие программы согласно актуальным тенденциям в области профессионального образования и подготовки кадров;
- спрогнозирует будущее коллективное поведение сотрудников при возникновении типовых кризисных или нестандартных ситуаций во внутренней или внешней среде компании.

Предлагаемый авторами комплексный и многоаспектный подход к развитию системы управления человеческими ресурсами в условиях удаленной занятости позволит вывести организацию HR-процессов на предприятии на качественно новый уровень и перенести последствия экономического кризиса с наименьшими издержками.

Литература

1. Воробьев Л.А., Панасенко Г.Н. Возможности и перспективы развития технологий, основанных на Big Data в HR // Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики. 2015. № 6. С. 67–75.
2. Герасимов Б.Н. Развитие процесса управления корпоративной культурой // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 6. С. 24–31.
3. Долженко Р.А. People Data («данные о людях») как новое направление работы с человеческими ресурсами // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2019. № 1. С. 63–72.
4. Дугужева М.Х. Особенности трудовых отношений в период пандемии // Образование и право. 2020. № 4. С. 423–426.
5. Дырин С.П. Управление персоналом: от кадрового подхода к подходу многоаспектному // Основы ЭУП. 2012. № 1 (1). С. 117–120.
6. Зарандия В.В. Будущее HR: как блокчейн может изменить подбор персонала // Молодой ученый. 2019. № 6. С. 103–105.
7. Захаров Д.К. Облачные технологии в системе управления персоналом // Вестник ГУУ. 2016. № 5.
8. Кадровый аспект управления персоналом [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/7318507/page:3/>
9. Как блокчейн может изменить HR-менеджмент [Электронный ресурс]. URL: <https://letknow.news/publications/kak-blokcheyn-mozhet-izmenit-hr-menedzhment-31689.html>
10. Как коронавирус изменил условия труда россиян [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/05/27/831305-koronavirus-izmenil>

11. Козлов А.С., Дудник С.В., Култазин Н.М., Ангапов В.Д., Гринер В. Разработка алгоритмов сбора данных в рамках концепции интернета вещей // Вестник науки и образования. 2020. № 15-2. С. 13–19.

12. Корпоративная культура: как настроить удаленную работу в компании [Электронный ресурс]. URL: https://neohr.ru/korporativnaya-kultura/article_post/8-etapov-nastrojki-udalennoj-raboty/

13. Михайлов А.А., Федулов В. И. Подходы к управлению персоналом в условиях удаленной занятости // ЕГИ. 2020. № 3. С. 222–226.

14. Онлайн-встречи, работа из дома и больше общения: как агентства перестраивают работу в условиях пандемии [Электронный ресурс]. URL: <https://adindex.ru/publication/opinion/frames/2020/03/18/280203.phtml>

Разработка предложений по адаптации передовых российских и зарубежных методов управления НИР и ОКР на предприятии космического приборостроения

Development of Proposals for the Adaptation of Advanced Russian and Foreign Methods of R&D Management at a Space Instrument-Making Enterprise

(DOI: 10.34773/EU.2020.5.16)

А. НОВОСЕЛОВ

Новоселов Алексей Сергеевич, аспирант кафедры «Прикладная экономика» Российского университета дружбы народов. E-mail: novoselov@spacecorp.ru

Космическое приборостроение является одним из наиболее значимых направлений ракетно-космической отрасли промышленности. Исходя из анализа лучших практик управления НИР и ОКР в области ракетостроения и цифровизации экономик стран мира (в том числе Российской Федерации), автор формирует предложения по адаптации передовых российских и зарубежных методов управления НИР и ОКР на российских предприятиях космического приборостроения и рассматривает алгоритм практического внедрения описанных цифровых технологий на предприятиях космического приборостроения.

Ключевые слова: научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, высокотехнологичные отрасли промышленности, космическое приборостроение, цифровые технологии, цифровая экономика.

Space instrumentation is one of the most significant areas of the rocket and space industry. Based on the analysis of the best practices in R&D management in the field of rocketry and digitalization of the economies of the countries of the world (including the Russian Federation), the author forms proposals for adapting advanced Russian and foreign methods of R&D management at Russian space instrument-making enterprises and considers an algorithm for practical implementation of the described digital technologies at the enterprises of space instrumentation.

Key words: research and development work, high-tech industries, space instrumentation, digital technologies, digital economy.

Предприятия космического приборостроения представляют собой хозяйствующие субъекты с высокой долей затрат на научно-исследовательские работы (НИР) и опытно-конструкторские работы (ОКР) в производственной деятельности. Как правило, иерархически такие предприятия включают множество научно-производственных и организационных структур, направленных на выпуск высокотехнологичной, технически сложной или наукоемкой продукции. При этом характерными для деятельности предприятий космического приборостроения являются [1]:

- продолжительная длительность процессов разработки оптимальных конструкций изделий;
- необходимость разработки и создания новых материалов;

- необходимость разработки и внедрения новых схем;
- высокие требования к обеспечению требуемой надежности изделий, их экологичности и безопасности обслуживания.

В число основных критериев идентификации предприятий космического приборостроения следует отнести критерии, характеризующие наукоемкие отрасли народного хозяйства, а именно [1; 5; 6]:

1. Кадровый критерий, выраженный удельным весом высококвалифицированных кадров в общей их численности.
2. Стоимостной критерий, выраженный уровнем затрат на НИР и ОКР.
3. Процессный критерий, выраженный в наличии полного цикла выпуска наукоемкой продукции.
4. Продуктовый критерий, выраженный наличием выпуска наукоемкой продукции.
5. Технологический критерий, определяемый фактом использования предприятием наукоемких технологий.
6. Комплексный (интегральный) критерий, выраженный как совокупность множества признаков наукоемких производств.

Как отмечается в Годовом отчете Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» за 2018 г., в настоящее время продукция, производимая отечественными предприятиями космического приборостроения, находит достаточно широкое применение не только в Российской Федерации, но и за рубежом. Так, в рамках совместного с Европейским космическим агентством проекта «ЭкзоМарс» выполнение научных экспериментов в космосе проводилось при помощи российских приборов, установленных на борту зарубежных космических аппаратов [4]. В условиях цифровизации экономики и проникновения цифровых технологий в деятельность наукоемких организаций особую значимость для поддержания и развития конкурентоспособности российских предприятий космического приборостроения приобретает эффективное управление НИР и ОКР. Исходя из анализа существующих российских и зарубежных методов управления НИР и ОКР, можно сформировать следующие предложения по адаптации методов управления НИР и ОКР в условиях цифровизации деятельности предприятия (табл. 1).

Рассмотрим подробнее алгоритм практического внедрения описанных в таблице 1 предложений в деятельность российских предприятий космического приборостроения.

Применение безбумажных технологий при проведении НИР и ОКР. Говоря о безбумажных технологиях, следует отметить необходимость оснащения всех структурных подразделений предприятия космического приборостроения компьютерами, а также оцифровки документации предприятия, хранящейся в настоящее время на бумажных носителях информации. Данные меры позволят обеспечить доступ сотрудников к необходимой информации в любое время с личного компьютера сотрудника, что позволит существенно повысить скорость получения информации сотрудником и, следовательно, ускорит процесс принятия решения или выполнения работы сотрудником. Применение безбумажных технологий не вызовет существенных затруднений, а подпись соответствующих руководителей на бумажной документации, разрабатываемой в рамках НИР, будет заменена на эквивалентную по значимости электронную подпись руководителя на документации в электронном формате.

При внедрении безбумажных технологий на предприятии космического приборостроения возникает необходимость внедрения программного обеспечения, поддерживающего обмен электронными документами среди компьютеров сотрудников и хранилищ данных предприятия. В настоящее время разработано множество программных решений, позволяющих осуществлять быструю и безопасную передачу информации между компьютером пользователя и хранилищем данных предприятия.

Предложения по адаптации передовых российских и зарубежных методов управления НИР и ОКР на российских предприятиях космического приборостроения

№ п/п	Предложение	Ожидаемый эффект
1	Применение безбумажных технологий при проведении НИР и ОКР	Хранение информации в электронном виде позволит избежать опасности потери информации вследствие пожара и иных явлений, способных нанести вред бумажному носителю
2	Применение облачных хранилищ данных при проведении НИР и ОКР	Позволит увеличить сохранность электронных данных и сохранить их в безопасности от возможных негативных явлений в рамках предприятия (в том числе пожара, затопления и др.)
3	Применение биометрических технологий при допуске сотрудников на территорию предприятия и при допуске к некоторой информации в рамках НИР и ОКР	Обеспечение сохранности информации благодаря инструментам идентификации человека по его уникальным характеристикам (сетчатке глаза, отпечатку пальца и др.)
4	Разработка цифрового двойника продукции для проведения НИР и ОКР	Значительно ускорит и удешевит процесс испытания опытного образца продукции, позволит быстро вносить требуемые изменения в опытный образец
5	Применение искусственного интеллекта при проведении НИР и ОКР	Позволит интеллектуальным системам выполнять творческие функции в рамках научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ
6	Применение технологии «мозг–компьютер»	Позволит существенно увеличить скорость обмена информацией между человеком и искусственным интеллектом при осуществлении НИР и ОКР
7	Обучение сотрудников предприятия, участвующих в НИР и ОКР, применению современных цифровых технологий	Позволит популяризировать цифровые технологии среди сотрудников предприятия, участвующих в НИР и ОКР, что существенно увеличит получаемый в результате применения цифровых технологий положительный эффект
8	Разработка соответствующего нормативно-правового регулирования применения цифровых технологий на предприятиях космического приборостроения	Позволит регламентировать внедрение и применение цифровых технологий на предприятиях космического приборостроения, обеспечит правовую защиту предприятий

Источник: составлено автором.

Однако полностью отказаться от бумажных носителей информации на сегодняшний день невозможно в связи с различным уровнем готовности предприятий к использованию безбумажных технологий, что определяет соответствующие требования к взаимоотношениям с внешним миром.

Применение облачных хранилищ данных при проведении НИР и ОКР. Говоря об облачных хранилищах данных предприятия космического приборостроения, необходимо отметить, что у предприятия есть два пути применения таких хранилищ: публичное облако и частное облако.

Проведем сравнение рассматриваемых облачных хранилищ (табл. 2).

Исходя из представленных в таблице 2 преимуществ и недостатков публичного и частного облачных хранилищ, можно сделать вывод, что управленческий состав предприятия космического приборостроения имеет возможность принять решение в пользу одного из них.

Сравнительный анализ преимуществ и недостатков использования публичных и частных облачных хранилищ в деятельности предприятий космического приборостроения

Критерии оценки	Публичное облако	Частное облако
Безопасность	Используется SaaS-приложение от проверенного провайдера, имеющего проработанную стратегию безопасности	Чрезвычайно высокие требования к безопасности и конфиденциальности
Надежность	Требуется усилить возможности собственной инфраструктуры в ситуации пиковых нагрузок	Сопоставимо больше возможностей для контроля за счет того, что все компоненты ИТ-структуры остаются на стороне организации. Потребителем сервиса является одна организация, поэтому инфраструктура может быть оптимально сконфигурирована под существующие требования к защите данных
Масштабируемость, гибкость	Обеспечивают совместную работу большого коллектива. Модель pay-as-you-go позволяет оплачивать именно столько ресурсов, сколько требуется в данный момент, и оперативно регулировать этот параметр в большую или меньшую сторону	Оптимальны в странах, где существует запрет на обработку персональных данных граждан за пределами страны. Ограничены возможностями организации
Популярность	Стандартизированное приложение, которое используется большим количеством людей (например, электронная почта)	Непопулярны, поскольку ограничены рамками одной организации
Тестирование работы	Необходимо протестировать работу программного кода или приложения	Необходимо протестировать работу программного кода или приложения
Простота использования	Очень просто использовать, эффективность использования высокая	Не всегда просты в использовании
Стоимость	Помесячная тарификация и на базе годовых планов, система тарифов гибкая, как правило, провайдеры реализуют скидки при оплате за больший промежуток времени	Необходимы значительные человеческие и материальные ресурсы на создание и поддержание работы на всех этапах жизненного цикла частного облака. Существенные затраты, связанные с необходимостью администрирования и привлечения компетентных ИТ-специалистов
Время на обслуживание инфраструктуры	В виртуальной среде обслуживание инфраструктуры занимает считанные минуты	
Риск простоя бизнес-процессов из-за серверных аварий	Исключен, поскольку сервера приложений находятся в облаке и чаще всего сконфигурированы на мощной физической базе, размещены в крупных data-центрах, где возможное время простоя исчисляется минутами в год	Существует
Возможность изменить провайдера	Высокая, поскольку отсутствуют долгосрочные контракты	Отсутствует
Работа ИТ-отдела	Существенно ниже, чем у частного облака – одна только поставка оборудования порой занимает 6–8 недель	Чрезвычайно высокая оперативность – по запросу бизнеса в любой момент может развернуть нужный сервис за 5–10 часов
Конфигурируемость облака	Низкая	Очень высокая

Источник: составлено автором.

Применение биометрических технологий при допуске сотрудников на территорию предприятия и при допуске к некоторой информации в рамках НИР и ОКР. Необходимо отметить, что внедрение биометрических технологий уже реализовано на некоторых предприятиях космического приборостроения. Так, вход сотрудников в АО «Российские космические системы» осуществляется строго по отпечаткам пальцев. Однако данная технология в настоящее время практически не применяется для обеспечения безопасности информации, получаемой в рамках НИР и ОКР.

При применении на предприятиях космического приборостроения безбумажных технологий внедрение биометрических технологий не представляется сложным, поскольку требует лишь установки соответствующих датчиков, позволяющих распознавать биометрические данные, на рабочих местах сотрудников. Биометрические технологии в данном случае могут применяться для подтверждения доступа сотрудника к той или иной информации.

Разработка цифрового двойника продукции для проведения НИР и ОКР. Для разработки цифрового двойника продукции предприятиям космического приборостроения требуется внедрить ряд программных продуктов, позволяющих сформировать полноценное описание цифрового двойника, в том числе [10]:

- инструменты CAD (Computer Aided Design – системы автоматизированного проектирования) для создания 3D-модели цифрового двойника продукции;
- модели систем, используемых для системного проектирования сложных изделий;
- спецификацию материалов (Bill Of Materials – BOM);
- 1D-, 2D- и 3D-модели для расчета и анализа с помощью CAE-систем (Computer-Aided Engineering – компьютерная инженерия);
- встроенное программное обеспечение, разрабатываемое и тестируемое с помощью средств ALM (управление жизненным циклом приложений – Application Lifecycle Management);
- электронную часть проекта.

Внедрение описанных выше инструментов позволит предприятиям космического приборостроения сформировать комплексную компьютеризированную модель продукции, обеспечивающую практически 100 % виртуальной валидации и тестирования проектируемой продукции. Разработанный при помощи программных инструментов цифровой двойник проектируемой продукции является базой для создания эксплуатационного цифрового двойника, обеспечивающего возможность извлечения и анализа данных о реальной производительности продукции и процессе ее эксплуатации.

Анализ первичных данных, получаемых предприятием космического приборостроения при использовании цифрового двойника разрабатываемой продукции, позволяет найти новые инженерные решения, улучшающие и оптимизирующие разрабатываемую продукцию.

В июне 2020 г. распоряжением государственной корпорации «Роскосмос» утвержден и введен стандарт СТО ГК Роскосмос 1025-2019 «Аппаратура бортовая автоматических космических аппаратов. Общие требования к сквозному автоматизированному проектированию, подготовке и сопровождению производства». Данный стандарт достаточно полно описывает вопросы, касающиеся применения данной технологии на предприятиях космического приборостроения. В частности, данный стандарт регулирует применение инструментов CAD, CAM (система автоматизации подготовки производства) и многие другие на предприятиях космического приборостроения, а также оперирует понятием «электронная модель изделия», под которой понимается цифровой двойник изделия – модель, выполненная в компьютерной среде при помощи соответствующих программных средств и представляющая собой совокупность данных и программного кода, необходимого для работы с данными. Таким образом, рассматриваемый стандарт достаточно подробно описывает применение цифрового двойника в деятельности предприятий космического приборостроения.

Применение искусственного интеллекта при проведении НИР и ОКР. Неотъемлемым условием успешного внедрения искусственного интеллекта (ИИ) на предприятиях космического

приборостроения являются основные операции с данными, поддерживающими платформы, а также уникальность инновации конкретного алгоритма или метода обработки данных.

Сформируем алгоритм подготовки предприятия космического приборостроения к внедрению искусственного интеллекта (рис. 1).

Рис. 1. Алгоритм подготовки предприятия к внедрению искусственного интеллекта (составлено автором на основе [2])

Необходимо отметить, что для успешной реализации представленного на рисунке 1 алгоритма требуется внедрить соответствующее программное обеспечение описанных процессов. В то же время, как отмечают эксперты в области искусственного интеллекта, «уменьшая зависимость от IT-ресурсов для сложных инструментов интеграции и подготовки данных», предприятия имеют возможность существенно упростить формат получаемых при применении ИИ результатов.

Применение технологии «мозг–компьютер». Необходимо отметить, что практическое применение данной технологии на предприятиях космического приборостроения в ближайшем будущем затруднено, поскольку технология в настоящее время находится в разработке. Так, несмотря на то, что технология «мозг–компьютер» описывалась в научных исследованиях российских ученых еще в начале 2010-х гг. [7], а американская компания Facebook анонсировала нейроинтерфейс «мозг–компьютер» в 2017 г., фактически прикладные работы в данном направлении в России и за рубежом получили свое развитие лишь в конце 2019 г. [3]. Так, в конце сентября 2019 г. компания Facebook сообщила о покупке технологического стартапа CTRL-Labs, разрабатывающего программное обеспечение технологии «мозг–компьютер» [11]. В рамках данного сотрудничества компания Facebook планирует разработать браслет, декодирующий нейронные сигналы мозга человека и переводящий их в цифровой сигнал, распознаваемый мобильными устройствами.

В России разработки в области нейротехнологий поддерживаются через направление «НейроНет» Национальной технологической инициативы (НТИ) [8]. Так, в 2018 г. НТИ

поддержала проект «НейроЧат», позволяющий больным, потерявшим возможность говорить и двигаться, набирать текст на экране компьютера путем концентрации пользователя на нужной букве или символе. Аналогичная технология применяется российской компанией «Брейн Девелопмент», получившей патент на нейроинтерфейс с сухой гарнитурой. Данный проект успешно развивается в виде образовательной лаборатории совместно с государственной корпорацией Ростех.

Безусловно, в настоящее время в качестве основных пользователей нейроинтерфейсов, реализующих технологию «мозг–компьютер», рассматриваются больные граждане, потерявшие возможность двигаться и говорить, а сама технология рассматривается в первую очередь как возможность их социальной адаптации. Однако в будущем технология может применяться не только для обеспечения участия больных, потерявших двигательные и разговорные функции, в процессах НИР и ОКР, но также как средство ускорения обмена информации между физически здоровыми сотрудниками предприятий космического приборостроения и внедренным на предприятиях искусственным интеллектом.

Обучение сотрудников предприятия, участвующих в НИР и ОКР, применению современных цифровых технологий. Обучение сотрудников применению рассмотренных выше цифровых технологий играет очень важную роль в успешном внедрении и применении данных технологий на предприятиях космического приборостроения. В настоящее время в России в рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» предусмотрено обучение кадров цифровым технологиям. Однако данная мера представляется недостаточной для сотрудников предприятий космического приборостроения, вынужденных более плотно взаимодействовать с наиболее современными цифровыми технологиями.

Необходимо отметить, что рассматриваемый стандарт СТО ГК Роскосмос 1025-2019 «Аппаратура бортовая автоматических космических аппаратов. Общие требования к сквозному автоматизированному проектированию, подготовке и сопровождению производства» не регулирует вопросы обучения сотрудников. Таким образом, представляется необходимым разработать обязательные для прохождения сотрудниками предприятия курсы и учебные программы, обучающие сотрудников применению цифровых технологий, с которыми они обязаны работать по долгу службы. Данные курсы и программы обучения могут быть успешно реализованы совместно с ведущими высшими учебными заведениями России.

Разработка нормативно-правового регулирования применения цифровых технологий на предприятиях космического приборостроения. Существенной значимостью при внедрении безбумажных технологий, облачных хранилищ и иных технологий, рассмотренных выше, является нормативно-правовое регулирование применения данных технологий. В настоящее время в Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», одной из задач которой является создание системы правового регулирования цифровой экономики [9]. Для комплексной реализации данной задачи разработан федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», курируемый Министерством экономического развития Российской Федерации. В рамках данного проекта предполагается решение следующих задач (рис. 2).

Однако вопросы нормативного и правового регулирования применения цифровых технологий должны решаться также в рамках каждого конкретного предприятия космического приборостроения путем разработки соответствующих стандартов. На предприятиях космического приборостроения должны быть разработаны и утверждены алгоритмы практического применения для каждой цифровой технологии, внедряемой на предприятии. Существенную значимость в данных стандартах должны занимать положения об обеспечении процесса разработки проектной документации (в том числе в электронном виде, рабочей конструкторской документации), технологической подготовки и сопровождения производства изделия космического приборостроения в едином информационном пространстве с применением конкретных цифровых

технологий на различных этапах специализированных систем автоматизированного проектирования и передачи электронных данных от одного этапа к последующему.

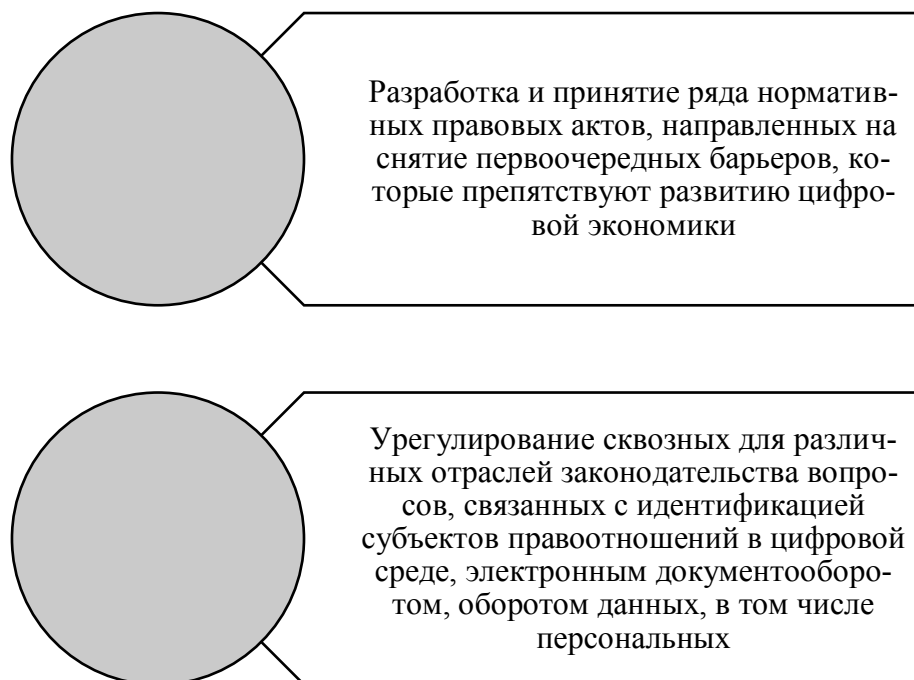

Рис. 2. Основные задачи федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (составлено автором на основании [9])

Разрабатываемые стандарты должны описывать конкретные задачи, решаемые благодаря рассматриваемой цифровой технологии на различных этапах проектирования, подготовки и сопровождения производства изделия космического приборостроения. Так, согласно СТО ГК Роскосмос 1025-2019 «Аппаратура бортовая автоматических космических аппаратов. Общие требования к сквозному автоматизированному проектированию, подготовке и сопровождению производства», при автоматизации в процессе сквозного цикла проектирования, подготовки и сопровождения производства изделий космического приборостроения могут быть решены следующие задачи:

1. На этапе проектирования по ГОСТ 2.103-2013:
 - разработка технического предложения;
 - разработка эскизного проекта;
 - разработка технического проекта;
2. На этапе конструкторской подготовки производства:
 - автоматизация разработки документа конструкторского электронного (ДКЭ) на электронный модуль (ЭМ) первого уровня;
 - автоматизация разработки ДКЭ на ЭМ второго уровня;
 - автоматизация разработки ДКЭ на ЭМ третьего уровня;
3. На этапе технологической подготовки производства:
 - автоматизация разработки документа технологического электронного (ДТЭ);
 - автоматизация разработки технологического процесса (ТП) на основе шаблонов и стандартизированных операций;
 - автоматизация материального и трудового нормирования;
 - автоматизация проектирования оснастки и других средств технологического производства;
 - автоматизация анализа технологичности конструкции изделия;

4. На этапе сопровождения производства изделия:
 - доступ к ДКЭ;
 - доступ к ДТЭ;
5. На этапе интеграции с базой данных в соответствии с ГОСТ Р ИСО 10303-1:
 - автоматизация создания новых библиотек;
 - автоматизация редактирования существующих библиотек.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на высокое качество производимых в Российской Федерации космических приборов и значительный спектр функций, выполняемых ими, для обеспечения конкурентоспособности отечественных предприятий космического приборостроения определяющее значение приобретает изменение методов управления НИР и ОКР и применение цифровых технологий в данных процессах. Существенным подспорьем в данных направлениях деятельности могут стать зарубежный опыт, а также передовой российский опыт в области применения цифровых технологий при НИР и ОКР, а также управления проведением НИР и ОКР с применением цифровых технологий.

Литература

1. Абрашкин М.С. Научоемкость и инновационное развитие предприятий машиностроения // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2018. № 4. С. 107–115.
2. Внедрение искусственного интеллекта в бизнес: пять основополагающих элементов [Электронный ресурс]. URL: https://forum.digital/ai_integration/
3. В ногу с Facebook: российские разработчики создали «мозг-компьютер» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/27/09/2019/5d8e05bd9a79477c00f0b646/
4. Годовой отчет Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» за 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_2/085_Roskosmos_godovoi_2015_2018/003.htm
5. Демин С.С. Методический подход к оценке уровня наукоемкости отрасли // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2011. № 4. С. 55–58.
6. Кривякин К.С. Критерии определения наукоемкости производства // Организатор производства. 2012. № 2. С. 25–29.
7. Мокиенко О.А., Черникова Л.А., Фролов А.А. Интерфейс мозг-компьютер как новая технология нейрореабилитации // Анналы клинической и экспериментальной неврологии. 2011. Т. 5. № 3. С. 46–52.
8. Нейронет [Электронный ресурс]. URL: <https://nti2035.ru/markets/neuronet/>
9. Нормативное регулирование цифровой среды [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/
10. Цифровые двойники [Электронный ресурс]. URL: <https://ecias.ru/ru/activities/cifrovye-dvoyniki/>
11. Facebook to Buy Startup for Controlling Computers With Your Mind [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-09-23/facebook-to-buy-startup-for-controlling-computers-with-your-mind/>

Управление кадровым резервом предприятия нефтегазового комплекса

Management of Personnel Reserve of Oil and Gas Complex Enterprise

(DOI: 10.34773/EU.2020.5.17)

М. ГАЙФУЛЛИНА, В. МАКОВ

Гайфуллина Марина Михайловна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета (ИНБ УГНТУ). E-mail: marina_makova@list.ru

Маков Валерий Михайлович, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности ИНБ УГНТУ. E-mail: valeram84@mail.ru

В статье предложен подход к управлению кадровым резервом предприятия на примере предприятий нефтегазового комплекса. Предложены основные этапы для работы с кадровым резервом предприятия. Обозначены основные проблемы формирования кадрового резерва предприятия. Рассмотрена система показателей оценки эффективности управления кадровым резервом на предприятии. Предложены шкалы оценки эффективности показателей управления кадровым резервом на предприятии. Проведен анализ кадровых резервов крупнейших нефтегазовых компаний России (ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Лукойл», ПАО «Татнефть», ПАО «Траснефть»). Осуществлена апробация предлагаемого подхода по оценке эффективности системы кадрового резерва на примере нефтегазового предприятия.

Ключевые слова: персонал, кадровый резерв, эффективность кадрового резерва, нефтяная компания, нефтегазовое предприятие.

The article proposes an approach to managing the personnel reserve of the enterprise using the example of enterprises of the oil and gas complex. The main stages for working with the personnel reserve of the enterprise are proposed. The main problems in the formation of the personnel reserve of the enterprise are outlined. The system of indicators for evaluation of personnel reserve management efficiency at the enterprise is considered. There are proposed scales for evaluating the effectiveness of personnel reserve management indicators at the enterprise. The personnel reserves of the largest oil and gas companies in Russia were analyzed (PJSC NK Rosneft, PJSC Gazprom Neft, PJSC Lukoil, PJSC Tatneft, PJSC Trasneft). The proposed approach to assessing the effectiveness of the personnel reserve system was tested using the example of an oil and gas enterprise.

Key words: personnel, talent pool, efficiency of a talent pool, oil company, oil and gas enterprise.

В современных условиях искусство управления людьми становится решающим условием, обеспечивающим конкурентоспособность предприятий и стабильность предпринимательского успеха. Именно поэтому современная концепция управления предприятием предполагает выделение из большого числа функциональных сфер управленческой деятельности той, которая связана с управлением кадровой составляющей производства – персоналом предприятия.

Важной задачей для надежного функционирования предприятия с позиции кадровой составляющей производства является своевременное обеспечение предприятия работниками в необходимом количестве и с необходимыми компетенциями. Одним из инструментов решения данной задачи является формирование кадрового резерва предприятия.

В настоящее время не выработано единой трактовки понятия «кадровый резерв предприятия». Под кадровым резервом предприятия мы понимаем одну из функций системы управления персоналом, в рамках которой с использованием специальных инструментов оценки и отбора персонала формируется пул сотрудников, которые в дальнейшем могут быть назначены на замещаемые должности в рамках горизонтальных и вертикальных ротаций на предприятии.

При этом важно не только формально сформировать систему кадрового резерва на предприятии, но и обеспечить ее эффективное функционирование. В этой связи становится актуальным вопрос повышения эффективности управления кадровым резервом предприятия.

Проблемой управления кадровым резервом предприятия занимались как зарубежные, так и отечественные исследователи. Исследовав теоретические основы оценки эффективности кадрового резерва предприятия, можно сделать вывод, что до сих пор не выработана единая концепция методологии управления кадровым резервом предприятия. Проведенный анализ научных работ показал, что большинство авторов подходят к управлению кадровым резервом предприятия с точки зрения отдельных узких вопросов: как к элементу стратегического управления предприятием [13], как к элементу кадрового потенциала [3; 4; 11], как к фактору предотвращения кадровых рисков [5; 7], как к фактору реализации организационных резервов повышения эффективности [15], как к инновационной технологии в управлении персоналом [1].

При этом без внимания исследователей не остались также вопросы отраслевой специфики управления кадровым резервом предприятий нефтегазового сектора [8; 12; 14].

Рассмотрение различных аспектов проблемы эффективности управления кадровым резервом предприятия позволяет комплексно подойти к данной проблеме. При этом одной из актуальных проблем в настоящее время остается количественная оценка эффективности управления кадровым резервом предприятия, которая бы позволила однозначно определить степень эффективности политики предприятия в области развития и продвижения персонала через систему кадрового резерва.

Для эффективного управления кадровым резервом предприятия предлагается выполнение ряда последовательных действий. Исследователями предлагаются разные наборы этапов по формированию кадрового резерва предприятия. Систематизировав имеющиеся наработки [2; 9; 10], выделим следующие этапы алгоритма формирования эффективного кадрового резерва на предприятии.

1. Определение необходимости в создании кадрового резерва на предприятии.
2. Создание регламентирующей документации по кадровому резерву предприятия.
3. Определение ключевых требований к должностям.
4. Определение численного и должностного состава резервистов.
5. Оценка степени готовности работников к занятию определенной должности (оценка персонала на соответствие ключевым требованиям должности).

При оценке могут быть использованы такие методы, как: изучение документированной информации по кадрам (личные дела работников, результаты аттестаций и др.); оценка работников через систему специальных тестов, моделирование различных ситуаций, центры оценки и др.

6. Отбор кандидатов в резерв (по результатам оценки).
7. Утверждение состава резервистов.
8. Определение потребностей в развитии резервистов.
9. Разработка индивидуальных планов развития резервистов.
10. Реализация планов развития резервистов.
11. Продвижение, назначение резервистов.

При формировании кадрового резерва HR-менеджер может столкнуться с рядом трудностей на любом этапе этого процесса. Системно и последовательно решая возникающие проблемы, понимая причины их появления, он сумеет успешно преодолеть все препятствия и достичь высоких результатов.

Основными проблемами, возникающими при формировании кадрового резерва предприятия, выступают следующие:

1. Недостаточная мотивация, в том числе слабая заинтересованность во включении в кадровый резерв, а также отсутствие желания проходить обучение по программам развития [6].
2. Выдвижение линейными руководителями «своих» кандидатов на включение в кадровый резерв. Это связано с тем, что руководителю психологически легче работать с определенным сотрудником.
3. Возможный отток «резервистов», в частности, уход людей из кадрового резерва в компании конкурентов.

Важным вопросом при работе с кадровым резервом является повышение эффективности управления кадровым резервом предприятия с целью нейтрализации возможных проблем, связанных с кадровым резервом.

При этом одной из актуальных задач становится методика оценки эффективности управления кадровым резервом предприятия. Для оценки эффективности карового резерва предприятия предлагается рассчитывать следующие показатели.

1. Готовность резерва (R_r) – определяется как отношение числа ключевых должностей, имеющих преемников к общему числу ключевых должностей.

2. Эффективность продвижения резервистов в компании (R_p) – рассчитывается как отношение числа ключевых должностей за три года, занятых представителями резерва, к числу освободившихся должностей за три года.

3. Текучесть резерва (R_t) определяется как отношение числа резервистов, покинувших компанию в течение трех лет, к среднему числу резервистов за три года.

4. Средний срок пребывания в резерве до продвижения (R_c) – представляет собой средний срок пребывания в резерве до занятия определенной должности через систему кадрового резерва.

Шкала оценки эффективности системы кадрового резерва предприятия по показателям приведена в таблице 1.

Таблица 1

Шкала оценки эффективности управления кадровым резервом предприятия

Показатель эффективности кадрового резерва	Степень эффективности		
	высокая	средняя	низкая
Готовность резерва (R_r)	$R_r \geq 80\%$	$40\% \leq R_r < 80\%$	$R_r < 40\%$
Эффективность продвижения резервистов в компании (R_p)	$R_p \geq 80\%$	$40\% \leq R_p < 80\%$	$R_p < 40\%$
Текучесть резерва (R_t)	$R_t \leq 5\%$	$5\% < R_t < 10\%$	$R_t \geq 10\%$
Средний срок пребывания в резерве до продвижения (R_c), лет	$R_c \leq 3$	$3 \leq R_c < 5$	$R_c \geq 5$

Апробация предлагаемого подхода проведена на примере предприятий нефтегазового профиля. Характеристики кадровых резервов персонала крупнейших нефтегазовых компаний России приведены в таблице 2.

Таблица 2

Характеристики кадровых резервов крупнейших нефтегазовых компаний России

Компания	Количество резервистов (2018 г.)		Ежегодная оценка персонала (2018 г.)	
	чел.	% от общей численности	тыс. чел.	% от общей численности
ПАО «Лукойл»	1 115	3	6,9	19
ПАО «Татнефть»	1 083	2,25	13,3	27,6
ПАО «НК «Роснефть»	1 710	0,5	100,3	30,34
ПАО «Газпром нефть»	5 340	7	24,6	37
ПАО «Траснефть»	1 050	1	14,9	13

Источник: официальные сайты компаний <https://lukoil.ru>, <https://www.tatneft.ru>, <https://www.rosneft.ru>, <https://www.gazprom-neft.ru>, <https://www.transneft.ru>.

Раньше остальных формирование кадрового резерва начала осуществлять компания ПАО «Лукойл», которая первая отказалась от услуг HR-компаний, создав свое подразделение по кадровым вопросам. Основаниями для включения в состав резерва компании ПАО «Лукойл» являются результаты оценки деятельности работников, профессионализм, деловые качества и потенциальные возможности для управленческой деятельности. В компании периодически актуализируются данные по кадровому резерву. Для каждого работника, включенного в состав

резервистов, формируется индивидуальный план развития сроком на три года с ежегодным анализом его выполнения и внесением при необходимости изменений и дополнений.

В ПАО «Татнефть» формирование кадрового резерва осуществляется через открытый конкурс. В компании действует четкая иерархия управленческих должностей и выделены следующие уровни – топ-100, топ-300 и топ-1000.

Программа кадрового резерва ПАО «НК «Роснефть» предполагает формирование резерва на позиции 1-го, 2-го и 3-го эшелонов управления.

Методология формирования кадрового резерва ПАО «Газпром нефть» представляет собой четырехуровневую иерархию кадровых комитетов, в которых происходит обсуждение и выявление наиболее талантливых сотрудников и резервирование ключевых позиций. Также методология содержит обязательства по развитию резервистов (через индивидуальные программы развития) и дальнейшим кадровым решениям в отношении ключевых позиций и назначенных на эти позиции преемников. В 2019 г. 34 % численности персонала ПАО «Газпром нефть» прошли оценку результативности для принятия решений о включении в кадровый резерв компании.

Апробация предлагаемого подхода по оценке эффективности системы кадрового резерва проведена на примере одного из предприятий нефтегазового профиля. Основные показатели кадрового резерва руководящего состава нефтегазового предприятия за 2017–2019 гг. приведены в таблице 3.

Таблица 3

Основные показатели кадрового резерва руководящего состава нефтегазового предприятия

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Средние показатели за 2017–2019 гг.
Общее количество должностей	23	23	25	23
Количество должностей, на которые существует кадровый резерв	15	17	20	17
Количество человек, состоящих в кадровом резерве	20	18	18	18
Количество должностей, которые были заняты резервистами	12	10	15	12
Количество резервистов, которые покинули компанию, чел.	5	8	3	5
Средний срок пребывания в резерве до продвижения, лет	4	3	2,5	3,17

Определим показатели эффективности кадрового резерва предприятия.

1. Готовность резерва: $(P_r) = 17/23 = 74\%$.
2. Эффективность продвижения резервистов в компании: $(P_p) = 12/17 = 70,5\%$.
3. Текучесть резерва: $(P_t) = 5/18 = 27,7\%$.
4. Средний срок пребывания в резерве: $(P_c) = (4+3+2,5)/3 = 3,14$ лет.

Исходя из полученных данных, можно отметить, что количество должностей, на которые существует кадровый резерв, не соответствует общему количеству ключевых должностей в компании, эффективность подготовки резервистов в целом оптимальна, однако можно повысить этот уровень, что благотворно повлияет на эффективность работы сотрудников, их знания и способность применять своевременные действия в нестабильной ситуации. Текучесть резерва невысокая, но если этот показатель свести к минимуму, замещение вакансий будет оперативным. Показатель готовности резерва необходимо поднять для повышения оперативности привлечения кадров на вакантные должности.

В современных рыночных реалиях формирование кадрового резерва является действенным инструментом своевременного решения вопроса качественного замещения вакантных должностей. Построение эффективной системы подготовки резерва кадров позволяет выявить

работников с высоким потенциалом, планомерно готовить их к замещению вакантных должностей, целенаправленно повышая их компетентность. При этом обеспечивается плановое замещение должностей, безболезненная смена поколений, преемственность управления. Однако, как показывает практика, в данный момент не все компании знакомы с новыми технологиями, многие пользуются традиционными методами, что в современных условиях становится недостаточно эффективным в подготовке резерва и требует разрешения.

Литература

1. Агафонов С.В., Кириллов А.В. Кадровый резерв как инновационная технология в управлении персоналом предприятия // Новое поколение. 2017. № 14-2. С. 45–49.
2. Аушева З.Г. Современные этапы формирования кадрового резерва предприятия // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 11. С. 273–278.
3. Боровиков Ю.С., Волков Ю.В., Мочалина Т.А. Оптимизация численности кадрового резерва как элемент управления кадровым потенциалом // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 2. С. 57–60.
4. Гайфуллина М.М. Интегральный подход к оценке кадрового потенциала предприятия // Вестник ВЭГУ. 2015. № 4. С. 22–33.
5. Гайфуллина М.М. Методический подход к оценке кадровых рисков нефтяной компании // Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело». 2015. № 5. С. 613–629.
6. Гайфуллина М.М., Маков В.М. Методический подход к оценке эффективности обучения персонала предприятия (на примере предприятий нефтегазового профиля) // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 3. С. 95–101.
7. Гайфуллина М.М., Маков В.М. Оценка рисков при найме персонала (на примере предприятий нефтегазового профиля) // Экономика и менеджмент систем управления. 2017. Т. 24. № 2.1. С. 121–127.
8. Герасимова И.В., Терегулова Н.Ф., Симонова И.Ф. Формирование и управление кадровым резервом на предприятии нефтегазовой отрасли // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2020. № 4. С. 62–67.
9. Гусев С.В. Кадровый резерв как элемент системы управления кадровым потенциалом государственных гражданских служащих // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2019. № 1. С. 60–65.
10. Заернюк В.М., Зевелева Е.А., Забайкин Ю.В. Этапы формирования кадрового резерва на предприятии // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 7-1. С. 108–115.
11. Маков В.М. Управление кадровым потенциалом предприятий топливно-энергетического комплекса // Современные технологии в нефтегазовом деле – 2016: сб. трудов междунар. науч.-техн. конф., посвященной 60-летию филиала: в 2 т. / отв. ред. В.Ш. Мухаметшин. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2016. Т. 2. С. 220–225.
12. Солтанов А.К. Формирование механизма управления кадровым резервом предприятия нефтегазового сектора // Вестник науки. 2020. Т. 2. № 1. С. 171–173.
13. Соловьева И.А., Герасимова М.В., Мусина Д.Р. Формирование многокритериальной модели оценки эффективности системы обучения и развития организации // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Т. 9. № 2.
14. Тумбина Е.В. Проблемы управления кадровым резервом предприятия нефтегазового сектора // Вестник науки. 2019. Т. 5. № 6. С. 230–233.
15. Туровец О.Г., Власов А.С. Кадровый резерв как один из инструментов создания и реализации организационных резервов повышения эффективности предприятия // Экономинфо. 2018. Т. 15. № 3. С. 5–9.

Цифровизация управления государственной экономической поддержкой работников водного транспорта

Digitalization of Management of State Economic Support for Water Transport Workers (DOI: 10.34773/EU.2020.5.18)

А. ЖЕЛАМСКАЯ, О. ЯКУБОВА

Желамская Алла Георгиевна, канд. экон. наук, доцент кафедры организационно-экономического обеспечения деятельности транспортных организаций Государственного университета морского и речного флота (ГУМРФ) имени адмирала С.О. Макарова. E-mail: al10840@yandex.ru

Якубова Ольга Николаевна, доцент кафедры организационно-экономического обеспечения деятельности транспортных организаций ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова

В статье рассматриваются структурные изменения управления системой государственной экономической поддержки работников отрасли водного транспорта с применением цифровых технологий в период эпидемиологической ситуации, и связанные с этим ограничительные меры. Сформулировано мнение о развитии новых дистанционных форм занятости и обучения, которые впоследствии могут создать потенциал для новых структурных изменений на рынке труда, в сфере образования и переквалификации персонала.

Ключевые слова: цифровизация, управление, государственная поддержка, водный транспорт, эпидемиологическая ситуация.

The article deals with structural changes in the management of the system of state economic support for water transport workers using digital technologies during the epidemiological situation, and related restrictive measures. An opinion is formulated on the development of new distance forms of employment and training, which can later create the potential for new structural changes in the labor market, in the field of education and retraining of personnel.

Key words: digitalization, management, state support, water transport, epidemiological situation.

В настоящее время в России принята национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в соответствии с которой цифровая экономика рассматривается как хозяйственная деятельность [2; 4].

Программа предполагает, что ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов этих данных и использование результатов их анализа [1]. Данная форма по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяет существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

Поскольку цифровизация – это цифровое измерение, то можно полагать, что она рассматривается как инструмент реализации каких-либо проектов в заданных траекториях развития экономики.

В целом экономическое развитие России, как и мировой экономики, в первой половине 2020 г. определялось, прежде всего, эпидемиологической ситуацией, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции. Руководством страны был принят общенациональный план действий, обеспечивающий восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике РФ [3].

Экономические ограничения в целях борьбы с распространением коронавирусной инфекции и состояние мировых рынков создали ряд новых возможностей для экономики России. Развитие новых форм занятости и обучения, прежде всего, дистанционных, создает потенциал для кардинальных структурных изменений на рынке труда, в сфере образования и переквалификации. Стало возможным существенное повышение гибкости рынка труда и образования как со стороны спроса, так и со стороны предложения. Начала формироваться быстрая и во многом

саморегулируемая подстройка системы образования и переквалификации к потребностям экономики, наметилось снятие территориальных барьеров и объединение региональных рынков труда и образования для многих профессий в один федеральный рынок с усилением конкуренции, повышением качества оказания услуг, ростом производительности труда.

Для ускоренного устойчивого развития этих процессов стало необходимым создание соответствующей инфраструктуры для удаленного общения и взаимодействия, также возникла необходимость в соответствующем регулировании правового взаимоотношения в данных сферах. Дистанционный труд в связке с дистанционной системой переподготовки персонала может стать источником решения проблемы эффективной занятости населения в целом по стране. Принятые в период жестких ограничений меры по упрощению административных процедур, отмене или переносу сроков вступления в силу регуляторных норм создали хорошую основу для дальнейшей оптимизации регулирования во многих секторах экономики.

Переход большого числа предприятий и организаций на удаленную работу, требования по самоизоляции привели к ускоренной цифровизации как в государственном, так и в частном секторе. Стало понятно, что цифровизация может стать драйвером технологического прорыва, роста производительности труда во многих секторах экономики, в том числе и в сфере транспорта, а следовательно, катализатором устойчивого развития экономики.

Меры по стимулированию технологического развития в целом и цифровизации различных отраслей и сфер экономики как важнейшего элемента такого развития будут способствовать не просто ускорению восстановления экономики, но и принципиально новому качеству устойчивого экономического роста за пределами периода восстановления.

В социальной политике любого государства вопросы социального страхования и социального обеспечения являются одними из острых. Несмотря на схожесть развития социального страхования в зарубежных странах, методы и подходы к решению поставленных задач существенно отличаются. Главными отличиями социальной политики промышленно развитых стран являются направленность на обеспечение высокого уровня социальной поддержки, недопущение резкого материального и социального неравенства, а также предоставление доступа к услугам образования и здравоохранения [5].

Для достижения целей общенационального плана и решения поставленных в нем задач предусматривается реализация комплекса мероприятий. Ключевые инициативы структурируют важнейшие мероприятия общенационального плана.

Реализация общенационального плана будет осуществляться в том числе на основе современных гибких методов управления. Работа по ключевым инициативам будет проводиться в соответствии с векторами развития, определенными в национальных проектах, не подменяя их, но конкретизируя критически важные задачи на период восстановления экономики. Таким образом, на достижение целей общенационального плана будут одновременно работать и национальные проекты, и ключевые инициативы общенационального плана.

Работа по ключевым инициативам предполагает последовательное создание системы управления, основанной на эффективном использовании данных, интеграцию различных цифровых платформ, созданных разными ведомствами и используемых в разных отраслях, внедрение обязательных правил работы с данными на первичном уровне.

В рамках увеличения роста реальных доходов граждан, восстановления эффективной занятости и платежеспособного спроса предполагается создание и осуществление следующих ключевых инициатив:

1. *Социальное казначейство.* Создание системы, повышающей адресность и эффективность мер социальной поддержки на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

2. *Адресные денежные выплаты.* Осуществление социальных выплат наиболее уязвимым группам населения, прежде всего, семьям с детьми.

3. *Помощь потерявшим работу.* Комплекс мер, включающий повышение пособий по безработице до уровня МРОТ, оказание помощи в переобучении и переквалификации, повышение эффективности работы служб занятости.

4. *Рынок труда в цифровую эпоху.* Нормативное правовое обеспечение удаленного режима работы, в том числе комбинированного, включающего удаленную работу и работу на рабочем месте, совершенствование режима неполной занятости и самозанятости, внедрение электронного кадрового документооборота.

В настоящее время в непростых условиях рыночной экономики для подавляющей части населения сложились социальные риски, которые принимают форму потери трудового дохода как основного источника существования [6].

Поэтому предполагается поддержка занятости и развитие рынка труда, которая включает в себя реализацию следующих мер для оказавшихся безработными граждан, в том числе работников отраслей морского и речного транспорта:

1. Продление на три месяца периода выплаты пособия по безработице для граждан, утративших право на пособие в связи с истечением установленного периода его выплаты с 1 марта 2020 г., и состоящим на учете в органах службы занятости в качестве безработных после 1 июня 2020 г. (с июня 2020 г. по 1 сентября 2020 г.).

2. Увеличение минимальной величины пособия по безработице до 4,5 тыс. рублей в мае – июле 2020 г. (с июня 2020 г. по 1 августа 2020 г.).

3. Установление максимального размера пособия по безработице (12 130 рублей) для индивидуальных предпринимателей, вынужденных прекратить свою деятельность после 1 марта 2020 г. (с 1 июня 2020 г. по 1 сентября 2020 г.).

4. Дополнительные ежемесячные выплаты в размере по 3000 рублей на ребенка семьям, в которых родители являются безработными (с июня 2020 г. по 1 сентября 2020 г.).

Правительством планируется внедрение единой цифровой платформы по образованию, повышению квалификации, поддержке занятости для повышения производительности и гибкости рынка труда на основании интегрированного взаимодействия с образовательными учреждениями, центрами занятости, работодателями, гражданами и иными участниками в период с июля 2020 г. на постоянной основе.

Ускорение устойчивого технологического развития экономики и повышение производительности труда, в том числе на основе цифровизации, требует внедрения единой платформы облачных решений для государства. Например, это переход на проактивное и комплексное оказание государственных услуг в цифровом виде без необходимости очного посещения органов государственной власти и МФЦ на базе платформенных облачных решений, внедрение электронных реестров выданных разрешений и лицензий, создание единой системы онлайн-идентификации граждан и обеспечения юридической значимости совершаемых ими действий в цифровых каналах взаимодействия.

Планируется создание и развитие отраслевых платформ поддержки электронного взаимодействия бизнеса (предприятий) между собой и с потребителями, переход на преимущественное заключение договоров в электронном виде, в том числе с физическими лицами, интеграция создаваемых платформ с инфраструктурой электронного правительства.

Рассматривается инициатива создания национальной платформы «Цифровые технологии производительности», предусматривающей функционирование механизма сбора и тиражирования лучших российских и международных практик в сфере повышения производительности труда.

В рамках плана осуществляются секторальные меры поддержки: восстановление и развитие отдельных отраслей. Так, в транспортной отрасли планируется развернуть отраслевую систему управления данными на основе цифровой платформы транспортного комплекса. Внедрение инициативы планируется в период с июня 2020 г. по декабрь 2021 г. (исполнитель Минтранс России).

Таким образом, следует отметить, что основные вызовы при реализации общенационального плана связаны со следующими ключевыми моментами:

1. Закрытие и сжатие наиболее пострадавших отраслей привели к безработице, а также появлению людей, формально занятых, но находящихся в неоплачиваемых отпусках, простою или неполной занятости.

2. Прекращение временных мер поддержки занятости, а также объективно происходящее изменение структуры экономики может привести к дальнейшему росту безработицы.

Совокупно эти факторы создают серьезный вызов, связанный со снижением доходов населения и, как следствие, платежеспособного спроса. Требуется набор мер по активной политике занятости и восстановлению доходов населения для решения этой проблемы, а также восстановлению и развитию сектора индивидуального предпринимательства, малого и среднего предпринимательства, в том числе отраслевого, как существенно пострадавшего и крайне важного для обеспечения дальнейшего экономического роста и занятости населения.

Литература

1. Кондратюк К.В. Трансформация социально-трудовых отношений в цифровой экономике // Коммуникации в глобальном мире: проблемы интеграции и взаимодействия: сб. ст. по материалам Междунар. межвузовского семинара «Вызовы и трансформации цифровой эпохи». 2019. С. 19–25.

2. Национальная Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7.

3. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения: проект документа Правительства Российской Федерации. Москва, 31 мая 2020 г.,

4. Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»).

5. Штиллер М.В., Никитина Е.К. Администрирование страховых взносов: зарубежный опыт. Роль науки в развитии социума: теоретические и практические аспекты. СПб.: Изд-во «КультИнформПресс», 2018. 347 с.

6. Якубова О.Н. Механизм формирования и оценки рисков социального обеспечения в организациях водного транспорта // Сб. науч. статей национальной науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава ФГБОУ ВО «ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова». 2018. С. 300–305.

Определение технологических зон распределительного центра

Definition of Technological Zones of the Distribution Center

(DOI: 10.34773/EU.2020.5.19)

А. ПЕТРОВА

Петрова Анастасия Валерьевна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Мировая экономика и логистика» Уральского государственного университета путей сообщения (Екатеринбург). E-mail: avpetrova@yandex.ru

В данной статье рассмотрены основные функции распределительного центра как обеспечивающего звена розничной торговли. Произведен расчет технологических зон распределительного центра для товарной группы «Замороженная продукция».

Ключевые слова: распределительный центр, розничная торговля, торговые сети, замороженная продукция, площадь хранения.

This article describes the main functions of a distribution center as a providing link of retail trade. The calculation of technological zones of the distribution center for the product group «Frozen products» was made.

Key words: distribution center, retail trade, retail chains, frozen products, storage area.

В настоящее время в условиях ужесточения конкурентной борьбы в сфере торговли стремительно развиваются сетевые структуры. Для сетевой розничной торговли характерны такие признаки, как единый центр управления и единая корпоративная стратегия, которая включает закупку продукции, формирование плана отгрузок, управление товарными запасами и т.д. С учетом этих особенностей важное место в развитии торговых сетей занимает распределительный центр, позволяющий своевременно обеспечивать предприятия розничной торговли необходимыми товарами с минимальными логистическими затратами.

С повышением темпов роста оборота розничной торговли в последние годы наблюдается увеличение количества торговых предприятий, преимущественно сетевых предприятий, и как следствие – увеличение их доли в данной отрасли экономики (рис. 1).

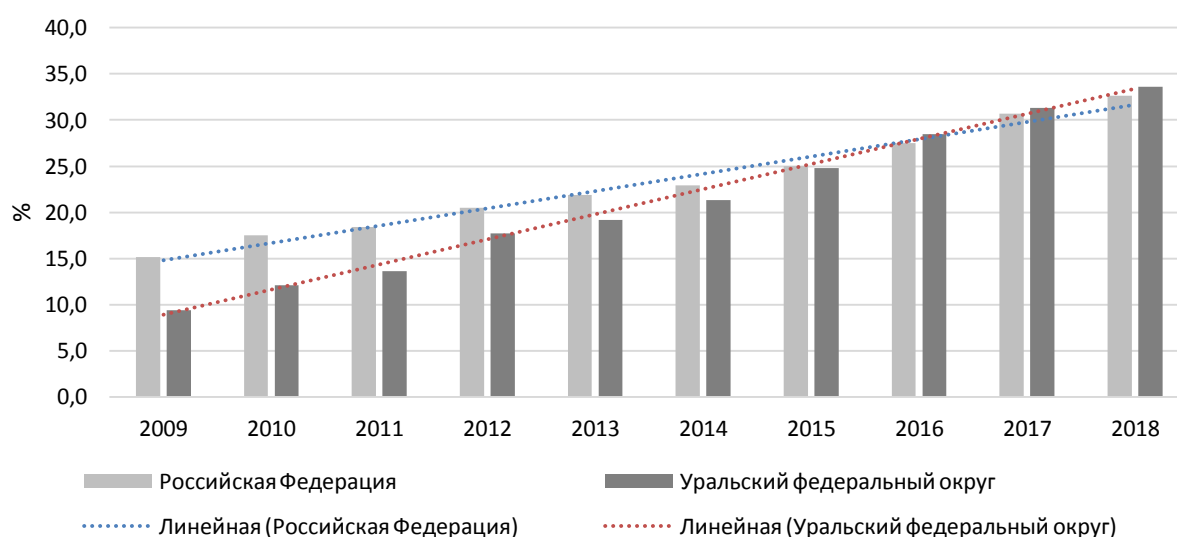

Рис. 1. Доля розничных торговых сетей в формировании оборота розничной торговли России (составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики: <http://www.gks.ru>)

На диаграмме линия тренда демонстрирует стабильный рост доли предприятий розничной торговли, относящихся к сетям. Причем за рассматриваемый период (с 2009 по 2018 г.) доля

таких предприятий в РФ увеличилась в 2 раза, а по Уральскому федеральному округу – в 3,5 раза. Преимущественно к сетевым структурам относятся предприятия, реализующие продовольственный ассортимент. Формирование и развитие эффективной сетевой торговой структуры невозможно без наличия распределительного центра.

Распределительный центр представляет собой складской комплекс, который получает товары от предприятий-производителей или от предприятий оптовой торговли и распределяет их более мелкими партиями предприятиям своей товаропроводящей сети (рис. 2).

Рис. 2. Место распределительного центра в товаропроводящей сети (составлено автором)

Распределительный центр выполняет важные функции в процессе товародвижения от производителя до конечного потребителя. Во-первых, распределительный центр осуществляет управление товарными потоками, которые направлены от производителей готовой продукции и посреднических предприятий к рынкам сбыта.

Во-вторых, распределительный центр аккумулирует товарные запасы, которые в определенных ситуациях позволяют своевременно реагировать на изменяющийся спрос со стороны конечных потребителей, что влияет на гибкость всей товаропроводящей сети.

В-третьих, распределительный центр выполняет складские операции, связанные с приемкой, хранением, размещением, комплектацией и отгрузкой товаров розничному звену.

Для того чтобы рационально использовать потенциал распределительного центра торговой сети, необходимо провести анализ объемов отгрузки хранимых товаров с учетом товарных зон центра, которые в нашем случае представлены следующими товарными группами применительно к региональной торговой сети «А» (название вымышленное), состоящей из более чем 1500 магазинов:

- бакалейные товары (включают такие пищевые продукты, как мука, сахар, соль, крупы, макаронные изделия, кофе, чай, пряности и т.д.);
- замороженная продукция (включает замороженное мясо, рыбу, овощи и плоды, мороженое);
- овощи и фрукты (включают хранение свежих овощей, фруктов, зелени);
- алкогольная продукция (включает спиртосодержащую продукцию и т.д.);
- охлажденная продукция (включает охлажденные мясо и рыбу, молочную продукцию, торты, пирожные).

В нашем случае анализ показал, что наибольший объем отгрузки в рублевом эквиваленте приходится на бакалейные товары, доля которых в распределительном центре составляет 44 % от общего объема отгрузок. На втором и третьем месте находятся зоны «Замороженная продукция» и «Овощи и фрукты» (15 % и 18 % соответственно). 14 % и 12 % приходится на зоны «Алкогольная продукция» и «Охлажденная продукция» соответственно, что отображено на рисунке 3.

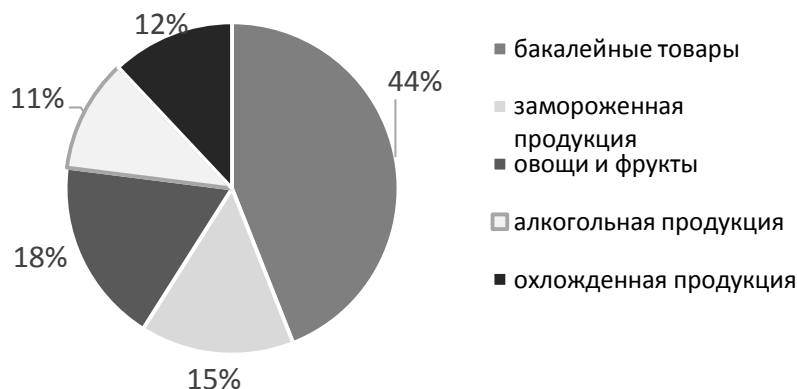

Рис. 3. Структура объемов отгрузки товаров из распределительного центра за 2019 год

Каждая товарная группа имеет свои особенности хранения. Но наиболее сложной в этом плане является продукция замороженная, так как она требует специального оборудования, кроме того, существует большое число нормативных документов, регламентирующих хранение и транспортировку данного вида товара.

Таблица 1

Расчет зависимости размеров технологических зон склада и общей площади склада по товарной группе «Замороженная продукция»

Показатель	Единица измерения	Значение показателя
Прогноз годового товарооборота склада	Рублей/год	1962482321,14
Прогноз товарных запасов	Дней оборота	15,00
Коэффициент неравномерности загрузки склада		1,25
Коэффициент использования грузового объема склада		0,65
Примерная стоимость одного метра кубического хранимого товара	Рублей/м ³	44000,00
Примерная стоимость одной тонны хранимого товара	Рублей/т	44000,00
Высота укладки грузов на хранение	м	7,00
Доля товаров, проходящих через участок приемки склада	%	100,00
Доля товаров, подлежащих комплектованию на складе	%	100,00
Укрупненный показатель расчетных нагрузок на 1 м ² на участке приемки и комплектования	т/м ²	1,00
Время нахождения товара на участке приемки	Дней	1,00
Время нахождения товара на участке комплектования	Дней	1,00
Зона хранения (грузовая площадь)	м ²	723,62
Зона хранения (площадь проходов и проездов)	м ²	723,62
Участок приемки товаров	м ²	219,50
Участок комплектования товара	м ²	219,50
Общая площадь склада	м ²	1886,23

Для того чтобы определить зависимость между общей площадью распределительного центра и технологическими зонами, был проведен анализ параметров (прогноз годового товарооборота, срок хранения товара, стоимость одной тонны товара, стоимость одного кубического метра товара, высота хранения) товарной группы «Замороженная продукция». Произведенные расчеты представлены в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что при средней стоимости товара, которая составляет 44000,00 рублей, прогноз годового товарооборота группы составляет 1962482321,14 рублей. При данном товарообороте, а также при сроке хранения товаров в 15,00 дней на хранение товаров требуется 723,62 квадратных метров площади склада при высоте укладки груза на хранение 7 метров. При этом 723,62 кв. м приходится на зону хранения и зону проходов. При стоимости одной тонны товара 44000,00 рублей зона приемки составляет 219,50 кв. м. Участок комплектования составляет 219,50 кв. м.

Данная площадь исходит из стоимости кубического метра группы 44000,00 рублей. Распределение технологических зон склада по группе «Замороженная продукция» наглядно представлено на рисунке 4.

Рис. 4. Распределение технологических зон склада товарной группы «Замороженная продукция»

Исходя из рисунка 4, можно сделать вывод, что на хранение товаров группы «Замороженная продукция» требуется примерно 37 % общей площади склада. При этом также по 37 % приходится на площади зоны хранения (грузовая площадь, площадь проходов). При таком размещении товара свободной площади остается 26 %.

Таким образом, распределительный центр играет важнейшую роль в формировании бесперебойного обеспечения торговой сети необходимыми товарами. Существенно сокращает время доставки товаров от производителя к конечному потребителю и оперативно реагирует на изменяющийся спрос со стороны рынка сбыта. Учет таких аспектов, как особенности хранения, интенсивность потребления, позволит организовать эффективную систему, интегрированную в товаропроводящую сеть.

Литература

1. Иванов Г.Г., Киреева Н.С. Складская логистика: учебник. Форум, ИНФРА-М, 2016.
2. Логистика: интеграция и оптимизация логистических бизнес-процессов в целях поставок / В. В. Дыбская [и др.]. М.: Эксмо, 2014.

3. Петрова А.В. Особенности развития продовольственных торговых сетей в свердловской области // Экономика и предпринимательство. 2019. № 11. С. 595–599.

4. СанПиН 2.3.6.1066-01 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям торговли и обороту в них продовольственного сырья и пищевых продуктов»: Постановление от 7 сентября 2001 г. № 23.

5. СанПиН 2.3.2.1324-03 «Гигиенические требования к срокам годности и условиям хранения пищевых продуктов»: Постановление от 22 мая 2003 г. № 98.

6. Федеральная служба государственной статистики. Розничная торговля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>

Критический анализ производственного метода оценки вклада цифровой экономики в экономический рост

Critical Analysis of the Production Method for Assessing the Contribution of the Digital Economy to Economic Growth (DOI: 10.34773/EU.2020.5.20)

С. МАРИЧЕВ

Маричев Сергей Геннадьевич, младший научный сотрудник Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: prophet314@gmail.com

В статье приведены анализ и критика подхода к оценке вклада цифровой экономики в экономический рост с точки зрения производства и создания добавленной стоимости. Произведен анализ альтернативной методологии подсчета вклада цифровой экономики в экономический рост на основе оценки потребления – как суммы формируемых потребительских излишков в результате потребления результатов деятельности цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, производство, потребление, ВВП, потребительский излишек, цена отказа.

The article presents the analysis of the approach to assessing the contribution of the digital economy to economic growth from the point of view of production and added value creation. An analysis of an alternative methodology for calculating the contribution of the digital economy to economic growth based on an assessment of consumption – as a sum of generated consumer surplus, is carried out.

Key words: digital economy, production, consumption, GDP, consumer surplus, refusal price.

Текущая фаза экономического цикла, характеризующаяся достаточно длительной стагнацией, может быть определена набором признаков и факторов, противоположных по сути: с одной стороны, рост спроса сокращается, в связи с чем снижается и объем инвестиций, прирост рабочей силы происходит также недостаточно интенсивно [9; 11]. С другой стороны, превалирование «цифрового» тренда, а именно восприятие цифровых технологий (а также производящих и использующих их отраслей экономики) как ключевого драйвера экономического роста имеет под собой основание – многие исследователи заявляют, что развитие цифровой экономики дает значительный экономический эффект [7; 8]. Проблема лишь в том, что величина этого эффекта не может быть подсчитана при помощи методологий, релевантных традиционной экономике. Генезис цифровой экономики, ее преимущественно нематериальная природа создают потребность в актуализации, пересмотре либо создании новых способов оценки вклада цифровой экономики в экономический рост. Наличие такого инструментария крайне важно как в контексте анализа соответствующих итоговых индикаторов деятельности цифровой экономики

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

со стороны частного бизнеса, так и при разработке государственных программ и стратегий, направленных на ускорение социально-экономического развития.

Проблема достоверной оценки вклада цифровой экономики в экономический рост связана с рядом факторов. Во-первых, существующие методологии оценивают объем цифровой экономики (и соответствующий этому объему экономический эффект по величине создаваемой добавленной стоимости) с точки зрения производства. Между тем, научные исследования, в частности [2], отмечают, что в настоящее время процесс цифровизации производства происходит постоянно и непрерывно. Однако взрывного роста создаваемой добавленной стоимости не наблюдается. Более того, в ряде развитых и развивающихся стран существует тенденция снижения темпов роста мультифакторной производительности – в среднем за период 2010–2020 гг. рост оказался на 0,5 % меньше, чем в предыдущее десятилетие [12], хотя именно в последние годы говорят о наступлении «цифровой эры». Более того, на примере США, где с начала 1970-х гг. внедрение цифровых технологий дало средний прирост производительности всего лишь чуть более 1 %, а рост доходов работников сферы услуг оказался в два раза выше, чем у занятых в промышленной сфере [3], видно, что оценка эффекта от развития цифровой экономики должна осуществляться не на основе производства. Такую оценку более актуально производить в сфере услуг и на основе потребительского спроса. Поскольку одно из свойств цифровизации – снижение транзакционных издержек, и именно в сфере потребления проявляется наиболее существенный эффект от развития цифровой экономики. Даже альтернативные (по отношению к производственному методу оценки величины экономического роста) индексы, характеризующие рост уровня благосостояния, в той или иной степени учитывают фактор транзакционных издержек (например, такие показатели, как мера экономического благосостояния, индекс физического качества жизни, индекс лучшей жизни, индекс процветания) [1].

Таким образом, анализ потребления домохозяйств является важным фактором в вопросе оценки вклада цифровой экономики в экономический рост. Поскольку в широком смысле экономический рост характеризуется ростом общественного благосостояния (а не только ростом создаваемой добавленной стоимости), именно в потребительских расходах и инвестициях заложен потенциал использования цифровой экономики в качестве драйвера экономического роста.

При этом если фактор игнорирования роли цифровизации в росте личного потребления является глобальной проблемой, то конкретно для России характерна парадигма первоочередного развития производства, рост выпуска, то есть стимуляция предложения, а не спроса. Однако в условиях снижающихся личных доходов населения такая стратегия вряд ли является оптимальной. В то же время в Китае и США драйвером экономического роста является как раз личное потребление, вклад которого в экономику выражается в значительном росте онлайн-торговли – за последние 5 лет доля покупок в и сети интернет выросла до почти 20 % от общего числа покупок [5]. Между тем даже в России сектор онлайн-торговли наращивает свою долю, и причиной этому является как раз фактор низких транзакционных издержек с точки зрения покупателя [10]: удобство и экономия времени, гибкость доставки, гарантия на товар и возможность вернуть деньги, возможность отслеживать прогресс заказа в реальном времени, высокая скорость обслуживания. При этом фактор цены не является определяющим даже для товаров широкого потребления: некоторые категории показывают рост в потреблении, несмотря на более высокую цену, чем в офлайн-рознице.

Понимание необходимости стимулирования потребительского спроса у органов государственной власти критически важно независимо от того, какой драйвер для этого будет использован. Пример зарубежных стран показывает, что цифровая экономика вполне успешно справляется с ролью такого драйвера, как раз за счет свойства снижения транзакционных издержек для потребителя. Кроме того, осуществляется стимулирование предложения, таргетированное в соответствии с потребностями потребителей. Примером наиболее успешной реализации такого подхода является Китай, который выступает лидером как в сфере электронной коммерции, так и в использовании финансовых технологий. Такие высокие результаты – итог повсеместной цифровизации, благодаря которой практически половина населения страны являются активными

пользователями интернета, а также создания цифровых платформ, замыкающих целые комплексы цифровых технологий в постоянно развивающиеся экосистемы (их цель – формировать потребности потребителей и стимулировать спрос, в том числе и за счет снижения транзакционных издержек), инвестируемые на внутренние средства (цепочка «продукт – программное обеспечение – кастомизация – сервис и обслуживание» обеспечивается без привлечения капитала или технологий из-за рубежа). Благодаря такому платформенному подходу коэффициент вклада потребления в рост экономики КНР в 2018 году составил 76 %, а непосредственный вклад цифровой экономики – 67,9 % [4].

Альтернативной методологией оценки вклада цифровой экономики в экономический рост является ее оценка на основе формируемых потребительских излишков (то есть разницы между максимальной ценой, которую потребитель готов заплатить за товар/услугу, и ее рыночной ценой) [6]. На основе использования такого подхода становится видно, что экономический рост может не фиксироваться (существующей и принятой за стандарт методологией на основе расчета доли в ВВП) даже при его наличии. Так, например, при наличии у материального товара заменителя в виде цифровых технологий формируется определенный потребительский излишек, поскольку в большинстве случаев цена цифрового аналога является более низкой и доступной для потребителя. Суммируя такие излишки по всем видам потребляемых товаров и услуг, можно, по сути, определить величину роста благосостояния потребителя, определяющего, в свою очередь, экономический рост в широком понимании («лишние» средства могут быть направлены на образование, медицинские услуги, другие товары и услуги). В таком случае материальный товар (услуга) может быть полностью вытеснен с рынка цифровым аналогом. Таким образом, несмотря на формируемые потребительские излишки и рост общественного благосостояния, с точки зрения ВВП экономика сжимается: добавленная стоимость не создается, или создается в меньшем объеме [6].

Ключевым выводом в отношении возможности оценки вклада цифровой экономики в экономический рост является выбор методологии и предмета оценки. При этом точность результатов такой оценки, в свою очередь, напрямую зависит от генезиса исследуемого объекта – так, в случае цифровой экономики наиболее оптимальным является подход с точки зрения анализа ее влияния на стимулирование потребления. Цифровизация влияет на формирование экономического роста, однако ее влияние выражается не только и не столько напрямую (через создание добавленной стоимости), сколько через генерацию потребительских излишков и роста общественного благосостояния.

Литература

1. Балашова С.А., Нахатакян Е.О. Систематизация подходов к оценке социально-экономического развития стран по индексу благосостояния // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2017. № 2.
2. Вишневский В.П. Цифровая экономика в условиях четвертой промышленной революции: возможности и ограничения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2019. Т. 35. Вып. 4. С. 606–627.
3. Гурова Т., Полуниин Ю. Наступление «синих воротничков» // Эксперт. 2017. № 3.
4. Лунмэй Д. Цифровая экономика Китая: возможности и риск // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. № 2.
5. Тренды рынка онлайн-торговли [Электронный ресурс]. URL: https://yastat.net/s3/milab/2019/gfk/market_gfk_2019.pdf
6. Brynjolfsson E., Collis A. GDP-B: Accounting for the Value of New and Free Goods in the Digital Economy // UNSW Business School Research Paper Forthcoming. 2019.
7. Brynjolfsson E., McAfee A. Race against the Machine – How the Digital Revolution is Accelerating Innovation, Driving Productivity, and Irreversibly Transforming Employment and the Economy. Lexington, MA: Digital Frontier Press. 2011.

8. Ford M. The Rise of Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future. N.Y.: Basic Books, 2015.
9. Gordon Robert J. The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War. Princeton. N.J.: Princeton University Press, 2016.
10. Nielsen Global Commerce Study [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nielsen.com/eu/en/insights/report/2018/connected-commerce-connectivity-is-enabling-lifestyle-evolution/>
11. Summers L. The Age of Secular Stagnation: What It Is and What to Do about It // Foreign Affairs. 2016. March/April. Pp. 2–9.
12. The Conference Board Total Economy Database [Электронный ресурс] URL: <https://www.conference-board.org/data/economydatabase/>

Цифровая платформа как основополагающий элемент управления отраслью растениеводства

Digital Platform as a Fundamental Element of Crop Management

(DOI: 10.34773/EU.2020.5.21)

Н. ЮРИНА

Юрина Наталия Николаевна, старший преподаватель кафедры экономики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. E-mail: Nataliya.Yurina@novsu.ru

В условиях углубления рыночной трансформации национальной экономики и усиления глобализационных процессов очень остро стоит вопрос цифровизации; признается необходимость формирования цифровой экономики и общества, а цифровые технологии рассматриваются как один из ключевых драйверов устойчивого развития всех сфер производственной деятельности. В статье рассмотрены концептуальные вопросы внедрения цифровой платформы регионального растениеводства, которая позволит интегрировать разрозненные данные в составе единой многофункциональной системы; получать их в режиме реального времени (посредством облачных сервисов); формировать образовательный и учебно-методический компоненты.

Ключевые слова: цифровизация, платформа, информационные технологии, сельское хозяйство, растениеводство.

In the context of the deepening market transformation of the national economy and the strengthening of globalization processes, the issue of digitalization is very acute; the need to form a digital economy and society is recognized, and digital technologies are considered as one of the key drivers of sustainable development in all areas of production. The article discusses the conceptual issues of implementing a digital platform for regional crop production, which will allow integrating disparate data into a single multifunctional system; get them in real time (via cloud services); form educational and methodological components.

Key words: digitalization, platform, information technology, agriculture, crop production.

Процесс цифровизации сегодня затрагивает все направления экономической деятельности. В то же время каждая отрасль, в том числе и сельское хозяйство, определяет направление использования информационных технологий. Прогнозные мнения экспертов на ближайшие годы сходятся в том, что цифровая трансформация сельского хозяйства станет катализатором, который позволит аграрному сектору осуществить переход от сырьевого типа к высокотехнологичному производству на основе инновационных информационных технологий и коммуникаций. Другими словами, цифровая революция сельского хозяйства полностью будет отвечать требованиям устойчивого развития. При этом управление ресурсами любого элемента цепочки создания стоимости продукции можно будет строить на принципах оптимизации, индивидуального подхода, разумности и предсказуемости. Предполагается, что такая система будет функционировать в режиме реального времени за счет установки гиперподключения к информационной среде.

Рассматривая варианты создания экосистемы цифрового сельского хозяйства, следует анализировать не разрозненные системы и сервисы, а платформу, обеспечивающую возможность совместной работы разрозненных систем, учреждений и организаций с технической, научной и с коммерческой точек зрения [5]. Обобщив существующие подходы к определению понятия «цифровая платформа» [2; 3; 4; 5], приходим к выводу, что это система четко алгоритмизованных взаимоотношений участников рынка или сотрудников организации, которые развивают деятельность в рамках единой информационной среды, приводящей к снижению издержек за счет применения цифрового инструментария, определенных технологий работы с данными и/или за счет реорганизации бизнес-процессов.

В ходе исследования нами разработана логико-структурная схема платформы цифрового растениеводства Новгородской области. Она предполагает наличие ряда компонентов и технологий цифровой платформы, которые обеспечивают обмен информацией, товарами, услугами и средствами между группами пользователей, создавая им добавленную стоимость.

Основными отраслями растениеводства Новгородской области являются картофелеводство, овощеводство (открытого и защищенного грунта), производство зерновых культур, кормопроизводство и льнопроизводство. Поэтому представленный цифровой инструмент сосредоточен на оптимизации процессов в указанных отраслях.

Целевыми пользователями платформы являются агропроизводители, сотрудники сельскохозяйственных организаций, собственники земли, представители органов власти, потребители растениеводческой продукции, поставщики удобрений и горюче-смазочных материалов, производители сельскохозяйственного оборудования и связанного с ним программного обеспечения, инвесторы, консалтинговые фирмы, образовательные и научные учреждения.

Исходя из основных проблем и задач экономического и социального развития, определенных Стратегией развития Новгородской области [1], в качестве основных компонентов цифровой платформы мы выделяем: модуль облака данных (база данных), модуль фильтрации, сортировки и анализа данных, модуль инновационных проектов, модуль профессиональных компетенций, модуль решений для создания приложений.

Модуль облака данных (база данных) направлен на сбор (накопление), агрегацию и хранение данных, относящихся к отрасли растениеводства Новгородской области. Концепция этого модуля предполагает использование интегрированных средств хранения информации, позволяющих обеспечить централизованное управление данными и обслуживание ими многих пользователей.

При решении задач создания и внедрения цифровой платформы возникнет необходимость накопления больших объемов данных, поскольку будет сформирован огромный поток данных, которые нужно где-то хранить и чем-то обрабатывать. Особое внимание нужно уделить надежности, безопасности хранилища данных, а также скорости обмена информации с ним. Мы предлагаем возможным использовать для таких целей облако (cloud), объясняя это экономической целесообразностью – арендовать ресурсы в облаке дешевле, чем покупать физические ресурсы такой же мощности. Кроме того, облако – это удобно. Не нужно приобретать и настраивать программное и аппаратное обеспечение, ждать поставки оборудования, нанимать высококвалифицированный персонал для обслуживания созданной инфраструктуры и т. д. В случае с облаком поставка мощностей осуществляется практически мгновенно, отсутствует необходимость найма дополнительного персонала, не нужно покупать лицензии на системное программное обеспечение.

Данный модуль цифровой платформы предполагает получение сведений посредством автоматизированной агротехники, беспилотных летательных аппаратов, датчиков, GPS-навигации, спутниковой системы (ГЛОНАСС), видеонаблюдения, системы контроля и управления микроклиматом, ирригации и пр., касающихся характеристик почв, применяемых

удобрений и средств защиты растений, состояния посевов и сельскохозяйственной техники, погодных условиях, а также фактах выполнения работ и качественных характеристик реализованных операций. Здесь могут быть применимы технологии RFID (Radio Frequency Identification, радиочастотная идентификация), позволяющие автоматически загружать различные данные; фотограмметрии (создание трехмерной модели одного объекта, сфотографированного с разных ракурсов); мониторинга посевов с возможностью дальнейшего анализа для проведения сельскохозяйственных мероприятий; дистанционного зондирования (космическая съемка для получения состояния сельскохозяйственных территорий), картографии и т. д. К примеру, с помощью RFID можно маркировать тюки, храня в транспондерах (RFID-метках) информацию о влажности, весе тюка, а также координаты GPS (все эти данные передают в облако для их последующей обработки); фотограмметрия в растениеводстве используется для инвентаризации сельскохозяйственных угодий, оценки площади посевов и пр.

Модуль фильтрации, сортировки и анализа данных должен предусматривать возможность просмотра, упорядочивания, компоновки (консолидации) и анализа данных, полученных из облака; предоставлять пользователям расширенные ресурсы для поиска информации по заданным фильтрам. Компонент должен обеспечивать гибкую систему аналитики и отчетности для всех уровней пользователей системы (например, формирование бухгалтерской, статистической или оперативной отчетности). Кроме того, предполагается, что данный модуль цифровой платформы позволит управлять жизненным циклом данных, а также классифицировать источники данных по их достоверности.

Модуль инновационных проектов предусматривает возможность организации и дальнейшей реализации инновационных и инвестиционных проектов в отрасли регионального растениеводства. В рамках этого модуля обеспечивается администрирование и методологическое сопровождение создания бизнес-планов инновационных проектов, поиска и отбор инвесторов и стейкхолдеров. Одной из возможных опций этого модуля является возможность привлечения к анализу бизнес-планов экспертов из различных отраслей (экономистов, маркетологов, дизайнеров, экологов и пр.).

Также нам видится, что посредством данного модуля можно организовать доступ к имеющимся онлайн-площадкам для сбыта аграрной продукции, то есть здесь будет сосредоточена централизованная работа со стейкхолдерами.

Результатом деятельности этого модуля предположительно должны стать реестр инновационных проектов, действующих и потенциальных инвесторов, экспертов и заинтересованных сторон.

Модуль профессиональных компетенций имеет своей целью, с одной стороны, формирование и развитие кадрового потенциала сотрудников предприятий отрасли растениеводства с позиции цифровых навыков, а с другой – создание возможностей для поиска работы (в том числе посредством фриланса) и поиска требующихся сотрудников (в том числе посредством аутсорсинга).

Анализ существующих образовательных стандартов, в том числе реализующихся в Новгородской области, продемонстрировал, что в них содержатся только две компетенции, связанные с компьютерной грамотностью, а значит, и цифровыми навыками. Маловероятно, что в современных условиях классического образования в течение нескольких ближайших лет можно будет получить профессию агрокибернетик, агроинженер или оператор дронов. Заказ на получение таких знаний и их непосредственное получение требует соответствующего пространства для коммуникации между провайдерами образовательных услуг и их потребителями.

Поэтому посредством данного модуля занятые в сфере аграрного бизнеса смогут получить доступ к необходимым им материалам, успешным кейсам по внедрению цифровых технологий. Здесь также можно будет получить оперативную профессиональную консультацию по

проблемным вопросам (посредством применения чат-ботов и привлечения специалистов-консультантов).

Также в этом модуле будет создан каталог онлайн- и офлайн-курсов, проводимых аккредитованными организациями по предоставлению образовательных услуг, связанных с ведением аграрного бизнеса, его цифровизации, а также профессиональной переподготовки специалистов сельскохозяйственных предприятий с целью формирования у них компетенций в области цифровой экономики по работе цифровыми продуктами и технологиями.

Также этот модуль позволит создать банк вакансий и резюме, содействуя поиску работы специалистами отрасли растениеводства. Соискатель работы сможет не только получить понимание необходимых навыков и квалификации, но и получить их посредством использования функционала этого модуля цифровой платформы.

Модуль решений для создания приложений позволит пользователю собрать необходимый ему набор приложений для решения практических задач или их комплекса. Для решения конкретной задачи, например оптимального размещения культур, в общую систему могут быть включены несколько приложений (API). Программные приложения могут различаться по территориальному и временному признакам; одна и та же по общей постановке задача может решаться на уровне хозяйства, района, региона и т.д., а также для учета, оперативного управления, текущего и перспективного планирования.

Таким образом, заключим, что внедрение цифровой платформы регионального растениеводства обеспечит создание единой информационной среды, позволяющей снизить издержки за счет применения цифрового инструментария, определенных технологий работы с данными и/или за счет реорганизации бизнес-процессов. Представленный набор модулей не претендует на избыточность, но хорошо демонстрирует широкие возможности для решения различных задач с помощью цифровой платформы.

Литература

1. Закон Новгородской области от 04 апреля 2019 года № 394-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Новгородской области до 2026 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553230534>
2. Иванов В.В., Овчинников А.С., Кочеткова О.В. Концептуальные основы цифровой трансформации АПК Волгоградской области // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: наука и высшее профессиональное образование. 2019. № 2 (5). С. 18–25.
3. Луценко С.И. Единая цифровая платформа как стратегический ресурс государственного управления // Цифровая экономика. 2020. № 1. С. 86–90.
4. Миронова Н.А. Цифровая экономика и цифровые платформы в АПК // Московский экономический журнал. 2019. № 7. С. 181–188.
5. Огневцев С.Б. Концепция цифровой платформы агропромышленного комплекса // International agricultural journal. 2018. № 2. С. 16–22.

Муниципальный финансовый контроль: элементы и обеспечение взаимосвязи между ними

Municipal Financial Control: Elements and Ensuring the Relationship between Them (DOI: 10.34773/EU.2020.5.22)

Б. ДЕМИЛЬХАНОВА, В. УСМАНОВ

Демильханова Бела Аптыевна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и кредита Института экономики и финансов Чеченского государственного университета. E-mail: bella555@inbox.ru

Усманов Висхан Рамазанович, магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: grozny_viskhan@mail.ru

В статье раскрыт механизм государственного финансового контроля в Чеченской Республике. На основе изучения современных подходов к совершенствованию его системы выявлены проблемы и предложены направления совершенствования деятельности органов внешнего муниципального контроля в республике, реализация которых должна обеспечить эффективное взаимодействие и обмен информацией о всех видах нарушений в бюджетной сфере Чеченской Республики между органами финансового контроля.

Ключевые слова: финансовый контроль, орган внешнего контроля, механизм, структура, взаимодействие, нормативное обеспечение, дорожная карта.

The article reveals the mechanism of state financial control in the Chechen Republic. Based on the study of modern approaches to improving its system, problems are identified and directions for improving the activities of external municipal control bodies in the republic are proposed, the implementation of which should ensure effective interaction and exchange of information on all types of violations in the budgetary sphere of the Chechen Republic between financial control bodies.

Key words: financial control, external control body, mechanism, structure, interaction, regulatory support, roadmap.

Вопросы совершенствования муниципального финансового контроля на современном этапе стоят остро, и связано это, прежде всего, с тем, что особую важность приобретают проблемы повышения эффективности расходования бюджетных средств и своевременности исполнения бюджетов различных уровней.

Многие российские авторы в своих работах обосновывают несовершенство «...системы организации контроля исполнения местных бюджетов...» [12, 56; 1, 41], необходимость внедрения «...риск-ориентированного подхода в планировании деятельности контрольного органа...» [4, 37], «...единых стандартов организации контрольных мероприятий...» [8, 4], «...единой оценочной базы для финансовых нарушений...» [6, 2], «...показателей оценки контрольной деятельности...» [7, 36] и др.

Некоторые отечественные исследователи обращаются к изучению направлений совершенствования нормативно-правовых актов, определяющих порядок осуществления муниципального контроля [5; 9, 47].

Таким образом, предлагаются различные преобразования системы государственного финансового контроля, охватывающие как контрольную деятельность, так и нормативно-правовую основу ее осуществления. Но в то же время вопросы совершенствования системы муниципального финансового контроля изучены в недостаточной степени и требуют более пристального внимания, учета специфики того или иного муниципального образования и организацию контрольной деятельности в нем.

В целях выявления узких мест в организации и методическом обеспечении деятельности органов муниципального контроля в Чеченской Республике (далее – ЧР) в рамках данной статьи раскрываются элементы механизма государственного финансового контроля, среди которых

выделен орган внешнего муниципального контроля, деятельность которого требует преобразований.

В основе деятельности органов государственного (муниципального) финансового контроля Чеченской Республики, виды которого представлены на рисунке 1, лежат нормативно-правовые документы Российской Федерации и ЧР. В соответствии с ними Счетная палата Чеченской Республики [2]:

- контролирует процесс реализации всех нормативно-правовых актов Чеченской Республики о бюджете и финансах;
- основываясь на законах Чеченской Республики о бюджетах (республиканских, бюджетах органов местного самоуправления, а также бюджетах внебюджетных фондов), контролирует своевременность исполнения статей этих бюджетов;
- контролирует предприятия всех форм собственности, функционирующих на основе бюджетных средств.

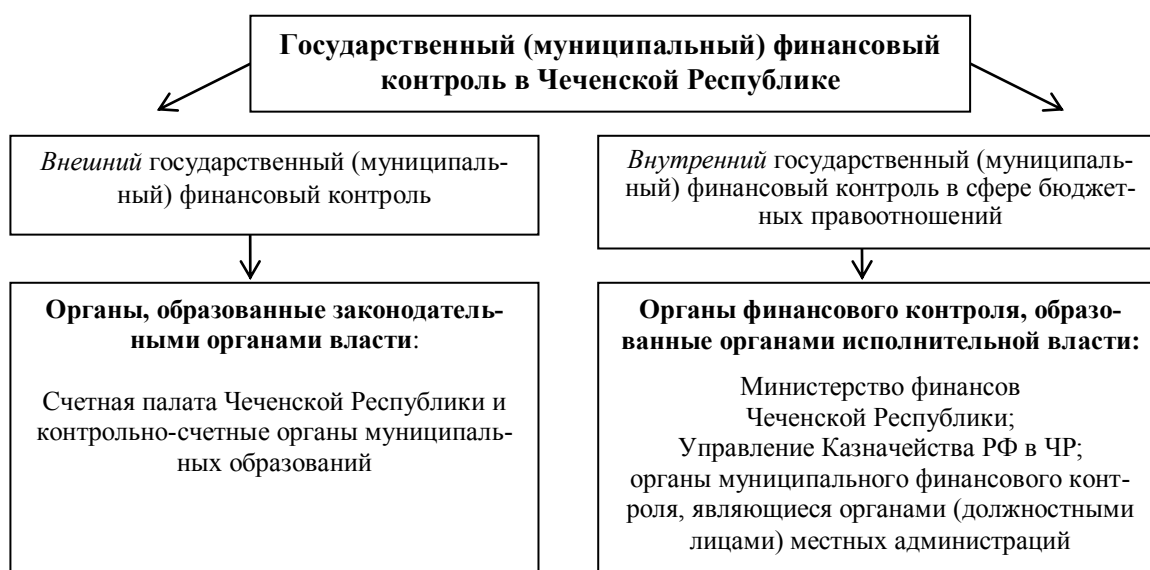

Рис. 1. Виды государственного (муниципального) финансового контроля, осуществляемого в Чеченской Республике в соответствии с Бюджетным кодексом РФ

Министерство финансов Чеченской Республики осуществляет нормативно-правовое регулирование в бюджетно-финансовой сфере региона. Основные функции по осуществлению контрольных и надзорных мероприятий в бюджетной сфере возложены на входящий в структуру Министерства финансов ЧР контрольно-ревизионный департамент, главной сферой деятельности которого является проверка документов, содержащих планы, отчеты, сметы и др. (рис. 2).

Рассмотренные организации, а также их подразделения (департаменты, отделы), созданные органами законодательной и исполнительной власти, осуществляют свою деятельность как отдельные, и в то же время как взаимосвязанные элементы механизма государственного (муниципального) финансового контроля Чеченской Республики, осуществляющие не дублирующие, а дополняющие друг друга функции по финансовому контролю в бюджетной сфере региона (рис. 3).

Министерство финансов Чеченской Республики подотчетно Правительству ЧР. В его обязанности входит ежеквартальное информирование Правительства о результатах проведенного финансового контроля за рациональным, целевым и эффективным расходованием бюджетных средств, что соответствует нормативно-правовым актам Правительства Чеченской Республики.

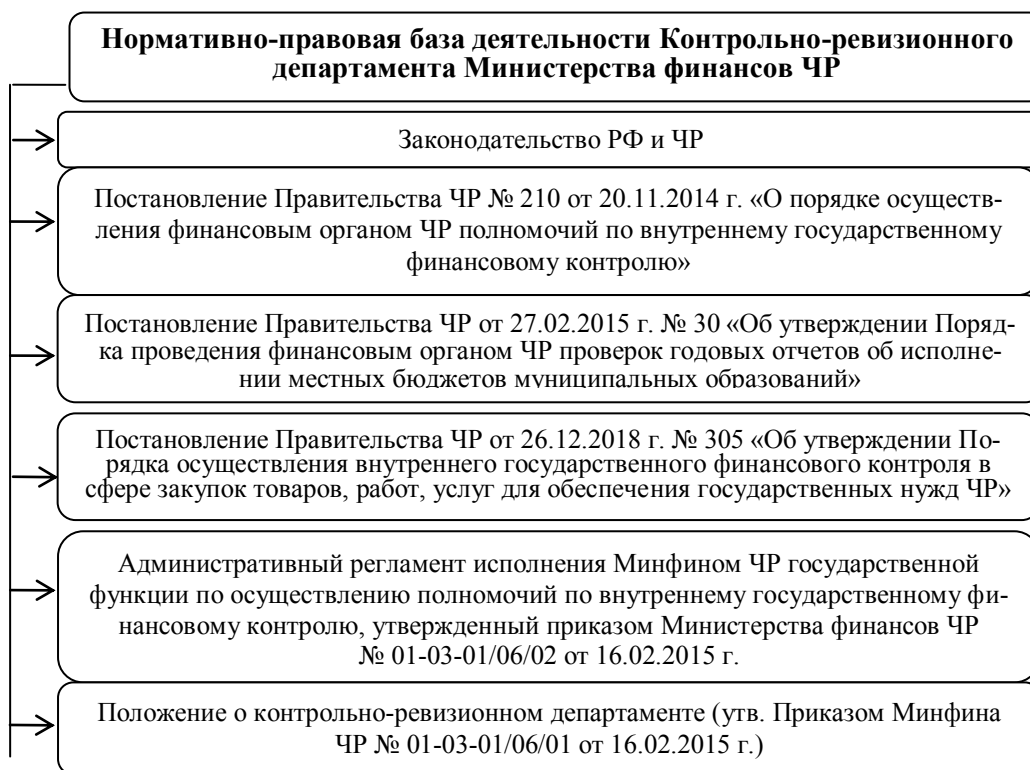

Рис. 2. Нормативно-правовая база осуществления Контрольно-ревизионным департаментом полномочий по финансовому контролю

Рис. 3. Элементы механизма государственного финансового контроля в Чеченской Республике

Рис. 4. Структура Контрольно-счетной палаты г. Грозного

Анализ плановых мероприятий Министерства финансов Чеченской Республики показал, что объектами контрольных мероприятий являются все Министерства ЧР и их подведомственные учреждения, государственные комитеты, комитеты Правительства ЧР, органы местного самоуправления, а также все другие учреждения и ведомства, являющиеся получателями бюджетных средств.

Уровень развития системы государственного финансового контроля во многом определяется уровнем развития внешнего муниципального финансового контроля. К муниципальному органу внешнего финансового контроля в Чеченской Республике относится Контрольно-счетная палата (КСП) г. Грозного (рис. 4), осуществляющая контрольные и экспертно-аналитические мероприятия на территории города в соответствии с федеральными и региональными законами [3; 11].

Проблемы в организации деятельности КСП г. Грозного, их характеристика и пути решения

	Необходимые меры	Обоснование необходимости принятия мер
Малочисленность штата	Усиление штата	Круг решаемых задач достаточно широк
Дефицит методических материалов	Разработка новых нормативных положений и стандартов	Необходимо разработать соглашения о (об): – сотрудничестве между Счетной палатой ЧР и КСП г. Грозного; – информационном взаимодействии между УФК по ЧР и КСП г. Грозного; – сотрудничестве и взаимодействии между КСП г. Грозного и мэрией г. Грозного; Соглашение о взаимодействии между Прокуратурой ЧР и КСП г. Грозного; – основах взаимодействия между ОВД РФ по Чеченской Республике и КСП г. Грозного. Разработка новых нормативных положений и стандартов, учитывающих необходимость перехода на контроль рисков нарушений и изменяющих организацию контрольной и экспертной деятельности.

Изучение деятельности КСП г. Грозного выявило ряд проблем, связанных со степенью обеспеченности трудовыми ресурсами, методическими материалами, разработанными в соответствии с нормативно-правовыми актами Чеченской Республики и города. Так, в штате данного органа 5 человек, из них 3 человека – это лица, осуществляющие контрольные и экспертно-аналитические мероприятия (главный специалист, ведущий специалист и специалист аппарата). Учитывая, что круг решаемых органом задач достаточно широк (табл. 1), отметим, что такая численность специалистов явно недостаточна.

Кроме того, в современных условиях риск-ориентированный подход в осуществлении контрольно-ревизионной деятельности наиболее актуален, он рассматривается в качестве «...основного принципа контроля...» [10]. В связи с этим должны быть разработаны новые нормативные положения и стандарты, которые обеспечили бы акцент на контроле рисков нарушений.

В работе контрольного органа любого уровня важным элементом является совместная работа, информационное взаимодействие с другими институтами государственного финансового контроля. В этом плане в целях эффективного взаимодействия и обмена информацией обо всех видах нарушений в бюджетной сфере Чеченской Республики целесообразно создание межведомственной рабочей группы, которая включала бы в себя:

- Управление федерального казначейства по Чеченской Республике;
- Министерство финансов ЧР;
- Счетную палату Чеченской Республики;
- Управление Федеральной антимонопольной службы по ЧР;
- Управление МФД по Чеченской Республике.

Данные структуры должны взаимодействовать между собой по вопросам использования в работе контрольных органов современных информационно-коммуникационных технологий, совершенствования процесса планирования деятельности (мероприятий), а также – проведения конференций, круглых столов, обучающих семинаров и др.

В качестве следующего шага на пути развития взаимодействия между органами внешнего и внутреннего финансового контроля может рассматриваться разработка дорожной карты по организации деятельности по осуществлению внутреннего муниципального финансового контроля (рис. 5).

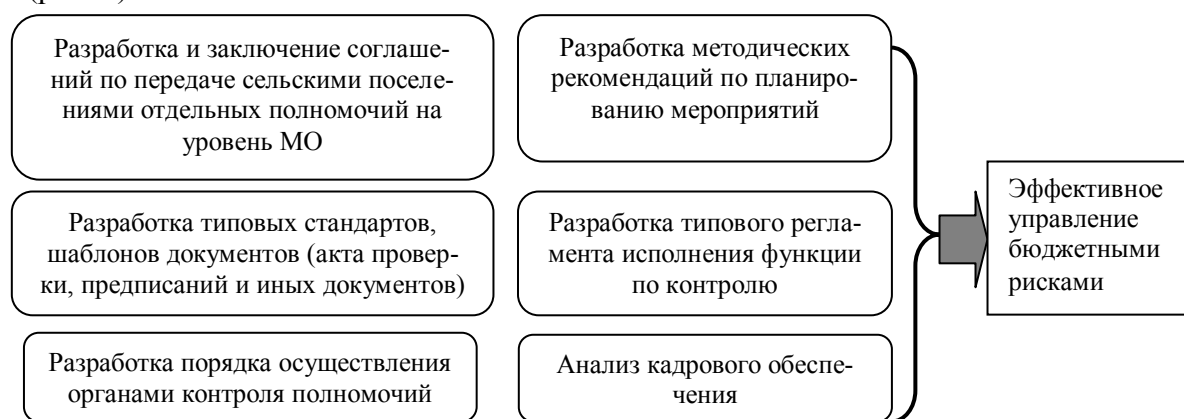

Рис. 5. Содержание дорожной карты по организации деятельности по осуществлению органами внутреннего муниципального финансового контроля в Чеченской Республике

Результатами взаимодействий между структурами по осуществлению контроля должны стать участие в разработке единых стандартов осуществления финансового контроля, а также выработка подходов к реализации финансового контроля, обеспечивающих уменьшение нагрузки на проверяемый объект, с одной стороны, и повышение эффективности контроля – с другой.

Направлениями совершенствования внешнего муниципального финансового контроля также могут быть:

- 1) осуществление контрольных мероприятий на основе метода аудита эффективности;
- 2) детализация классификатора нарушений в правомерности формирования и использования бюджетных средств в виде включения в него пунктов, касающихся видов целевого использования бюджетных средств; видов ущерба (избыточные расходы, упущенная выгода, безрезультатные расходы и др.);
- 3) минимизация степени вмешательства в деятельность объектов контроля посредством реализации камерального этапа в контрольной деятельности, заключающегося в безвыездной проверке объекта контроля на основе его информационной платформы.

Особенность аудита эффективности заключается в том, что орган контроля руководствуется, прежде всего, целью выявления острых проблем, возникающих в процессе формирования и использования бюджетных средств и государственного имущества. На основе выявления факторов высокой либо низкой эффективности использования бюджетных средств проверяемой организации даются рекомендации по применению лучшего опыта в их использовании, который имеется у других организаций. Применение данного метода в экспертно-аналитическом мероприятии обеспечивает системный подход к оценке деятельности объекта контроля.

Таким образом, в системе муниципального финансового контроля Чеченской Республики необходимы преобразования, касающиеся, прежде всего, оптимизации кадрового состава органов контроля и разработки новых нормативных актов и стандартов. Для максимизации продуктивности работы на камеральном этапе необходима разработка единой информационно-аналитической системы КСП г. Грозного, в которой отражалась бы деятельность по планированию контрольных мероприятий, результаты различных форм проверок и с помощью которой осуществлялись бы сбор, анализ и обработка данных бюджетной отчетности.

Литература

1. Егоров И.И. Внешний муниципальный финансовый контроль: необходима «достройка» системы // Финансовый контроль. 2020. №1. С. 41–44.
2. Закон Чеченской Республики от 3 ноября 2011 года № 37-3 РЗ «О Счетной палате Чеченской Республики» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/453115068>.
3. Закон Чеченской Республики от 05.05.2015 № 14-РЗ «О внесении изменений в Закон ЧР “О местном самоуправлении в ЧР”» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1432197>.
4. Королихин В.В. Автоматизация повысит эффективность контроля // Финансовый контроль. 2020. № 1. С. 36–40.
5. Кокарев А.И., Красикова О.А. Вопросы реформирования государственного финансового контроля // Финансы и кредит. 2014. № 11. С. 58–61.
6. Литвинцев В.В. Классификатор нарушений как инструмент совершенствования бюджетного процесса // Финансовый контроль. 2018. № 3. С. 2–9.
7. Мальшева М.А. Способы повышения эффективности деятельности УФК // Финансовый контроль. 2019. № 2. С. 33–36.
8. Прокофьев С.Е. Как построить эффективную систему финансового контроля // Финансовый контроль. 2017. № 1. С. 2–8.
9. Сергиенко С.А. Муниципальный финансовый контроль: состояние и перспективы // Финансовый контроль. 2020. №. С. 45–47.
10. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/554562291>
11. Федеральный закон от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/
12. Шамин А.Е., Фролова О.А, Козлов С.Н. Контроль исполнения местных бюджетов: виды, задачи, методы, процедуры // Достижения науки и техники АПК. 2013. № 2. С. 56–58.

Анализ качественного состава собственного капитала организаций Республики Башкортостан

Analysis of the Qualitative Composition of the Equity Capital of Organizations in the Republic of Bashkortostan (DOI: 10.34773/EU.2020.5.23)

Д. КАСИМОВА, Т. КАСИМОВ

Касимова Дилара Фаритовна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и налогообложения Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (БашГУ). E-mail: dilaraif@mail.ru

Касимов Тимур Салаватович, канд. юр. наук, доцент кафедры теории государства и права Института права БашГУ. E-mail: timursk@rambler.ru

В статье проанализированы динамика и тенденции изменения составляющих собственного капитала организаций Республики Башкортостан за 1996–2017 гг. Исследования проводились с точки зрения значимости каждого из источников собственного капитала для организации.

Ключевые слова: *собственный капитал, добавочный капитал, переоценка, резервный капитал, уставный капитал.*

The article analyzes the dynamics and trends of changes in the components of the equity capital of organizations of the Republic of Bashkortostan for 1996–2017. The research was conducted in terms of the significance of each of the sources of equity for the organization.

Key words: *equity capital, additional capital, revaluation, reserve capital, authorized capital.*

Удельный вес собственного капитала в общей сумме всех источников средств организации традиционно имеет важное значение при анализе финансовой устойчивости организации, характеризуя независимость предприятия от внешних кредиторов, способность предприятия развиваться за счет собственных средств.

Однако, на наш взгляд, несправедливо мало внимания уделяется анализу качественного состава собственного капитала.

В бухгалтерском балансе, рекомендованном Приказом Минфина России № 66н от 02.07.2010 г. (ред. от 19.04.2019г.) «О формах бухгалтерской отчетности организаций», актуальном на данный момент, в разделе «Капитал и резервы» имеются следующие статьи:

- «Уставный капитал (складочный капитал, уставный фонд, вклады товарищей)»;
- «Собственные акции, выкупленные у акционеров»;
- «Переоценка внеоборотных активов»;
- «Добавочный капитал (без переоценки)»;
- «Резервный капитал»;
- «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)».

Организационно-правовая форма предприятия влияет на способы образования уставного капитала. Поскольку в основном организации создаются в форме АО или ООО, рассмотрим вопросы формирования уставного капитала применительно к ним.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона № 208-ФЗ от 26.12.1995 г. (ред. от 31.07.2020 г.) «Об акционерных обществах» акционерное общество – это коммерческая организация, уставный капитал которой разделен на определенное число акций. В ст. 34. того же Закона указывается, что распределенные при учреждении общества акции должны быть оплачены полностью в течение одного года с момента госрегистрации общества, причем половина из них подлежит оплате в течение трех месяцев. Дополнительные акции и иные эмиссионные ценные бумаги общества, размещаемые путем подписки, размещаются при условии их полной оплаты.

В отношении общества с ограниченной ответственностью действует аналогичный порядок. Так, в соответствии со ст. 16 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от

31.07.2020) «Об обществах с ограниченной ответственностью» каждый учредитель общества должен оплатить полностью свою долю в уставном капитале общества в течение срока, который определен договором об учреждении общества. Срок оплаты не должен превышать четырех месяцев с момента госрегистрации общества. При увеличении уставного капитала дополнительные вклады должны быть внесены участниками общества и третьими лицами не позднее чем в течение полугода со дня принятия общим собранием такого решения.

Таким образом, при возникновении и увеличении этого вида собственного капитала организации у нее действительно появляются денежные средства или иное имущество, которыми расплатились за акции или доли общества.

Статья «Собственные акции, выкупленные у акционеров» формируется, когда акционерное общество выкупает собственные акции у акционеров для их последующей перепродажи или аннулирования. Суммы по этой статье отражаются в балансе с минусом. Эта же статья используется при отражении хозяйственным обществом или товариществом доли участника, приобретенной самим обществом или товариществом для передачи другим участникам или третьим лицам. В этом случае происходит уменьшение величины собственного капитала, при этом уменьшаются и денежные средств предприятия.

Статья «Резервный капитал» возникает при создании резервного фонда. Акционерные общества обязаны в соответствии со ст. 35 Закона № 208-ФЗ создать его в размере, предусмотренном в уставе, и при минимальной нижней границе 5 % от уставного капитала. Формируется резервный фонд общества путем обязательных ежегодных отчислений от чистой прибыли и предназначается для покрытия его убытков, а также для погашения облигаций общества и выкупа акций общества, если другие средства для реализации этого отсутствуют. Кроме этого, уставом акционерного общества может быть предусмотрено формирование из чистой прибыли специального фонда акционирования работников общества (ст. 35 Закона № 208-ФЗ), специальных фондов для дивидендных выплат по привилегированным акциям (ст. 42 Закона № 208-ФЗ), фонда для выкупа собственных акций по требованию акционеров и других фондов (ст. ст. 75, 76 Закона № 208-ФЗ).

Следует заметить, что создание резервного капитала носит номинальный характер – никакого реального резервирования денежных средств в этой же сумме Законом не предусматривается, а значит, направить на погашение убытков сумму резерва в действительности не получится. Резервный капитал в этом случае выполняет «декоративную» функцию, перемещаясь из статьи «Нераспределенная прибыль» (при создании) и обратно (при использовании на погашение убытков). Поэтому, по сути, речь идет о превращенной форме статьи «Нераспределенная прибыль».

Для ООО обязанность создавать резервный фонд отсутствует, но оно может создать его и другие фонды, если это оговорено в уставе общества, причем в тех же «декоративных целях».

Определение нераспределенной прибыли (непокрытого убытка) как конечного финансового результата отчетного периода, за минусом причитающихся за счет прибыли налогов и обязательных платежей, в том числе санкций за несоблюдение правил налогообложения, дано в п. 83 Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации, утвержденной Приказом Минфина России № 34н от 29.07.1998 г. (ред. от 11.04.2018 г.). Таким образом, нераспределенная (накопленная) прибыль – это чистый доход предприятия, который остается у него после налогообложения прибыли, дивидендных выплат, погашения прошлых убытков, пополнения (создания) резервного капитала; направления на иные сформулированные собственником цели, и который оно реинвестирует.

Голосуя за направление чистой прибыли на накопление, акционеры предпочитают, по сути, вложение ее в активы предприятия, что в некотором роде аналогично приобретению ими новых акций своей же компании. Реинвестированная (накопленная) часть прибыли – это важнейший внутренний источник средств организации. Увеличение этого источника в пассиве баланса подразумевает, что на эту же сумму в активе баланса увеличилось имущество предприятия.

Статья «Добавочный капитал (без переоценки)» – это разница между продажной и номинальной стоимостью акций, которая возникает в процессе формирования уставного капитала акционерного общества (при учреждении общества, при последующем увеличении уставного капитала) благодаря реализации акций выше номинальной стоимости.

Итак, привлечение всех предыдущих видов источников собственного капитала сопровождается одновременным реальным увеличением активов предприятия.

Но есть среди источников собственного капитала такой вид, увеличение или уменьшение которого в большей степени зависит от изменения наших представлений о стоимости (оценке) имеющихся внеоборотных активов – переоценка.

В первой половине 1990-х годов, когда инфляция в России достигала порой четырехзначных чисел (в 1992 г. – 2508,85 %), возникла необходимость в переоценке имеющихся внеоборотных активов. Амортизационные отчисления по внеоборотным активам, приобретенным в 1970-80-е годы и реализованным по ценам приобретения, которые не соответствовали резко изменившимся современным ценам, составляли мизерные суммы. Говорить о воспроизводстве основных средств в таких условиях не приходилось, более того, предприятия были вынуждены платить налог на прибыль с «инфляционной сверхприбыли», получаемой из-за резкого снижения амортизационных отчислений при современных ценах на производимую продукцию. С учетом ситуации с неплатежами и взаимозачетами в те годы суммы налога, которые уплачивались «живыми деньгами», ложились на предприятие непосильным грузом.

Для учета влияния инфляции в период 1990–1997 гг. в соответствии с Постановлениями Правительства РФ на предприятиях всех организационно-правовых форм и форм собственности проводились обязательные переоценки основных средств. Порядок проведения обязательных переоценок и правила отражения их результатов в учете и отчетности были установлены нормативными документами.

До применения ПБУ 6/97 «Учет основных средств», утвержденного Приказом Минфина РФ № 65н от 03.09.1997 г., переоценка основных средств по решениям Правительства РФ производилась: на 01.01.1992 г., на 01.01.1994 г., на 01.01.1995 г., на 01.01.1996 г., на 01.01.1997 г.

С 1 января 1998 г. организации получили право самостоятельно с периодичностью не чаще одного раза в год переоценивать основные средства. Теперь отсутствует обязательность переоценки, организации сами решают вопрос о ее проведении, закрепляя это в своей учетной политике.

Переоценки по Постановлениям Правительства РФ проводились по укрупненным группам основных средств с использованием коэффициентов, по которым пересчитывалась стоимость и сумма накопленной амортизации по объектам. В таких условиях трудно было добиться реального соответствия стоимости переоцененных основных средств и современных цен на них.

Что далее происходит с приростом стоимости внеоборотных активов, полученным в ходе этих переоценок (добавочным капиталом)? Ведь переоцененные основные средства не вечны, они могут выйти из строя и быть списаны.

До введения ПБУ 6/01 при отражении в бухгалтерском учете списания объектов основных средств, подвергшихся дооценке, суммы дооценки по ним в итоге отражались на счете «Прибыли и убытки».

В п. 15 ПБУ 6/01 «Учет основных средств», утвержденном Приказом Минфина России № 26н от 30.03.2001 г., указывается, что при выбытии объекта основных средств сумма его дооценки переносится с добавочного капитала в нераспределенную прибыль организации.

Создается ситуация, когда имущество, некогда подвергнувшееся переоценке, списано вследствие физического износа, его нет на балансе, а сумма дооценки по нему, один раз попав в раздел «Капитал и резервы», уже никогда из него не исчезает.

Более того, гораздо чаще встречается ситуация, когда на балансе организации по статье «Переоценка» из года в год числится одна и та же неизменная сумма. Бухгалтерский учет в 1990-е годы часто велся вручную, без использования автоматизированных систем. Позже при переходе на автоматизированный учет аналитику к счету «Добавочный капитал» в разрезе сумм

дооценки по каждому основному средству заводили далеко не все организации. Вот и числятся неопознанные суммы по статье «Переоценка» в балансе, демонстрируя несуществующий «дутый» собственный капитал предприятия.

Данные по качественному составу собственного капитала приведены на рисунке 1.

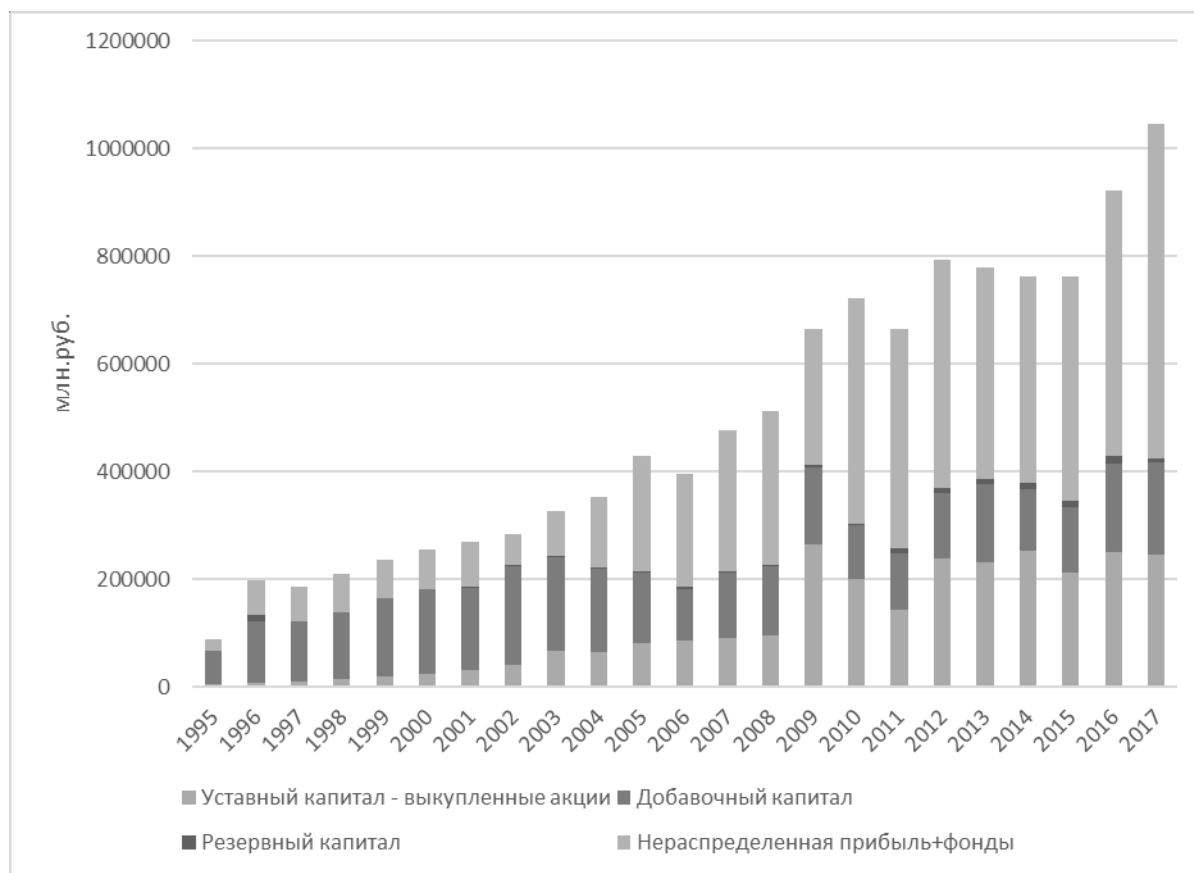

Рис. 1. Динамика и состав собственного капитала организаций Республики Башкортостан, млн руб (составлено по данным bashstat.gks.ru)

Почти двукратный рост добавочного капитала в 1996 г. обусловлен как раз проведенной по состоянию на 01.01.1996 г. переоценкой внеоборотных активов. Вплоть до 2005 г. именно добавочный капитал преобладал в составе раздела «Капитал и резервы».

Начиная с 2005 г. в составе собственного капитала (СК) преобладает уже нераспределенная прибыль, составляя более половины СК. Исключение составляет 2009 г., когда впечатляющий рост в 2,8 раза, или на 170 млрд руб., продемонстрировал уставный капитал организаций Республики Башкортостан, его доля в совокупном собственном капитале выросла с 18,5 % до 40 %. К сожалению, статистические материалы, имеющиеся в распоряжении авторов, не позволяют точно определить, чем вызван данный всплеск. Отметим лишь, что в большей степени он был обусловлен ростом уставного капитала предприятий, осуществляющих операции с недвижимостью, арендой и предоставлением услуг, а еще точнее – занимающихся предоставлением прочих услуг. В том же 2009 году, кстати, АФК «Система» были приобретены контрольные пакеты акций шести предприятий башкирского ТЭКа, в том числе и «Башнефти». Сумма сделки составила \$2,5 млрд. Считается, что деньги получили четыре фонда: «Урал», «Агидель», «Инзер» и «Юрюзань» [1].

Таким образом, можно сказать, что анализ качественного состава собственного капитала свидетельствует о его улучшении, ведь в последние годы преобладает нераспределенная прибыль, а не «дутый» добавочный капитал.

Сопоставим качественный анализ собственного капитала с анализом финансовой устойчивости предприятий Республики Башкортостан.

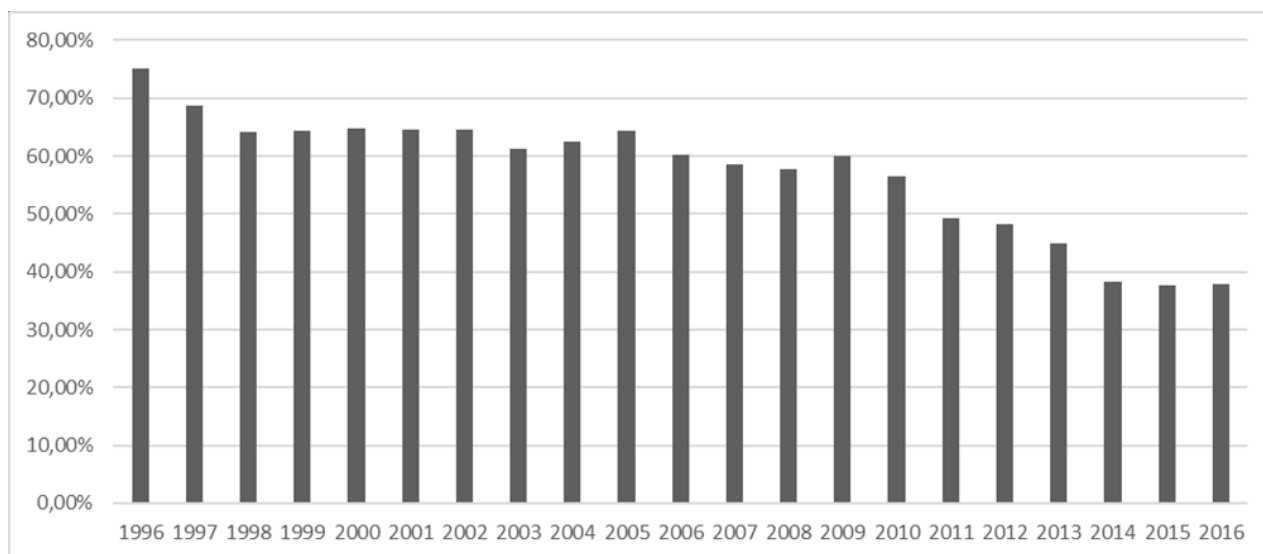

Рис. 2. Динамика коэффициента автономии организаций Республики Башкортостан, % (составлено по данным bashstat.gks.ru)

Коэффициент автономии в 1996 г. составляет 0,75, что в 1,5 раза выше рекомендуемой нижней границы 0,5.

Затем на протяжении 2000-х гг. коэффициент автономии снижался. Причем начиная с 2011 г. его значение не удовлетворяет общепринятой нижней границе, равной 50 %.

Дополнив коэффициентный анализ анализом качества СК, можем сделать вывод, что высокие значения Ка свидетельствуют не о хорошей финансовой устойчивости (вспомним финансовое состояние предприятий во второй половине 90-х), а о наличии «дутого» добавочного капитала. И напротив, с ростом «заработанной» нераспределенной прибыли, но лишившись прироста такого источника пополнения, как добавочный капитал, в части прироста стоимости имущества при обязательной переоценке, коэффициент автономии стал снижаться, принимая более реальные значения, формируя действительную картину финансовой устойчивости предприятий Республики Башкортостан.

Таким образом, считаем, что анализ финансовой устойчивости должен дополняться анализом качественного состава собственного капитала.

Литература

1. Арестант по нефтяному делу // Коммерсантъ. Деньги. 2014. № 29.
2. Башкортостанстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: [http:// bashstat.gks.ru](http://bashstat.gks.ru)
3. Ямалетдинова Г.Х., Касимова Д.Ф. Инвестиционный климат Республики Башкортостан // Доклады Башкирского университета. 2017. № 2. Т. 2. С. 227–232.

Денежно-кредитная политика Центрального банка в условиях пандемии 2020

Monetary Policy of the Central Bank of Russia at the Pandemic of 2020

(DOI: 10.34773/EU.2020.5.24)

А. ПЕТРОВА

Петрова Анастасия Андреевна, магистрант Финансового университета при Правительстве РФ, инженер лаборатории экономики природопользования Байкальского института природопользования Сибирского отделения Российской академии наук (БИП СО РАН). E-mail: aapetrova@binm.ru

В статье рассматривается денежно-кредитная политика Центрального банка в процессе преодоления кризиса начала 2020 года. Приведена оценка состояния российского финансового рынка на основании индекса РТС. Рассмотрена реализация механизма бюджетного правила. Выявлена необходимость сохранения мягкой денежно-кредитной политики в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, Центральный банк, финансовый рынок, индекс РТС, пандемия, рецессия-2020.

The article considers the monetary policy of the Central Bank of Russia at the overcoming the crisis of early 2020. The Russian financial market has been analyzed by using index RTS. The paper explains the budget rule mechanism. It has been found the preservation of a soft monetary policy in the long term.

Key words: monetary policy, Central bank, financial market, index RTS, pandemic, recession-2020.

В начале 2020 года произошли масштабные события в мировой экономике. Пандемия коронавирусной инфекции и обвал рынка нефти оказали крайне негативное влияние на финансовые рынки всех стран. В связи с необходимостью преодоления последствий обвала финансовых рынков центральные банки большинства стран были вынуждены проводить стимулирующую монетарную политику. Российская Федерация не стала исключением. Центральный банк начал последовательное смягчение денежно-кредитной политики в целях восстановления национальной экономики.

В качестве показателя величины падения рынка использованы индексы российского фондового рынка, которые также являются основными индикаторами российского финансового рынка в целом, – индекс РТС и индекс Мосбиржи. Названные индексы являются взвешенными индексами российского фондового рынка и включают акции наиболее ликвидных компаний. Список эмитентов и их удельный вес в индексе пересматриваются раз в квартал. Различие данных индексов заключается в том, что индекс РТС рассчитывается в долларах США, индекс Мосбиржи – в рублях. Как правило, при комплексном анализе чаще используется индекс РТС, поскольку его расчет учитывает курс национальной валюты. По данным финансового портала Investing.com [4], индекс РТС стабильно рос до 20 января 2020 года, когда был зафиксирован его исторический максимум, равный 1646,60 пунктам (индекс Мосбиржи составил 3219,92 пункта). В конце февраля началось его падение на мировых финансовых рынках, в том числе и на российском рынке, из-за растущих опасений распространения коронавирусной инфекции. Также в начале марта стало известно о срыве сделки ОПЕК+, как следствие цены на нефть начали стремительно снижаться, что усугубило падение российских индексов, сильно зависящих от нефтяных котировок. За два месяца индекс РТС сократился практически в 2 раза, составив 18 марта 2020 года 832,26 пункта (индекс Мосбиржи – 2112,64 пункта). В то же время нефть марки Urals торговалась по цене, ниже заложенной в бюджете базовой цены (в 2020 году базовая цена составляет 42,4 долл. за баррель), что вызвало необходимость запуска обратного механизма бюджетного правила.

* Работа выполнена в рамках бюджетного проекта БИП СО РАН.

В данных условиях Центральный банк начал смягчение монетарной политики, что, в первую очередь, подтверждается динамикой ключевой ставки. На начало 2020 года ключевая ставка составляла 6,25 %. В 2020 году Центральный банк уже провел 5 заседаний по ключевой ставке (табл. 1), на которых постепенно ее снижал. До конца года планируется еще 3 заседания по ключевой ставке: 18 сентября, 23 октября и 18 декабря. Регулятор не исключает дальнейшего смягчения денежно-кредитной политики.

Таблица 1

Динамика изменения ключевой ставки в 2020 году

Дата заседания ЦБ	Принятое решение по ключевой ставке
07.02.2020	6
20.03.2020	6
24.04.2020	5,5
19.06.2020	4,5
24.07.2020	4,25

Вслед за снижением ключевой ставки ЦБ банки снизили ставки по кредитам, в том числе ипотечным, и вкладам. В мае среднерыночная ставка по ипотечным кредитам достигла нового исторического минимума – 7,4 % (на 1,3 % меньше аналогичного показателя марта) [3]. Снижение ставок по кредиту в нормальных условиях должно способствовать росту спроса на кредит. Однако сокращение реальных доходов населения, увеличение уровня безработицы, спровоцированные пандемией, обусловили сокращение совокупного спроса. По этой причине произошел спад объемов кредитования, первую очередь в сфере розничного кредитования, несмотря на снижение процентных ставок по кредиту.

Закономерно произошло и снижение ставок по вкладам. А это, в свою очередь, повлекло отток депозитов из банков и рост числа новых частных инвесторов на фондовом рынке. По данным Московской биржи, количество физических лиц, имеющих брокерские счета на Московской бирже, по итогам июля достигло 5,65 млн человек [11]. Также зафиксирована рекордная активность частных инвесторов в июле: 821,5 тыс. человек активно совершали сделки, а общий объем операций розничных инвесторов с акциями составил 12 трлн руб. [11]. Большая активность на фондовой бирже связана с тем, что после сильного падения в начале года участниками торгов ожидался разворот цен по большинству активов в сторону роста. Количество покупателей финансовых активов на бирже стремительно росло, что означает, что котировки финансовых инструментов ускорили рост. Также необходимо отметить, что начинающие инвесторы, как правило, составляют свой инвестиционный портфель из наиболее ликвидных акций – «голубых фишек», которые входят в расчет основных фондовых индексов. Как следствие – восстановление индексов происходило достаточно быстро, в настоящее время значение индекса РТС приближается к 1300 пунктам, индекс Мосбиржи – к 3000 пунктам. Увеличение числа частных инвесторов говорит о росте финансовой грамотности населения, и дальнейшее ее повышение должно стать одним из приоритетов образовательной политики государства, поскольку операции на всех секциях Московской биржи (фондовой, срочной, валютной) сопряжены с более высокими рисками.

Таким образом, в мае-июле наблюдался рост показателей российского финансового рынка благодаря внутренним инвестициям, а также на фоне роста мировых рынков, постепенной отмены введенных ранее ограничений и принимаемых мер по поддержке экономики, в первую очередь, смягчение денежно-кредитной политики.

Важно учесть, что смягчение денежно-кредитной политики осуществляется в рамках основной стратегии денежно-кредитной политики с 2015 года и по настоящее время – так называемой стратегии таргетирования инфляции. Достижение и удержание целевого показателя

инфляции на уровне вблизи 4 % является приоритетным направлением деятельности ЦБ РФ [2]. Динамика значений инфляции с 2009 по 2020 г. приведена на рисунке 1¹ [5].

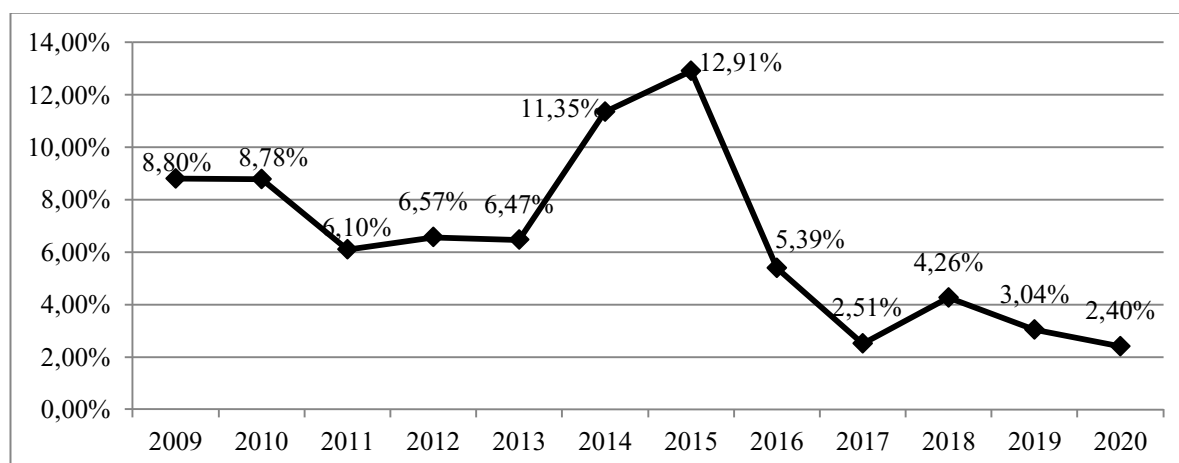

Рис. 1. Значения годовой инфляции в 2009–2020 гг.

На первый взгляд, низкая инфляция – безусловно, успешный процентный показатель, который отражает незначительное отклонение реальных экономических параметров от номинальных. Однако ряд исследователей ставят под сомнение эффективность режима таргетирования инфляции. В первую очередь, таргетирование инфляции сопряжено с сокращением денежной массы, что является признаком жесткой денежно-кредитной политики. Необходимо отметить, что сокращение денежной массы – не единственный путь решения проблемы инфляции, поскольку большинство исследователей проблем денежно-кредитного регулирования пришли к выводу, что инфляция в России носит не только монетарный характер [1; 7; 9]. То есть инфляция также обусловлена такими немонетарными факторами, как цена на нефть, которая влияет на стабильность национальной валюты, жесткая налоговая политика государства, введение новых санкций, предложение рабочей силы и уровень безработицы. Поэтому успешная стратегия таргетирования инфляции возможна только вкуче с мерами, сглаживающими немонетарную составляющую инфляции. Для этого необходима координация денежно-кредитной политики с бюджетно-налоговой, таможенно-тарифной и иными направлениями государственного регулирования, в том числе и социальными. Интересно отметить опыт Народного банка Китая: несмотря на политику дешевых денег и активный рост денежной массы регулятор данной страны обеспечивает низкий уровень инфляции, поскольку денежная эмиссия привязана к потребностям реального сектора экономики, а не к золотовалютным резервам [8]. Что касается российской практики, то необходимо отметить, что исследователи отмечают, что «чрезмерный акцент денежно-кредитной политики на уровне инфляции отвлекает внимание от других макроэкономических показателей, включая экономический рост» [7].

Важным примером координации денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики является реализация механизма бюджетного правила, предусмотренного Бюджетным кодексом Российской Федерации. Согласно бюджетному правилу, все доходы бюджета, образующиеся при цене на нефть марки Urals выше 42,4 долл. за баррель (цена отсечения в 2020 году), накапливаются в Фонде национального благосостояния (ФНБ) (см. рис. 2) [10]. Для этого Центральный банк покупает валюту для Министерства финансов РФ, которая перечисляется в ФНБ: доллары США, евро и фунты стерлингов (см. рис. 3) [10].

¹ Значения инфляции рассчитаны на основе индексов потребительских цен на товары и услуги. Показатель рассчитан к декабрю предыдущего года, за 2020 год – май 2020 к декабрю 2019.

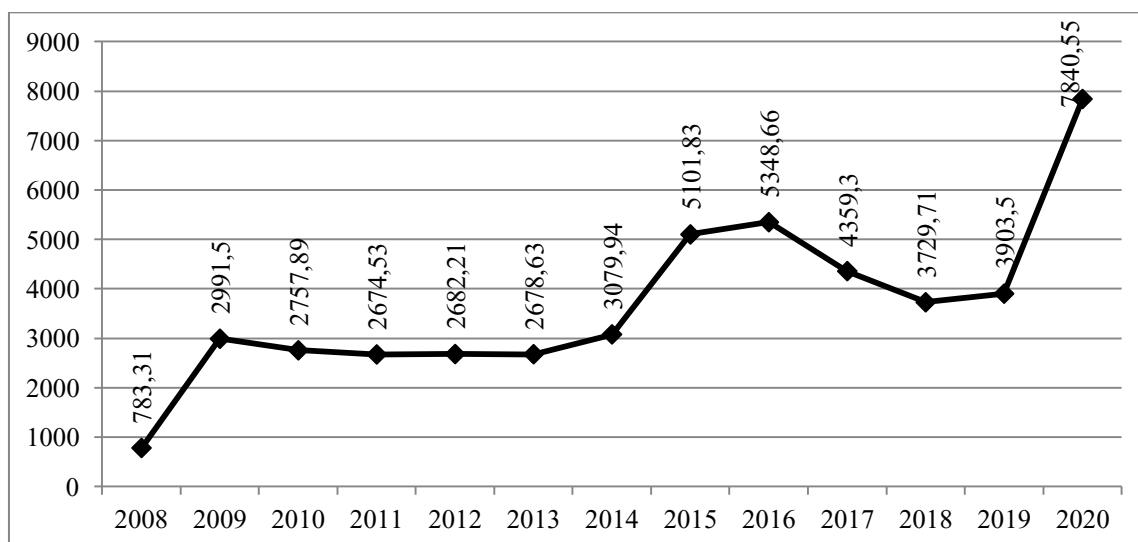

Рис. 2. Объем ФНБ в млрд руб. по состоянию на 1 февраля соответствующего года

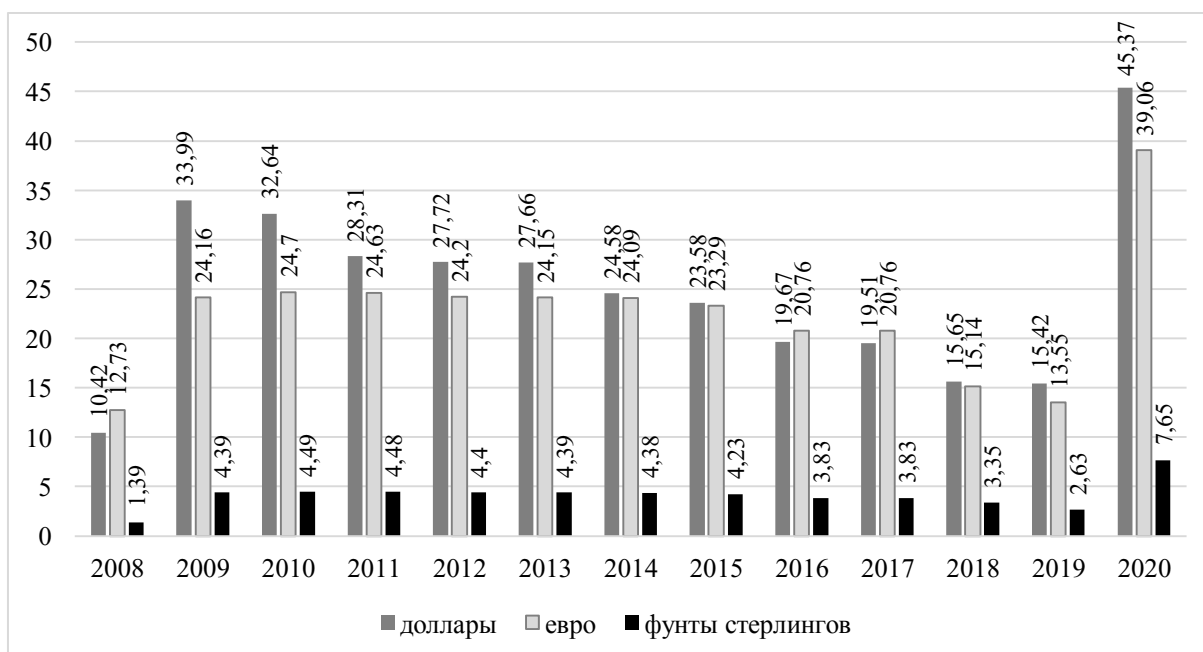

Рис. 3. Валютная структура средств ФНБ на счетах в Банке России на 1 января каждого года, млрд

В ситуации, когда цена на нефть меньше цены отсечения, валюта подлежит обратной продаже на открытом рынке. Объем продаж иностранной валюты по этапам представлен в таблице 2 [6].

Таблица 2

Объем продаж иностранной валюты из ФНБ в рамках бюджетного правила

	Суммарный объем продаж валюты за период, млрд руб.	Ежедневный объем продаж валюты, млрд руб.
07.04–12.05	77,8	3,5
12.05–04.06	193,1	11,4
05.06–07.07	203,7	10,2
08.07–06.08	125,6	5,7
07.08–04.09	64,9	3,1

Благодаря реализации бюджетного правила федеральный бюджет компенсирует выпадающие доходы, связанные с низкой ценой на экспортные товары, а Центральный банк сдерживает ослабление национальной валюты.

Параллельно с продажей валюты из ФНБ в рамках бюджетного правила ЦБ проводит действия по покупке акций Сбербанка Правительством РФ у Центрального банка, которому принадлежал контрольный пакет акций. Данные мероприятия по сделке между Правительством РФ и Центральным банком в общей сложности увеличат продажу валюты и обеспечат возмещение выпадающего предложения валюты на внутреннем рынке из-за снижения нефтяных доходов.

В заключение отметим, что денежно-кредитная политика Центрального банка сыграла большую роль в преодолении последствий спада начала 2020 года. До начала пандемии монетарную политику Банка России было принято считать достаточно жесткой. Смягчение политики Банка России оказало стимулирующее влияние на развитие финансового рынка, в первую очередь, фондового. Так, увеличилось число частных инвесторов и объем операций и открытых позиций на финансовом рынке, а восстановление главных фондовых индексов российского финансового рынка происходило достаточно быстро. Поэтапная продажа валюты в рамках бюджетного правила при низкой цене на нефть увеличивает денежную массу, что также способствует смягчению денежно-кредитной политики. Считаем необходимым сохранить мягкий характер денежно-кредитной политики после преодоления рецессии, поскольку мягкая денежно-кредитная политика оказывает мультипликативный эффект как на развитие финансового рынка, так и на экономический рост в целом.

Литература

1. Басс А.Б. Инфляционные процессы в России в условиях кризиса // Экономика. Бизнес. Банки. 2016. № 2. С. 82–92.
2. Денежно-кредитная политика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru/dkp/>
3. Доклад о денежно-кредитной политике Центрального банка от 03.08.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/analytics/dkp/ddcp/longread_3_31/page/
4. Инвестинг. Котировки и финансовые новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.investing.com/>
5. Индексы потребительских цен [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-potr1.htm
6. Минфин с 7 августа по 4 сентября снизит продажу валюты почти вдвое [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/720373>
7. Масленников В.В. Влияние современной денежно-кредитной политики России на экономический рост // ЭКО. 2015. № 10. С. 153–166.
8. Никишин Б.С., Пайкерт М.В., Потапова О.А. Эффективная денежно-кредитная политика: опыт Китая // Валютное регулирование. Валютный контроль. 2016. № 2. С. 33–37.
9. Печалова М.Ю. Денежно-кредитная политика банка России и инфляционные процессы в экономике // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 3. С. 31–42.
10. Фонд национального благосостояния. Статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/nationalwealthfund/statistics/>
11. Частные инвесторы открыли более 2,5 млн ИИС на Московской Бирже 05.08.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moex.com/n29616/?nt=106>

Современное состояние корпоративного банковского кредитования

Current State of Corporate Banking Lending (DOI: 10.34773/EU.2020.5.25)

**Б. ДУЙСЕНБАЕВА, А. АСАНОВА,
А. ТАНЖАРИКОВА**

Дуйсенбаева Ботагоз Баймуханбетовна, канд. экон. наук, профессор кафедры «Бизнес и управление, сфера обслуживания» Казахско-Русского международного университета (КРМУ). E-mail: duisenbayeva_b@mail.ru

Асанова Алтынай Большовна, канд. экон. наук, доцент научно-образовательного департамента «Учет, аудит и анализ» Университета Нархоз. E-mail: altynau.asanova@narхоз.kz

Танжарикова Асем Жунисовна, PhD, доцент научно-образовательного департамента «Учет, аудит и анализ» Университета Нархоз. E-mail: asem.tanzharikova@narхоз.kz

В данной статье рассмотрено современное состояние корпоративного банковского кредитования, акцентируется внимание на количественных и качественных показателях деятельности банковского сектора. В процессе исследования использованы и проанализированы статистические данные по кредитному портфелю и просроченной задолженности банковского сектора Республики Казахстан, структуре просроченной задолженности по корпоративным кредитам по срокам использования и видам валюты. На основе проведенного анализа текущего состояния даны соответствующие рекомендации.

Ключевые слова: коммерческий банк, банковский сектор, корпоративное банковское кредитование, кредитный портфель, просроченная задолженность.

This article examines the current state of corporate banking lending, focusing on quantitative and qualitative indicators of the banking sector. The research used and analyzed statistical data on the loan portfolio and overdue debt of the banking sector of the Republic of Kazakhstan, the structure of overdue debt on corporate loans by terms of use and types of currency. Based on the analysis of the current state, appropriate recommendations are given.

Key words: commercial bank, banking sector, corporate bank lending, credit portfolio, overdue debt.

Коммерческие банки имеют огромное значение в экономическом развитии как всего государства, так и отдельных ее субъектов. Они содействуют притоку необходимых финансовых средств тем, кто нуждается в дополнительном финансировании, для текущей, а также предстоящей инвестиционной деятельности. Основная банковская деятельность заключается в мобилизации временно свободных средств, последовательно устремляя их в различные отрасли экономики, путем кредитования хозяйствующих субъектов, а также частных лиц [1].

Необходимость наращивания промышленного потенциала Казахстана, активизация процессов создания, модернизации и расширения отечественных предприятий, а значит, и увеличение объемов банковского кредитования казахстанских предприятий, является одним из наиболее актуальных вопросов [7].

По состоянию на декабрь 2019 года банковский сектор Казахстана представлял собой совокупность 27 коммерческих банков и 7 организаций, которые осуществляли определенные банковские операции.

Согласно официальным данным Национального банка Республики Казахстан (РК) за 2019 год, совокупные активы коммерческих банков по республике составили 26,8 трлн тенге, увеличившись на 6,2 % по сравнению с 2018 годом. Показатель кредитного портфеля за 2019 год достиг 14,7 трлн тенге, что выше показателя 2018 года, однако намного ниже показателя за 2018 год (рис. 1) [3].

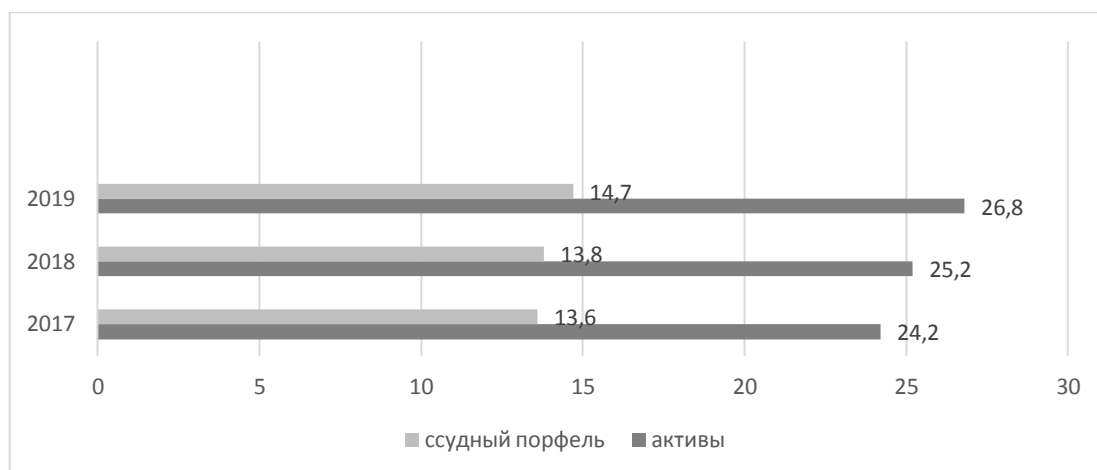

Рис. 1. Динамика активов и кредитного портфеля банковского сектора РК

Объем просроченной задолженности по основному долгу, выданных кредитов за 2019 год имеется на 1 трлн тенге, удельный вес которого составляет 7,4 % от совокупного кредитного портфеля всех коммерческих банков РК.

Размер обязательств банковского сектора за 2019 год составил 23,2 трлн тенге, увеличившись на 4,2 % по отношению к 2018 году (см. рис. 2) [3].

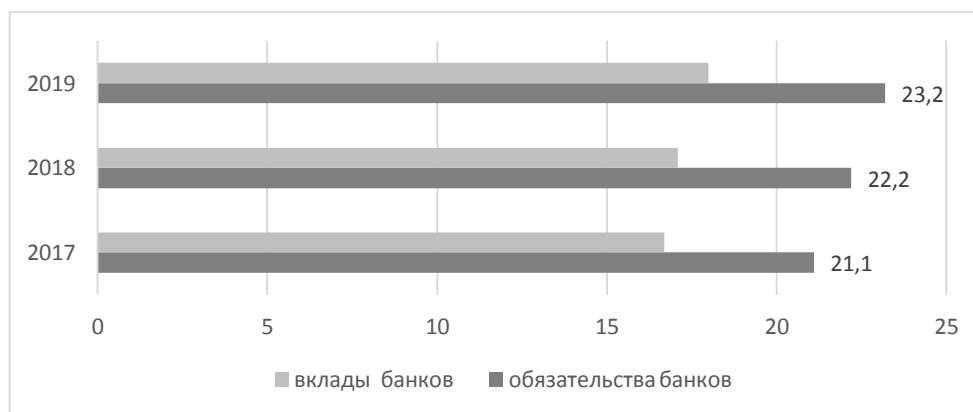

Рис. 2. Динамика обязательств коммерческих банков РК за 2017–2019 годы

За 2017–2019 годы в Казахстане коммерческие банки активно продвигали свои продукты и услуги, обеспечивая экономику необходимыми финансовыми средствами для осуществления своих бизнес-проектов, что позитивно сказалось на общем экономическом росте страны.

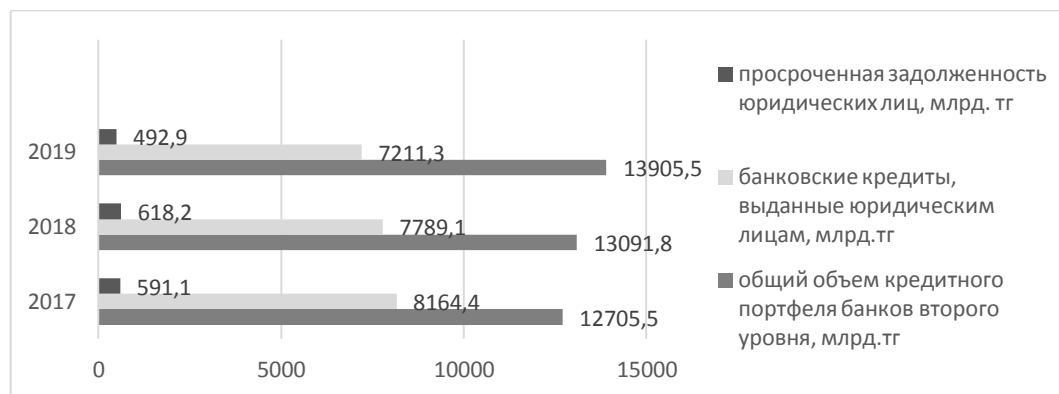

Рис. 3. Динамика кредитного портфеля и просроченной задолженности банковского сектора РК

На основе представленных данных можно сказать, что совокупный объем кредитного портфеля банков второго уровня медленно растет, и в 2019 году его уровень составил 13905,5 млрд тенге [4; 5; 6].

Таблица 1

**Показатели кредитного портфеля банковского сектора
Республики Казахстан за 2017–2019 годы [4–6]**

Показатели	2017	2018	2019
Совокупный объем кредитного портфеля коммерческих банков, млрд тг	12705,4	13091,8	13905,5
Темпы роста совокупного кредитного портфеля коммерческих банков, %	99,98	103,04	106,1
Банковские кредиты, выданные корпоративным клиентам, млрд тг	8164,4	7789,1	7211,3
Темпы роста совокупных банковских кредитов корпоративным клиентам, %	94,18	95,4	92,3
Доля кредитов корпоративных клиентов в совокупном объеме кредитного портфеля коммерческих банков, %	64,26	59,50	51,8

Согласно данным таблицы 1, с 2017 года снижается уровень выданных кредитов корпоративным клиентам, то есть хозяйствующим субъектам, которые функционируют в различных отраслях экономики. Также имеют место колебания значений по темпам роста совокупного кредитного портфеля коммерческих банков и банковских кредитов корпоративным клиентам.

Исходя из данных, отражающих долю кредитов корпоративных клиентов в совокупном объеме кредитного портфеля коммерческих банков, можно сделать вывод, что доля корпоративных клиентов сокращается. Это обусловлено тем, что некогда выгодные позиции кредитования корпоративных клиентов смещаются более доходным кредитованием физических лиц, которое сконцентрировано в основном на потребительских кредитах.

Таблица 2

**Показатели просроченной задолженности банковского сектора
Республики Казахстан за 2017–2019 годы [4–6]**

Показатели	2017	2018	2019
Просроченная задолженность корпоративных клиентов по кредитам банков, млрд тг	591,1	618,2	492,9
Темпы роста просроченной задолженности корпоративных клиентов, %	101,86	94,18	95,4
Доля просроченной задолженности корпоративных клиентов в совокупном объеме предоставленных им коммерческими банками займов, %	6,82	7,57	6,33

Необходимо отметить, что просроченная задолженность корпоративных клиентов по кредитам банков в 2019 году составила 492,9 млрд тенге, что является самым низким значением за исследуемый период. Это свидетельствует о выполнении корпоративными клиентами своих финансовых обязательств перед банками. В целом темпы роста просроченной задолженности корпоративных клиентов и доля просроченной задолженности корпоративных клиентов в совокупном объеме предоставленных им коммерческими банками займах колеблются, имея тенденцию к понижению. Согласно официальным данным Национального банка Республики Казахстан, долгосрочное кредитование в 2019 году выросло на 2,8 % до 11,1 трлн тенге, краткосрочное – на 4,4 % до 2 трлн тенге. Доля долгосрочных кредитов в структуре ссудного портфеля коммерческих банков составила 84,8 % (в декабре 2018 года – 85 %). Кредитование корпоративных клиентов малого бизнеса в 2018 году сократилось на 15,2 % до 2,4 трлн тенге, что составляет 18,1 % от общего объема займов экономике. Если рассматривать кредитование по отраслям экономики, то наиболее значительная сумма кредитов банков приходится на промышленность – 15,5 %, торговлю – 13,8 %, строительство – 5,8 %, сельское хозяйство – 3,7 %. В 2019

году средневзвешенная ставка по кредитам, выданным в национальной валюте небанковским юридическим лицам, снизилась до 12,0 % с 12,4 % в 2018 году [3].

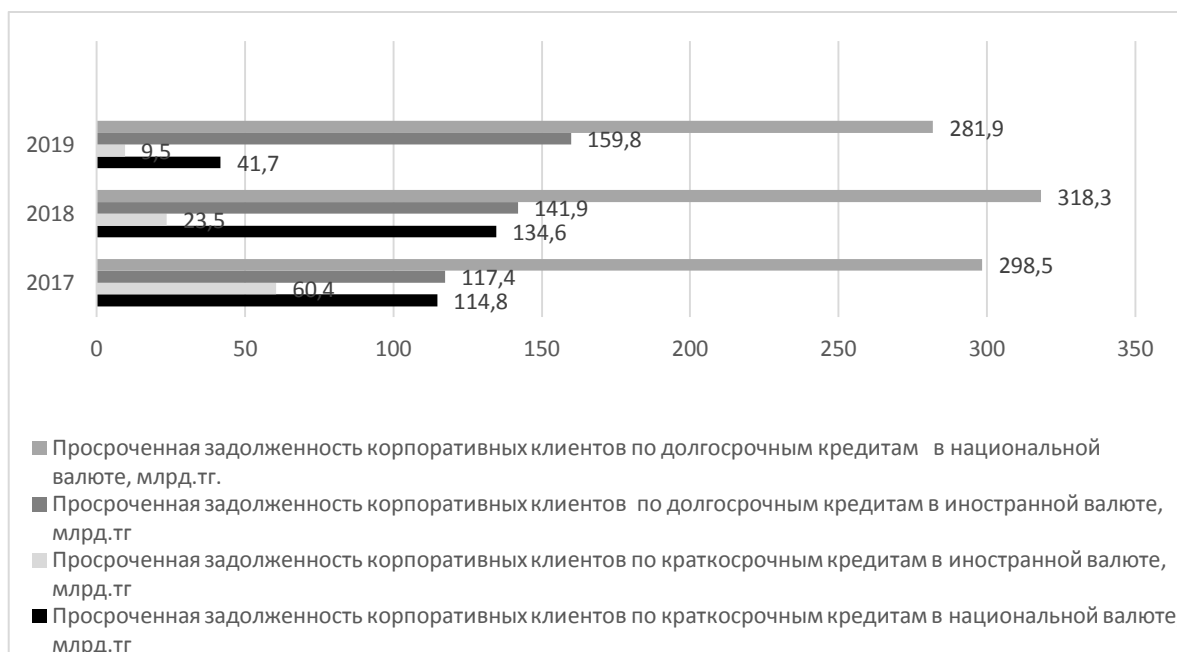

Рис. 4. Структура просроченной задолженности по корпоративным кредитам по срокам использования и видам валюты за 2017–2019 годы

За 2017–2019 годы имеется тенденция роста просроченной задолженности корпоративных клиентов по долгосрочным займам как в национальной валюте, так и в иностранной валюте по сравнению с краткосрочными займами.

Обследовав объемы банковского корпоративного кредитования и ее структуру за 2017–2019 годы, мы выявили рост кредитной активности банков, который представлен ежегодным увеличением общего объема кредитного портфеля коммерческих банков. Однако имеется тенденция уменьшения кредитования банками корпоративных клиентов.

Просроченная задолженность корпоративных клиентов по кредитам банков за 2017–2019 годы имела неоднозначную тенденцию, хотя 2019 год имеет положительное значение, что свидетельствует о выполнении ими своих финансовых обязательств перед банками несмотря на сложную ситуацию в целом.

Темпы роста просроченной задолженности корпоративных клиентов и доля просроченной задолженности корпоративных клиентов в совокупном объеме предоставленных им коммерческими банками займов колеблются, имея тенденцию к понижению.

Как отмечают наши казахстанские коллеги, существенными основаниями, которые сдерживают рост корпоративного банковского кредитования, являются низкая кредитоспособность заемщиков, высокие заемные риски, высокие нормы резервирования по привлеченным средствам, необеспеченность банков ресурсной базой на долгосрочную перспективу [2].

Проведя исследование корпоративного банковского кредитования за 2017–2019 годы, для дальнейшего позитивного роста в этом направлении можно предложить такие рекомендации, как:

- совершенствование кредитной политики банков второго уровня с созданием более выгодных условий для кредитования корпоративных клиентов, которые осуществляют долгосрочные инвестиционные проекты, предусматривающие экономическое развитие хозяйствующих субъектов, особенно в приоритетных отраслях экономики;
- осуществление качественных мер по сокращению доли просроченной задолженности корпоративных клиентов в совокупном ссудном портфеле.

Литература

1. Банковское дело: учебник / О.И. Лаврушин, Н.И. Валенцева [и др.]; под ред. О.И. Лаврушина. 12-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2017. 800 с.
2. Кулумбетова Д.Б. Банковское кредитование отраслей экономики // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2019. № 4.
3. Отчет Национального Банка Республики Казахстан за 2018 год, утвержденный Указом Президента РК от 23 мая 2019 года № 49.
4. Статистический бюллетень Национального Банка Республики Казахстан. 2017. № 1.
5. Статистический бюллетень Национального Банка Республики Казахстан. 2018. № 1.
6. Статистический бюллетень Национального Банка Республики Казахстан. 2019. № 1.
7. Уразова С.А. Кредитная поддержка предприятий банками развития: российский и зарубежный опыт // Финансовые исследования. 2017. № 4.

Управление коммерциализацией интеллектуальной собственности: условия, факторы, принципы, модели

Management of Intellectual Property Commercialization: Conditions, Factors, Principles, Models (DOI: 10.34773/EU.2020.5.26)

К. ГАРАЕВА, Э. ИСХАКОВА

Гараева Камилия Линаровна, магистрант кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: garaeva_kamila97@mail.ru

Исхакова Эльвира Ильфатовна, канд. экон. наук, доцент кафедры инновационной экономики ИНЭФБ БашГУ. E-mail: elvira-ufa2006@mail.ru

В статье представлены субъекты рыночных отношений, участвующие в коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, выявлены условия и принципы, способствующие успешному управлению процессом коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности. Выделены ключевые модели разработки инноваций и их коммерциализации. На основе базовых моделей сформирована авторская модель управления объектами интеллектуальной собственности в рамках реализации инновационных проектов.

Ключевые слова: объекты интеллектуальной собственности, результаты интеллектуальной деятельности, управление процессом коммерциализации, модели разработки инноваций и их коммерциализации.

The article presents the subjects of market relations participating in the commercialization of intellectual property objects, identifies the conditions and principles that contribute to the successful management of the process of commercialization of the results of intellectual activity. The key models for the development of innovations and their commercialization are highlighted. Based on the basic models, the author's model for managing intellectual property objects within the framework of the implementation of innovative projects was formed.

Key words: intellectual property objects, results of intellectual activity, management of the commercialization process, models for the development of innovations and their commercialization.

В современном обществе компании, в которых осуществляется грамотное управление процессом коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, являются наиболее успешными и перспективными на рынке научно-технической продукции. Они способны извлекать огромную прибыль, накапливать и преумножать свои активы, тем самым повышая инновационный потенциал как предприятия, так и страны в целом. Это обуславливает актуальность данного исследования на сегодняшний день.

Огромное количество факторов оказывают влияние на процесс управления коммерциализацией объектов интеллектуальной собственности. Они могут выступать как движущей силой данного процесса, то есть оказывать положительное влияние, так и быть причиной возникновения проблем. Необходимо отметить, что, помимо политических, экономических и других макроэкономических факторов, на данный процесс в большой степени влияют взаимоотношения «субъектов рыночных отношений при коммерциализации интеллектуальной собственности» [10] (рис. 1).

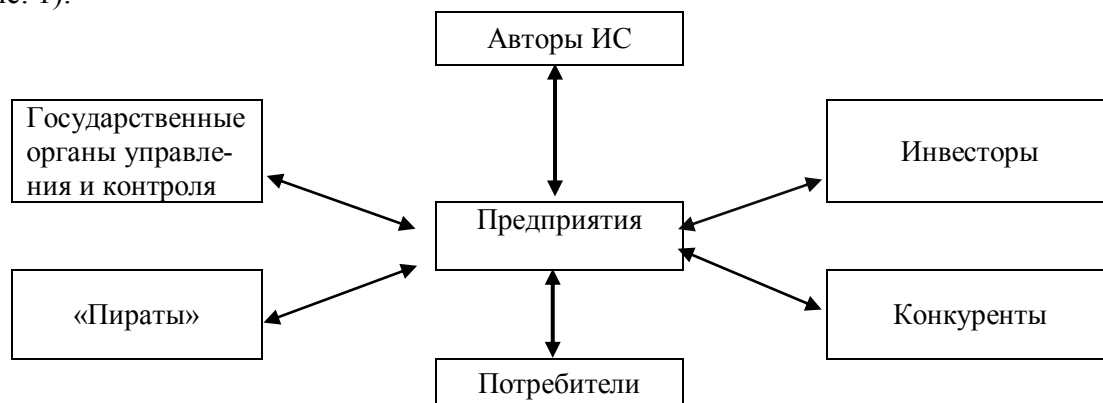

Рис. 1. Пары субъектов отношений в процессе коммерциализации объектов интеллектуальной собственности (составлено автором по [10])

Согласно рисунку 1, ключевым звеном «пар субъектов отношений является предприятие, создающее и (или) использующее новые технологии, патенты, изобретения, промышленные образцы, программы для ЭВМ и другие» [10] в своей деятельности, остальные элементы являются посредниками, способствующими продвижению или затормаживанию изучаемого процесса управления. В свою очередь, их взаимоотношения строятся на трех составляющих: технической, финансовой и социально-правовой [10].

Полученные пары субъектов, включая три ключевые составляющие взаимоотношений, возникающих внутри каждой пары, создают такие формы взаимоотношений, которые первоначально создают проблемы при коммерциализации объектов интеллектуальной собственности. Следовательно, одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на процесс управления коммерциализацией объектов интеллектуальной собственности, является разрозненность интересов между субъектами рыночных отношений, возникающих в данной среде.

Кроме того, стоит учесть, что на данный процесс в одинаковой мере оказывают влияние не только факторы, но и условия, при соблюдении которых процесс управления коммерциализацией пройдет наиболее успешно и в целом сможет быть осуществим. Рассмотрим ряд таких условий:

- наличие научной и изобретательской составляющей, позволяющей решать технические проблемы, связанные с модернизацией научной разработки;
- владение исключительными правами на ключевые конструктивные элементы, технологические, художественно-конструкторские решения и товарные знаки на рынках реализации продукта [5];
- выделение основных достоинств технологии по сравнению с ранее известными;
- объем вероятного рынка сбыта нового объекта интеллектуальной собственности должен в несколько раз превышать издержки на разработку и коммерциализацию этого объекта [5].

Для создания вышеперечисленных условий предприятию следует соблюдать ряд принципов, таких как новизна, творческая деятельность, клиентоориентированный подход, комплексность, гибкость и адаптивность, концентрация усилий и ресурсов, программно-целевой подход, ориентация на практический результат [7].

Закономерности управления коммерциализацией объектов интеллектуальной собственности определяют формы и этапы данного процесса. Рассмотрим «этапы процесса коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности на предприятии» [4].

Так, Казакова Н.А в одной из своих работ выделяет «пять этапов процесса коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности на предприятии» [4]. К первому этапу относится «создание и идентификация объектов интеллектуальной собственности, на котором формируется служебное задание согласно должностной инструкции и принимается решение о целесообразности получения правовой охраны» [4]. Ко второму – «регистрация РИД сотрудниками отдела управления интеллектуальной собственности, где производится оценка результатов интеллектуальной деятельности по формальным признакам исходя из информации, содержащейся в заявке, и подписание соглашения о распределении вознаграждения между соавторами» [4]. Третий этап включает в себя «экспертизу производственно-технического отдела. Здесь оценивается коммерческая значимость, направление коммерциализации технологии и последующий выбор способа охраны» [4]. Следующим шагом, по мнению исследователя, является «оформление режима коммерческой тайны (ноу-хау) и получение положительного решения Федеральной службы по интеллектуальной собственности (патент), которые подразумевают заключение договора с автором научной разработки о выплате вознаграждения» [4]. Завершающий этап характеризуется «применением объектов интеллектуальной собственности третьими лицами. На данном этапе производится подготовка договора об отчуждении исключительного права, либо заключение лицензионного договора» [4].

Объекты интеллектуальной собственности обладают высоким уровнем неопределенности успеха и получения коммерческих выгод от конечного продукта. Основываясь на этом, создание «оптимальной модели управления коммерциализацией результатов интеллектуальной деятельности и последующее обеспечение контроля на каждом из этапов дает возможность преждевременно выявить, снизить или устранить возникающие риски организаций» [4].

Изучение подходов к формированию и дальнейшему внедрению инноваций в тех странах мира, экономика которых в большинстве своем классифицируется как развитая, дает возможность выделить типовые модели управления интеллектуальной собственностью и ее коммерциализацией.

Дроговоз П.А. выделяет «три базовые модели разработки инноваций и их коммерциализации: интеграционная модель, модель дирижирования, модель лицензирования» [2].

Для того, чтобы ранжировать данные модели по степени пригодности их применения в России, необходимо более детально изучить сущность каждой из них. Так, рассмотрим схему интеграционной модели (рис. 2).

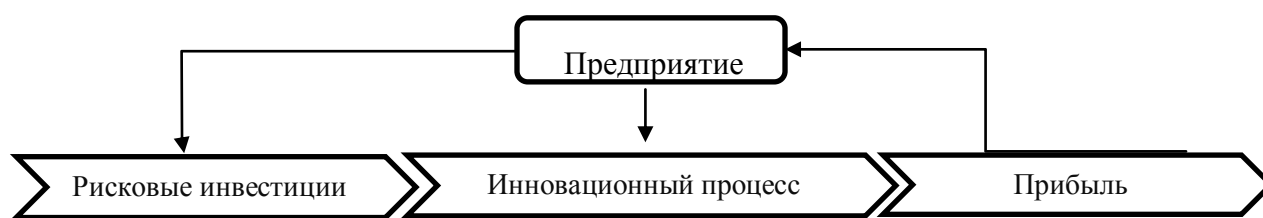

Рис. 2. Схема интеграционной модели (составлено автором по [6])

Схема, проиллюстрированная на рисунке 2, позволяет отметить, что принцип этой модели заключается в тотальном контроле над инновационным процессом и локализации полного объема прибыли от коммерциализации в руках одного собственника, что в целом является плюсом для предприятия при осуществлении рискованных инвестиций.

На рисунке 3 представлена схема второй модели – дирижирования.

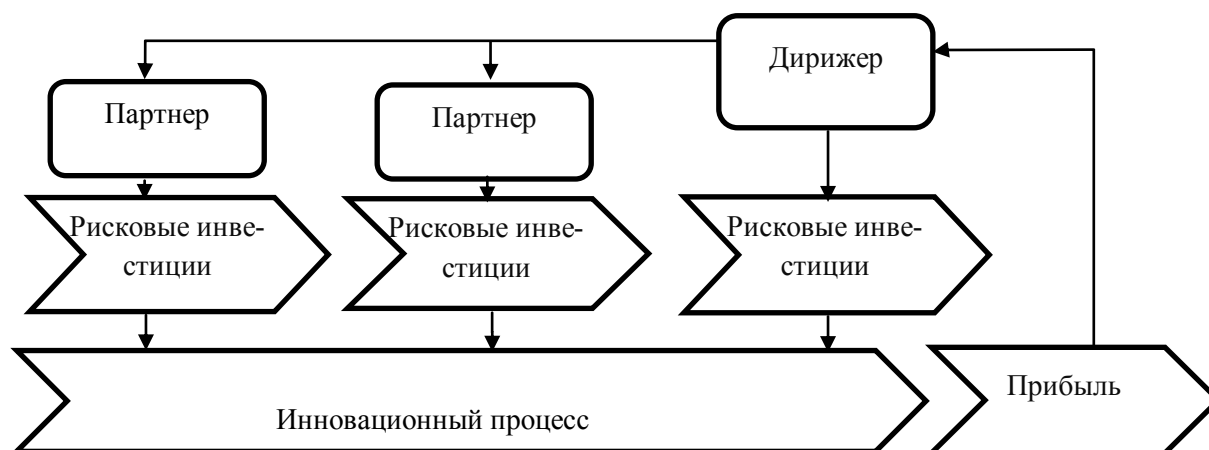

Рис. 3. Схема модели дирижирования (составлено автором по [6])

Основным преимуществом применения модели дирижирования для предприятия-дирижера (предприятия, реализующего интеллектуальную деятельность) является разделение рисков с предприятиями-партнерами. Однако не стоит забывать, что и прибыль также распределяется между участниками инвестиционного процесса чаще всего пропорционально вложенным инвестициям.

Рассмотрим схему модели лицензирования (рис. 4).

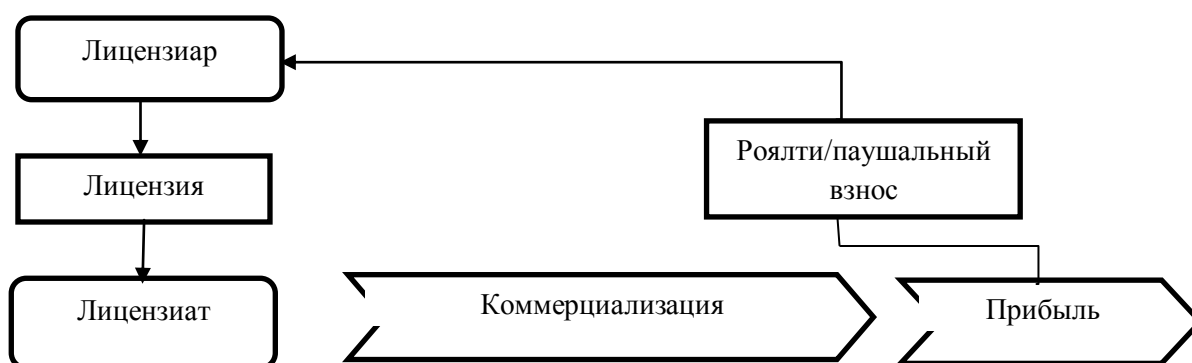

Рис. 4. Схема модели лицензирования (составлено автором по [3])

Модель лицензирования отличается от предыдущих моделей тем, что предприятие, осуществляющее интеллектуальную деятельность, не вкладывает собственных средств в процесс коммерциализации ее результатов. Однако в этом случае предприятие должно иметь значительный инновационный потенциал.

Важность интеллектуальной собственности и ее роль в стоимостной цепочке бизнеса относительно недавно стала осознаваться и российскими предприятиями. Ввиду этого в условиях российского законодательства необходима разработка собственной модели управления результатами интеллектуальной деятельности. На основе этапов функционирования процесса управления коммерциализацией интеллектуальной деятельности, рассмотренных ранее, а также опираясь на зарубежный опыт, смоделируем собственную «модель управления коммерциализацией результатов интеллектуальной деятельности в рамках реализации инновационных проектов» [8] (рис. 5).

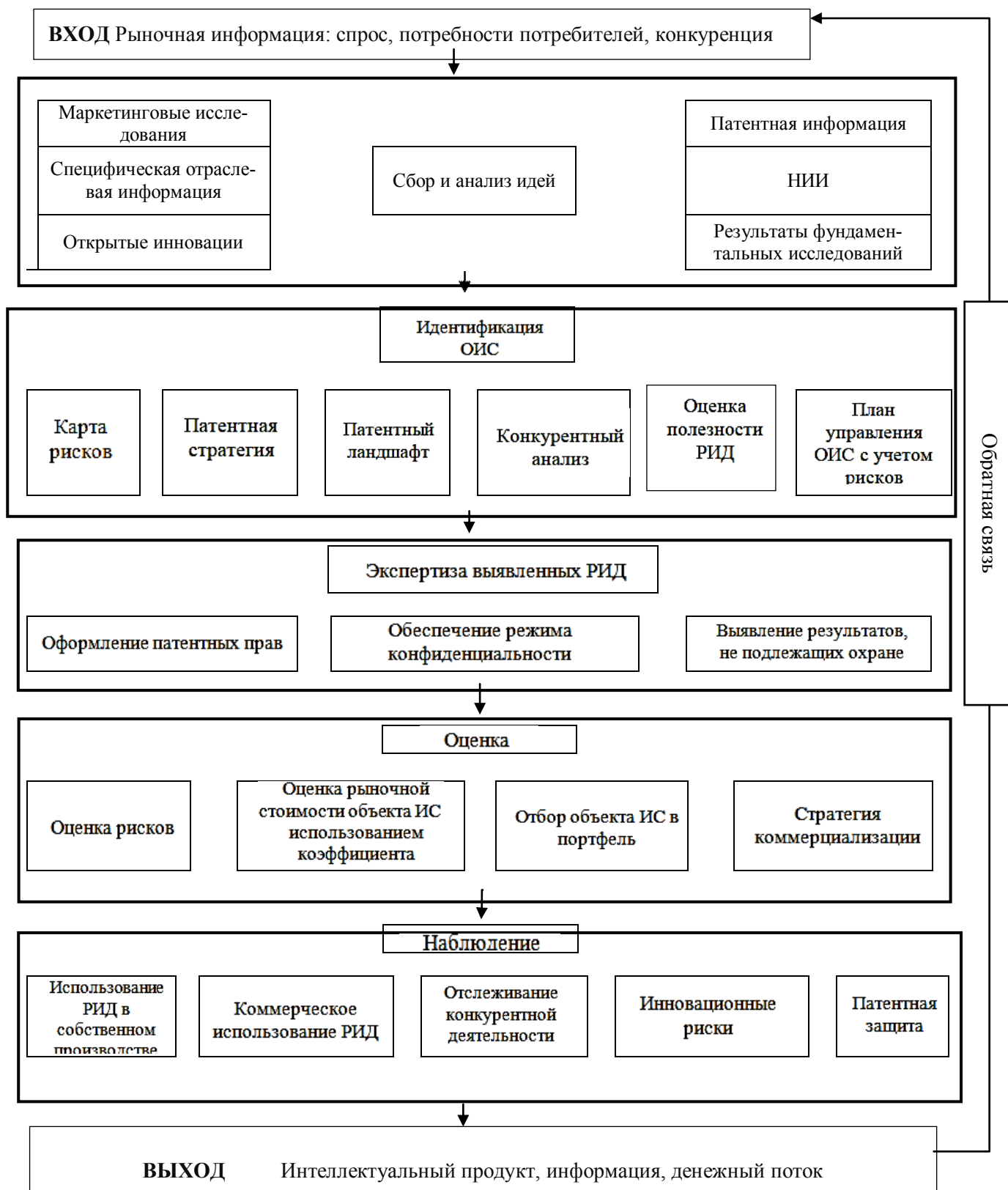

Рис. 5. Модель управления коммерциализацией результатов интеллектуальной собственности (составлено автором по [8])

Данная модель опирается на типичные этапы управления коммерциализацией, исходящие из зарубежного опыта. Однако на каждом предприятии выбор стратегии управления индивидуален. Несмотря на то, что построенная модель управления «вытекает» из совокупности трех

основных моделей управления, она наделена отличительными особенностями в части идентификации и оценки результатов интеллектуальной деятельности. Коммерциализация результатов исследования разработок предполагает, что объекты интеллектуальной собственности и их составляющие должны быть четко идентифицированы. То есть предприятию необходимо производить оценку коммерческого потенциала технологии за счет выявления уровня ее полезности. Данная процедура подразумевает составление декомпозиции технологии, в которой прописываются технические и функциональные свойства идентифицируемого объекта с ее аналогами. Полученная таблица позволяет выявить, какими уникальными признаками обладает исследуемая разработка относительно имеющихся технологий на рынке. Тем самым будет определена степень патентной чистоты.

Также существенным аспектом при управлении коммерциализацией объектов интеллектуальной собственности является оценка рыночной стоимости разрабатываемой технической новинки [9]. Для получения реальной цены предприятию необходимо производить расчеты с учетом инновационной составляющей. Один из таких способов включает в себя нахождение коэффициента инновационности, который корректирует сумму за счет сравнительного анализа базовых и новых признаков технологии [1].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что предложенная модель управления коммерциализацией результатов интеллектуальной собственности с учетом тонкостей российского законодательства и специфики предприятий может быть использована действующими инновационно-ориентированными компаниями уже сейчас. Такая проработка каждого этапа процесса, начиная с анализа предлагаемых идей и заканчивая коммерциализацией результатов интеллектуальной деятельности, способна повысить инновационный потенциал как предприятия, так и страны в целом.

Литература

1. Валдайцев С.В. Стратегическое планирование коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/>
2. Дроговоз П.А., Кашеварова Н.А. Анализ зарубежных моделей и механизмов управления интеллектуальной собственностью и их адаптация на российском предприятии ракетно-космической отрасли // Инженерный журнал: наука и инновации. 2013. Вып. 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.engjournal.ru/articles/645/645.pdf>
3. Дроговоз П.А. Модели управления интеллектуальной собственностью в мировой практике и их адаптация на российском высокотехнологичном предприятии [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/>
4. Казакова Н.А., Романова Н.В., Шеметкова О.Л. О проблемах оценки, учета и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35288767>
5. Кудашов В.И., Нечепуренко Ю.В. Интеллектуальная собственность: экономические и организационно-правовые механизмы управления: монография. Минск: Амалфея-Мисанта, 2013. 192 с.
6. Лоскутов А.Э. Международные аспекты управления интеллектуальной собственностью: опыт BMW // Патенты и лицензии. 2012. № 12. С. 24–25.
7. Сергеев В.А. Основы инновационного проектирования: учеб. пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2019. 246 с.
8. Смирнова В.Р. Управление интеллектуальной собственностью в инновационной деятельности: автореферат дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011. 53 с.
9. Солдатов А.Н., Миньков С.Л. Коммерциализация и правовая защита результатов интеллектуальной деятельности: учеб. пособие. Томск: Томский государственный университет, 2011. 334 с.
10. Тычинский А.В., Павлов А.Ю. Проблемы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://iues.sfedu.ru/wp-content/uploads/2016/08/Problemy-kommertsializatsii-RID-Tychinskij-Pavlov.pdf>

Законодательные новации применения эскроу-счетов в строительной отрасли

Legislative Innovations in the Use of Escrow Accounts in the Construction Industry

(DOI: 10.34773/EU.2020.5.27)

Л. ШИЛЬДТ, Р. МУСЛИМОВА

Шильдт Лилия Абулаисовна, канд. экон. наук, доцент кафедры корпоративных финансов и учетных технологий Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ)

Муслимова Регина Фаритовна, студент УГНТУ. E-mail: muslimova_2011@mail.ru

Использование эскроу-счетов стало обязательным условием в сделках между застройщиками и покупателями жилья с июля 2019 года. Целью внесения изменений в законодательстве является то, что финансирование проектов девелоперов будет осуществляться за счет собственных или заемных средств, без использования средств дольщиков, что способствует снижению риска недостроя. Эскроу-счет предоставляет гарантию возврата денежных средств дольщикам в случае приостановки строительства или банкротства застройщика. В статье проанализированы достоинства и недостатки данного нововведения.

Ключевые слова: эскроу-счет, строительство, застройщик, проектное финансирование, строительная организация, договор долевого участия.

The use of escrow accounts has become a prerequisite in transactions between developers and housing buyers since July 2019. The purpose of change in the legislation, it is such that financing of developers' projects will be implemented using own or borrowed funds, without using the funds of shareholders, which helps to reduce the risk of incomplete. Escrow account provides a guarantee of return of funds to shareholders in case of suspension of construction or bankruptcy of the developer. The article analyses the advantages and disadvantages of this innovation.

Key words: escrow account, construction, developer, project financing, construction organization, equity agreement.

Строительная отрасль является одной из градообразующих отраслей экономики России и составляет 15 % от ВВП. В последние годы сектор жилой недвижимости претерпел большие изменения как в части нормативного регулирования, так и в части механизма взаимоотношений между основными участниками процесса строительства и финансирования строительной отрасли.

На сегодняшний день рынок строительной отрасли, а точнее – сектор жилой недвижимости, находится в глобальной трансформации под воздействием нововведений. По данным Росстата, в 2017–2019 годах было введено более 43,5 млн кв. м. Однако не все депоненты (покупатели) путем вложения собственных денежных средств заранее в будущую покупку смогли получить жилье. Подобные негативные моменты, происходящие в стране, позволили правительству России предпринять более действенные и радикальные меры, а именно – перевод строительных организаций на проектное финансирование [5].

С целью обеспечения прозрачности, построения доверительных отношений между покупателями и застройщиками и сохранности вложенных средств в объекты строительства на государственном уровне был введен инновационный финансовый механизм, основанный на сохранении финансовых ресурсов покупателей до момента наступления обязательств по договору долевого строительства и позволяющий учесть интересы всех участников строительного процесса.

В современной практике управления строительной отраслью эскроу-счет представляет собой специальный счет для осуществления депонирования денежных ресурсов или имущества участников строительного процесса (покупателей жилищно-гражданских объектов) до установленного срока, указанного в договоре.

В соответствии с изменениями положений Федерального закона № 214-ФЗ от 30.12.2004, вступившими в силу с 2019 года [4], дольщик использует право открытия эскроу-счета в банке и денежные средства граждан-покупателей, вложенные в долевое строительство, переводятся на данный счет, где они строго хранятся до введения объекта в эксплуатацию. Счета становятся застрахованными, строительный объект возводится на собственные средства организации, или заемных средств из банков для реализации всех своих процессов в строительных работах. К бенефициару (покупателю) денежные средства от покупателей с использованного эскроу-счета перечисляются в течение десяти дней при условии, что строительный объект прошел стадию сдачи в эксплуатацию. Если при неисполнении застройщиком своих обязательств перед покупателем договор долевого участия был вовсе расторгнут, то дольщик получает обратно свои денежные средства, ранее это было невозможно.

На рисунке представлены главные участники процесса строительства объектов недвижимости с применением эскроу-счетов.

Главные участники процесса строительства объектов недвижимости с применением эскроу-счетов [3]

При использовании эскроу-счетов главными участниками в схеме становится покупатель, открывший счет, застройщик, выступающий в роли продавца, и эскроу-агент. Эскроу-агент (юридическое или физическое лицо) несет ответственность за собственность покупателя недвижимости и передачу застройщику или бенефициару права управления денежными средствами в соответствии с договором. Это позволяет снизить уровень риска при переводе денежных средств от покупателя к застройщику.

Представленная схема работы эскроу-счета дает гарантию населению и государству о завершении строительства объектов или возврате денежных средств дольщику (покупателю) при неисполнении всех обязательств застройщиком. Стоит обратить внимание на тот факт, что у застройщиков нет ни малейшей возможности использовать денежные средства покупателей за короткие сроки после заключения договоров. Это побуждает застройщиков невольно поднимать стоимость своих продаваемых строительных объектов до той цены, когда их объекты будут уже полностью соответствовать всем нормам и успешно введены в эксплуатацию.

Кроме положительных моментов, у инновационного финансового инструмента в строительной отрасли есть ряд недостатков. Если покупатель привлекает ипотечное кредитование для приобретения объекта недвижимости, а застройщик несвоевременно выполняет обязательства по исполнению договора, то прекращается выплата процентов застройщиком банку и обязательства по уплате процентов переходят покупателям. Чтобы избежать финансовых рисков, связанных с невыплатой процентов по ипотечному кредитованию, покупатель должен провести анализ рынка недвижимости.

Одним из главных преимуществ введения эскроу-счетов в строительной отрасли становится банковский сектор. Клиенты банков – это строительные компании и учреждения, активно использующие проектное и коммерческое кредитование для осуществления строительства объектов недвижимости в случае нехватки собственных денежных средств.

В результате реформирования системы финансирования строительной отрасли, основанной на проектном финансировании, строительные компании начали полностью напрямую зависеть от банка, так как они обязаны доказывать свое устойчивое финансовое положение на данный момент с помощью предоставления банкам своих бизнес-планов, где видна динамика циклов их строительного процесса по объектам [2; 6].

В соответствии с новыми положениями законодательного регулирования применения эскроу-счетов, ими могут воспользоваться только те строительные компании, которые имеют большой опыт работы и узнаваемость на строительном рынке.

Но данная процедура способствует сокращению строительного рынка, потому что это приводит к увеличению количества банкротств среди строительных компаний, что непосредственно влияет на снижение уровня темпов развития строительного сектора в стране. Поэтому открыть данный эскроу-счет банковские организации предоставляют право только тем застройщикам, которые надлежащим образом исполняют все свои кредитные обязательства на протяжении всего времени.

Сумма авансирования объектов долевого строительства не должна превышать 30 % от общей суммы платежа. В противном случае банк имеет право заблокировать счет. В случае несвоевременной сдачи объекта недвижимости строительная компания может потерять право на использование данного счета.

Главным недостатком данного законопроекта являются издержки инфляции, так как они могут нанести колоссальный урон строительным организациям, встречающим риск потери своей полученной прибыли. Данная ситуация связана с вложенными денежными средствами депонентов, находящимися под сохранением в банке, а период строительства объектов жилой недвижимости составляет минимум 3 года, что способствует тому, что хранящиеся деньги в банке начинают обесцениваться, что пагубно сказывается на застройщиках. Для урегулирования данного вопроса экономисты и аналитики предлагают мониторить уровень инфляции на объекты недвижимости, поскольку фактический уровень инфляции отличается от статистического показателя.

Как показала практика использования эскроу-счетов, большинство строительных компаний «уходят» с рынка из-за невольного увеличения стоимости объектов жилой недвижимости. Первопричиной является то, что жилье на первичном рынке стоит ниже по сравнению с аналогичным вариантом на вторичном рынке примерно на 35–50 %. Качество жилой недвижимости первичного рынка, как нам представляется, намного выше, чем жилья на вторичном рынке [3]. Определяющим фактором является то, что при строительстве первичного жилья в ход идут импортные материалы и проекты, которые удовлетворяют большинство желаний и предпочтений населения, особенно в крупных городах страны, где сосредоточено самое большое число новых строительных объектов.

Рассматривая возможность допустимости снижения стоимости жилого недвижимости застройщиков, следует отметить, что последнее может быть достигнуто лишь в случае, если Центральный Банк сумеет реализовать свои планы по снижению процентных ставок по выдаваемым кредитам, впрочем, это может быть при условии, что у населения будет происходить увеличение располагаемых доходов. Правительством в данный момент используется множество различных финансово-экономических инструментов для увеличения располагаемых доходов граждан, но данный процесс происходит довольно медленно из-за воздействия различных территориальных, геополитических и экономических факторов.

На сегодняшний день государство для снижения негативных последствий от адаптационных преобразований рынка жилой недвижимости предприняло уступки в форме финансирования строительного сектора по прошлым требованиям, но при условии, что все строительные

объекты будут проходить со степенью готовности не менее 30 % [1; 5]. Данная уступка по отношению к застройщикам формирует возможность создания максимально долгого срока для поддержания формы финансирования, а также сдерживания темпов повышения стоимости по строительным объектам.

Низкая покупательная платежеспособность объектов недвижимости привела к ухудшению финансового положения строительных компаний, поэтому возникла необходимость создания нового гражданско-правового института, который позволит рынку жилой недвижимости восстановиться, выйти на новый качественный уровень развития строительной отрасли, снизить финансовые риски, связанные с несвоевременным завершением строительства и обманутыми дольщиками.

Уровень эффективности от данного механизма финансирования со всеми положительными, отрицательными и неоспоримыми чертами полностью не изучен, увидеть результаты и оценить их сможем лишь через 5–6 лет. Сейчас же лишь можем предполагать, насколько действенная будет отдача от данного законопроекта в отрасли, так как продолжать деятельность после нововведения смогут лишь те застройщики, которые имеют выработанную систему своего финансового развития и диверсифицированный портфель жилой недвижимости.

Литература

1. Катвицкая М.Ю. Новые правила для застройщиков и покупателей: эскроу-счет в долевом строительстве // Право и экономика. 2019. № 5. С. 2–5.
2. Лейберт Т.Б., Халикова Э.А. Формирование финансовой модели бизнес-проекта с использованием инструментов проектного финансирования // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 6. С. 123–129.
3. Трунина А., Федорова Н. Минстрой назвал условия послаблений для застройщиков по эскроу-счетам [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/02/2019/5c653ce59a794724b16fb98a?from=main>
4. Федеральный «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» закон от 30.12.2004 г. №214-ФЗ (ред. от 27.06.2019 г.) // СПС «Консультант Плюс».
5. Чакински А.И. Эскроу-счета как еще один способ сравнительно честного отъема денег // Жилищное право. 2019. № 9. С. 4–5.
6. Шильдт Л.А. Бизнес-модель оценки экономической эффективности производства фибробетона // Евразийский юридический журнал. 2019. № 10. С. 414–417.

Банкротство юридических лиц: актуальные причины и динамика

Bankruptcy of Legal Entities: Current Causes and Dynamics

(DOI: 10.34773/EU.2020.5.28)

Н. ТРУШИНА

Трушина Наталья Николаевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической безопасности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. E-mail: b.nat@mail.ru

В статье проведен анализ экономических аспектов функционирования предприятий, выявлена проблема роста неплатежеспособности субъектов хозяйствования в связи с увеличением сумм просроченной задолженности. На основании исследования динамики изменения числа предприятий-банкротов, процедур банкротства предприятий, степени удовлетворений требований кредиторов сделаны выводы о современном состоянии института банкротства в Российской Федерации.

Ключевые слова: задолженность предприятий, банкротство, несостоятельность, процедура банкротства, арбитражные управляющие, удовлетворение требований кредиторов.

The article analyzes the economic aspects of the functioning of enterprises, identifies the problem of increasing the insolvency of business entities due to an increase in the amount of overdue debt. Based on the study of the dynamics of changes in the number of bankrupt enterprises, bankruptcy procedures, and the degree of satisfaction of creditors' claims, conclusions are drawn about the current state of the bankruptcy institution in the Russian Federation.

Key words: enterprise debt, bankruptcy, insolvency, bankruptcy procedure, arbitration managers, satisfaction of creditors' claims.

В современной российской экономике многие эксперты в области политики, предпринимательства, финансов отмечают развитие процессов, которые могут стать угрозой развития новой волны кризиса.

Внешние условия, в которых функционируют сегодня отечественные предприятия, в целом являются неблагоприятными:

- продолжаются торговые войны между странами;
- отсутствует стабильность на нефтяном рынке;
- продолжают действовать антироссийские санкции.

Внутренние условия также содержат в себе определенные трудности для развития бизнеса. Предприятия все чаще отмечают недостаток платежеспособного спроса, сокращение объемов сбыта, низкий уровень кредитования инвестиционных проектов, высокую налоговую нагрузку и пр.

Данная ситуация напрямую отражается в показателях деятельности предприятий. По данным статистики, число зарегистрированных юридических лиц в период 2015–2019 гг. сократилось на 24,12 % (табл. 1). Данный процесс сопровождался ростом доли прибыльных предприятий. Однако важно отметить, что при этом их число в абсолютном выражении существенно сократилось с 3399,4 тыс. до 2812,8 тыс. В рассматриваемом периоде снижается способность предприятий отвечать по своим обязательствам. Устойчивая негативная динамика прослеживается в изменении как суммарной задолженности организаций, так и просроченной, которые возросли на 30,48 % и 64,54 % соответственно.

Среди обстоятельств, определяющих снижение числа юридических лиц, следует отметить работу налоговых органов по выявлению и закрытию фирм-однодневок. При этом не исключается влияние экономической ситуации, характеризующейся высокой степенью неопределенности, часто негативными ожиданиями в бизнесе, экономическими неудачами самих субъектов хозяйствования, ведущими к неспособности расплатиться по своим обязательствам и, как следствие, к банкротству.

Таблица 1

Общая финансовая характеристика деятельности предприятий в РФ [4]

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2019 г. к 2015 г., %
Количество организаций, тыс.	5043,6	4764,5	4561,7	4214,7	3826,9	75,88
в т.ч.						
– прибыльных, %	67,4	74	73,7	66,9	73,5	–
– убыточных, %	32,6	26	26,3	33,1	26,5	–
Суммарная задолженность организаций, млрд руб.	89014,6	91942,3	97671,4	111435,7	116144	130,48
в т.ч.						
– просроченная задолженность организаций	2824,7	3069,2	3124,2	4046,1	4647,8	164,54

Институт несостоятельности (банкротства) является неотъемлемой частью рыночной экономики. Экономический смысл института банкротства организаций отражает объективные

процессы конкуренции в рыночной экономике и заключается в переливе капитала в наиболее доходные сферы, в перераспределении собственности в пользу наиболее эффективных собственников путем исключения из гражданского оборота неэффективных субъектов предпринимательской деятельности с наименьшими потерями для всех лиц, интересы которых затрагиваются при невозможной санации [1].

В течение 2015–2019 гг. число предприятий, признанных банкротами, сократилось с 13 до 12,4 тысяч, или почти на 5 % (рис. 1). Специалисты неоднозначно относятся к данной тенденции. В качестве причин отмечается неэффективность процедуры банкротства, если она имеет цели освобождения от долгов, так как затраты на реализацию достаточно велики, а возвратность долгов низкая. Эффективность процедур для кредиторов, как правило, составляет 3–10 % [3].

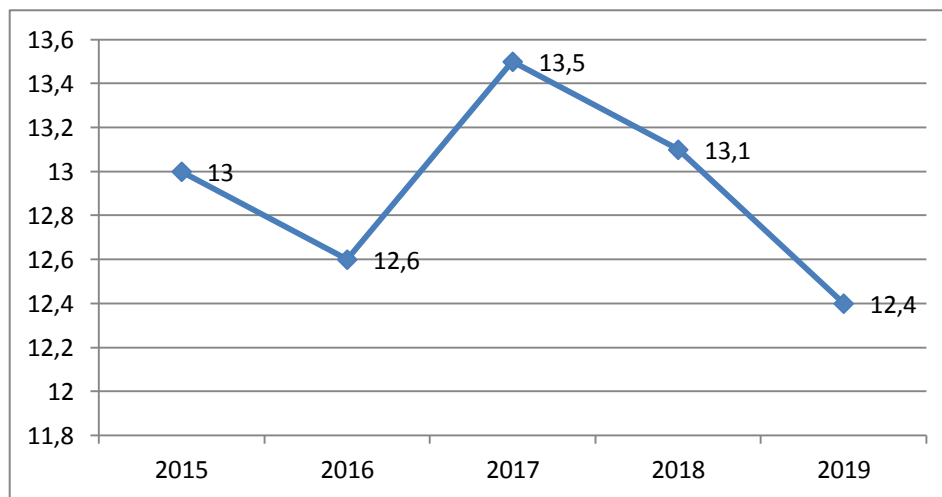

Рис. 1. Количество предприятий, признанных банкротами [5]

В качестве причин банкротства предприятий часто рассматриваются несоответствие системы управления требованиям внешней среды, несоответствие профиля деятельности компании подготовке ее руководства, небольшой опыт управленческого опыта у руководителей, недостаточный опыт в действующей области, неисполнение обязательств, форс-мажорные обстоятельства.

Инициировать процедуру банкротства могут само предприятие-должник, кредиторы, государственные органы (прокуратура и налоговые органы), временная администрация и контрольные органы. По данным за 2019 год, кредиторы выступили заявителями в 78,1 % процедур банкротства, ФНС России – 12,6 %, сами должники – 8,7 %, работники – 0,6 % [5]. Таким образом, как правило, заявителями в делах о банкротстве компаний выступают конкурсные кредиторы. Подача ими заявления о банкротстве является наиболее действенным способом возврата долгов, если предприятие действующее, располагает имуществом и активами, в счет которых кредитор может взыскать долг.

Предприятия-должники также нередко самостоятельно подают заявления о признании банкротом. Цели могут быть различными: приостановление мер взыскания по долгам и получение реальной возможности погасить обязательства, опережение обращения кредиторов за взысканиями по накопившимся долгам, защита от рейдерских атак.

С практической точки зрения, как отмечают арбитражные управляющие, количество реабилитационных процедур с каждым годом сокращается (табл. 2). Так, в 2015 году было реализовано 472 реабилитационные процедуры, в том числе 434 процедуры внешнего управления и 38 процедур финансового оздоровления. По итогам 2019 года их число сократилось до 228 процедур, что составляет всего 1 % от общего числа банкротств.

Статистика показывает, что текущая экономическая ситуация не способствует реабилитации, проще закрыть компанию и создать на ее базе новую [2].

Таблица 2

Динамика числа процедур банкротства предприятий [5]

Количество судебных решений	2015	2016	2017	2018	2019	2019 г. к 2015 г., %
Введено наблюдение, тыс.	10,2	10,5	11,5	10,5	10,1	99,02
Введено внешнее управление, тыс.	0,434	0,372	0,363	0,278	0,209	48,16
Введено финансовое оздоровление, тыс.	0,038	0,052	0,032	0,019	0,019	50,00
Доля реабилитационных процедур, %	2	2	1,5	1,2	1	50,00

Все больше кредиторов не получают ничего в результате банкротства (табл. 3). Эффективность взысканий в пользу кредиторов продолжает снижаться, как показала статистика Федресурса.

Из 7,6 тысяч конкурсных производств, которые были завершены в 2019 году, кредиторы ничего не получили в 68 % случаев. Еще в 37 % случаев у должника отсутствовали какие-либо активы для удовлетворения требований.

Конкурсные процедуры, которые были завершены в прошлом году, показали, что из 2029,9 млрд руб. требований кредиторы получили только 4,7%, 95,3 млрд руб. Ранее показатель был выше: в 2018 г. – 5,2 %, в 2015 г. – 6,3 %.

Таблица 3

Удовлетворение требований кредиторов [5]

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2019 г. к 2015 г., %
Предъявленные требования по завершенным делам, млрд руб.	1121	1647	1866	1990,3	2029,9	181,08
Удовлетворенные требования по завершенным делам, млрд руб.	70	98	103	102,7	95,3	136,14
Доля удовлетворенных требований по завершенным делам, %	6,3	6	5,5	5,2	4,7	74,60
Доля дел, в которых кредиторы ничего не получили по итогам конкурсного производства, %	68	67	67	65	68	100,0
Доля дел, в которых у должника нет имущества, по данным инвентаризации, %	41	41	38	37	37	90,24

Все это происходит на фоне увеличения числа жалоб на арбитражных управляющих (рис. 2).

В течение предшествующего пятилетнего периода их количество увеличилось на 78,1 %. Доля удовлетворенных жалоб составляет около четверти от рассмотренных и имеет динамику к некоторому снижению. Однако в абсолютном выражении число удовлетворенных жалоб возросло более чем на 60 % до 1222 случаев, что в целом не позволяет говорить о каком-либо улучшении ситуации.

Обобщая данные статистики, необходимо отметить, что на сегодняшний день наблюдается низкая эффективность института банкротства в Российской Федерации. Он в недостаточной мере реализует одну из своих основных функций: восстановления финансового состояния должника, а значит, в результате происходят потеря предприятия как источника налоговых поступлений в бюджет, сокращение рабочих мест и уровня занятости населения, возникают финансовые трудности у кредиторов в связи с невозможностью удовлетворения их требований.

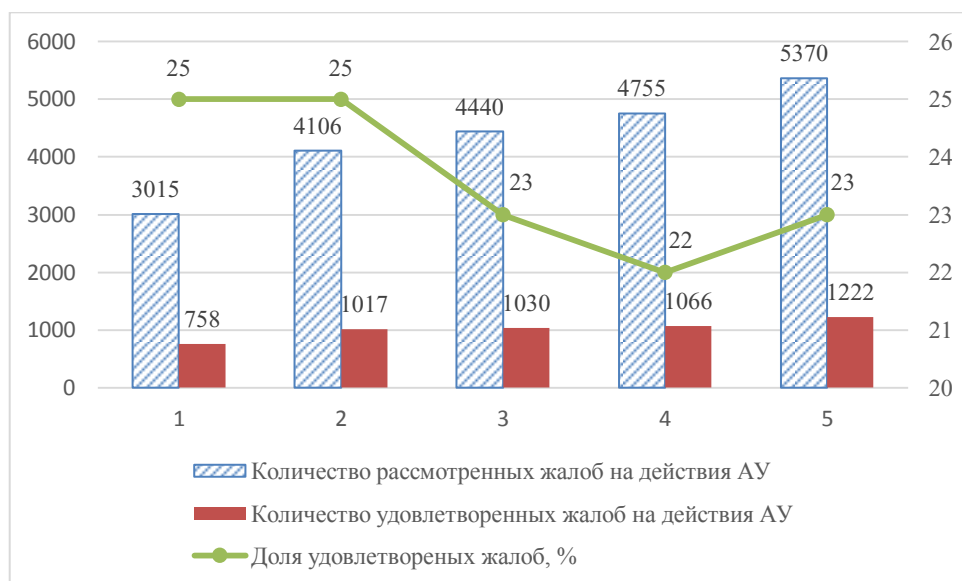

Рис. 2. Деятельность арбитражных управляющих [5]

Проблемы института банкротства различны, но чаще всего связаны с процедурным порядком его проведения, недостаточным развитием инструментов принятия обоснованных экономических решений в ходе процедур банкротства. При этом институт банкротства на современном этапе крайне востребован, так как значительное число предприятий испытывают проблемы с платежеспособностью или являются теми кредиторами, которые не могут получить расчет по имеющимся обязательствам. Таким образом, в связи с важностью и актуальностью института банкротства требуется дополнительного внимания со стороны законодательных органов.

Литература

1. Алексеев М.А., Савельева М.Ю. К вопросу о банкротстве и преднамеренном банкротстве российских предприятий // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 3. Ч. 2. С. 281–302.
2. Кондратьева И. Банкротства на волне: Федресурс представил статистику за первое полугодие [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/213739/>
3. О чем молчат данные банковского сектора [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/other/43512150/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru>
5. Статистические бюллетени ЕФРСБ за 2017–2019 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru>

Социально-психологическое благополучие работников: опыт экспертной параметризации

**Social and Psychological Well-Being of Employees: Experience of Expert
Parameterization (DOI: 10.34773/EU.2020.5.29)**

**Н. ГЛУХАНИЮК, О. КОРОПЕЦ,
М. ЮРТАЕВА**

Глуханюк Наталья Степановна, д-р психол. наук, профессор кафедры управления персоналом и психологии Уральского федерального университета (УРФУ) имени первого президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: profi.n@mail.ru

Коропец Ольга Анатольевна, канд. психол. наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии УРФУ имени первого президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: okor78@mail.ru

Юртаева Марина Николаевна, канд. психол. наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии УРФУ имени первого президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: myurtaeva_82@mail.ru

В статье акцентируется внимание на процедуре экспертной оценки параметров как необходимом условии для создания валидной шкалы измерения социально-психологического благополучия работника. В результате был проведен анализ видов, типов, компонентов благополучия. Установлено, что при относительном постоянстве базовых характеристик их состав динамичен вследствие чувствительности к субъективным установкам и предпочтениям исследователей. Сконструированный проект параметров выступил содержательной основой методики оценки социально-психологического благополучия.

Ключевые слова: социально-психологическое благополучие, профессиональная занятость, параметризация, экспертная оценка.

The procedure of expert evaluation of parameters as a necessary condition for creating a valid scale for measuring the socio-psychological well-being of an employee was focused on the article. As a result, the kind, types, and components of well-being were analyzed. It is established that with the relative constancy of the basic characteristics, their composition is dynamic due to sensitivity to the subjective attitudes and preferences of researchers. The constructed project of parameters served as a substantial basis for the methodology for assessing social and psychological well-being.

Key words: socio-psychological well-being, professional employment, parameterization, expert assessment.

Социально-психологическое благополучие выступает, с одной стороны, целью развития общества, с другой – индикатором глобальных экономических и социальных изменений. Поиск измеряемых валидных параметров благополучия позволит сконструировать методику оценки влияния глобальных экономических и социальных рисков на данный феномен.

Несмотря на разнообразие подходов к благополучию в целом и взрослого работающего человека в частности, практически все они сформированы под влиянием концепций общего субъективного и психологического благополучия личности Э. Динер, К. Рифф [13; 14], а также теории самодетерминации Р.М. Райан и Э.Л. Деси [15]. Поэтому попытки прямого переноса данных моделей в профессиональную сферу в сочетании с различными теориями трудовой мотивации и удовлетворенности не могут учесть различия в отношении занятости, особенностей, характерных для представителей различных возрастных, гендерных, образовательных, профессиональных групп, а также специфики социального и организационного контекста.

В данном исследовании предпринимается попытка определить параметры социально-психологического благополучия работника, применимые для представителей различных групп с целью выявления показателей, отражающих суть данного феномена, и сконструировать на их

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00952.

основе валидный инструмент измерения. Особенно актуальным исследование социально-психологического благополучия становится в ситуации трансформации сферы труда и занятости. Эти изменения сопровождаются глобальными экономическими и социальными рисками, которые могут негативно повлиять на благополучие работников [5]. В частности, в работах ряда авторов доказана связь между использованием цифровых медиа и психологическим благополучием [4]. Рост нестандартной занятости, нестабильность работы также влияют на здоровье и благополучие работников [7; 8]. Определение показателей благополучия работников, границ понятия и степени его субъективности/объективности является в настоящее время предметом особого интереса.

Социально-психологическое благополучие учеными рассматривается как поликомпонентное образование, которое составляет определенную систему показателей внешней среды и внутренних возможностей человека [12]. Понятие «благополучие» в целом имеет как объективные, так и субъективные аспекты, поэтому может быть определено как в экономических и социологических терминах, так в психологических характеристиках. Поэтому в научном сообществе отсутствует единая трактовка данного понятия, но поиски междисциплинарного согласия относительно подходов к исследованию не прекращаются [1; 9]. Наиболее обсуждаемый вопрос связан с определением содержательных границ понятия и выделением измеряемых характеристик благополучия работающего человека [3; 10]. Именно данное направление определяет актуальность междисциплинарных исследований на стыке психологии, экономики труда и управления персоналом.

Цель данной работы – определение параметров и показателей социально-психологического благополучия работников, их экспертная оценка и создание инструмента измерения.

В рамках теоретического исследования использовался системный принцип анализа по единицам, структурный подход, в эмпирической части – семантический (смысловой) анализ текстов и метод экспертной оценки [2].

Исследования благополучия имеют богатую традицию в различных научных областях – экономике, социологии, психологии. Однако в изучении данного феномена существуют определенные проблемы. Во-первых, отмечается разноречивость представлений о показателях социально-психологического благополучия. Во-вторых, имеющиеся теоретические представления о показателях носят предположительный характер и не всегда обоснованы эмпирически. В-третьих, имеющиеся эмпирические данные, полученные в рамках одной из научных отраслей с помощью методов данной науки, весьма противоречивы. В частности, наиболее дискуссионным остается вопрос о содержательных границах понятия и основаниях классификации типов благополучия.

Разработка инструмента измерения социально-психологического благополучия включала реализацию двух задач. Первая – определение теоретико-методологических оснований и предпосылок, в качестве которых выступили системный принцип анализа феномена по единицам, структурный подход, положение об обусловленности состава и структуры социально-психологического благополучия работника условиями профессионального труда. Для выявления структурных элементов проводился анализ текстов как известных теоретических моделей благополучия, так и методик измерения, широко представленных в различных научных отраслях. Работы выбирались по принципу наибольшего цитирования в публикациях по теме социально-психологического благополучия. В анализируемых текстах используются разные термины (виды, индексы, индикаторы, факторы, параметры, показатели благополучия и др.). С целью систематизации характеристик феномена нами предложена и использована схема описания по типу параметров и раскрывающих их показателей.

Проведенный нами анализ позволил выделить характеристики социально-психологического благополучия – их семантическую насыщенность и частоту встречаемости. Выделенные характеристики благополучия были объединены в пять групп, которые и составили основные базовые параметры. В состав параметров были включены содержательные характеристики, обозначенные нами как показатели, эксплицирующие проявления параметров.

Помимо списка выделенных параметров и показателей, была обнаружена различная представленность субъективных и объективных характеристик социально-психологического благополучия. Только третья часть из них приходится на объективные факторы, которые обеспечивают высокие показатели социально-психологического благополучия в целом, а остальные две трети связаны с внутренними, субъективными факторами, опосредованными представлениями человека о собственном благополучии. Таким образом, мы получаем свидетельство того, что социально-психологическое благополучие носит преимущественно интернальный характер и связано с субъективностью понимания феномена самими исследователями.

В результате был создан гипотетический проект параметров социально-психологического благополучия: экономическое, материальное, социальное, профессиональное, психологическое благополучие. Такой параметр, как профессиональное благополучие, был внесен в список исходя из задач исследования. Данный параметр редко встречается в литературе, имплицитно относится к показателям материального и финансового благополучия, которые подразумевают профессиональную занятость человека.

Вторая задача – это проверка обоснованности проекта параметров и показателей с помощью метода групповых экспертных оценок. Авторы использовали стандартную схему экспертизы [6; 11]. Все приглашенные эксперты имели отношение к сфере управления персоналом: собственники бизнеса (2 человека), менеджер по персоналу (1), руководители образовательных учреждений (2: ректор и директор департамента) и исследователи в данной области (2); все кандидаты наук.

Поскольку само понятие и его экспликация распространены в различных контентях и, как было установлено, достаточно субъективны, было принято решение на этапе экспертизы провести дополнительную проверку адекватности мнений экспертов относительно основных параметров. Процедура состояла из двух этапов оценки параметров для идеальной и реальной моделей благополучия и сравнения полученных результатов с помощью коэффициента Спирмена. Полученные данные позволили определить уровень адекватности оценки каждого эксперта. Двое из семи участников экспертной группы продемонстрировали низкую неадекватную оценку, что вполне объяснимо включенностью в исследовательскую и преподавательскую деятельность и высокими требованиями к идеальной модели. Полученный результат касался только ранжирования параметров и не влиял на их содержательную наполненность. Поэтому обработка данных велась с учетом результатов всех экспертов.

Вносимые экспертами предложения относительно изменения в проекте параметров, связанные либо с внесением новых показателей, либо с исключением имеющихся, принимались в качестве достоверных, если за них высказывались четверо из семи экспертов. В результате итоговый перечень параметров был принят всеми экспертами без изменений. Проведенное экспертное оценивание позволило установить иерархию значимости параметров социально-психологического благополучия. Результаты свидетельствуют о том, что наибольший вклад вносят *материальные, социальные и психологические* параметры. Данный факт лишь отчасти согласуется с представлениями о социально-психологическом благополучии в различных моделях. Так, при анализе семантических единиц наиболее представлены в текстах *психологические, социальные, материальные, экономические*, завершают список – *профессиональные* характеристики.

Наиболее значимыми, по мнению экспертов, являются следующие показатели: доходы (4,71); удовлетворенность базовых материальных потребностей (4,71); включенность в социально значимые группы (семья, друзья, профессиональные сообщества) (4,71); удовлетворенность отношениями, жизнью (4,71). Полученный результат отражает основные содержательные характеристики социально-психологического благополучия, включенные в наш проект на основании частоты упоминания в различных источниках, а также наиболее распространенные представления о благополучии как в научном, так и в обыденном сознании.

Наименьшие значения, но находящиеся в пределах выше среднего, получили следующие показатели: наличие профессиональных достижений (3,57); наличие транспортных средств (3,43); вовлеченность в решение организационных задач (3,14); позитивный настрой (3,14). Первые два можно объяснить некоторым изменением представлений об индикаторах социального успеха; вовлеченность – недоверием к современному менеджменту, а вот меньшая значимость позитивного настроения, скорее всего, связана с особенностями российской ментальности.

Таким образом, экспертиза содержания параметров и показателей социально-психологического благополучия позволила установить некоторый разброс их средних значений. Большие значения, по мнению экспертов, имеют материальные, социальные и психологические параметры, однако следует отметить, что их значения несущественно преобладают над значениями экономических и профессиональных. Полученная система показателей и параметров социально-психологического благополучия работника представлена в таблице.

Параметры и показатели социально-психологического благополучия работников

Экономическое (финансовое) благополучие
Доходы
Возможности увеличения доходов (подработка, продвижение, инвестиции)
Понимание и принятие экономической политики организации
Материальное благополучие
Наличие недвижимости
Наличие транспортных средств
Удовлетворенность базовых материальных потребностей
Социальное благополучие
Включенность в социально значимые группы (семья, друзья, профессиональные сообщества)
Владение средствами современной коммуникации (цифровые технологии, иностранные языки)
Социальная мобильность
Профессиональное благополучие
Наличие профессиональных достижений
Удовлетворенность занимаемой должностью, положением в организации
Признание заслуг
Вовлеченность в решение организационных задач
Психологическое благополучие
<i>Когнитивное благополучие</i>
Целостность картины мира
Толерантность к неопределенности
Приверженность собственному опыту
<i>Эмоциональное благополучие</i>
Удовлетворенность отношениями, жизнью
Позитивный настрой
Отсутствие эмоционального дискомфорта (тревожности, выгорания, депрессивных состояний)
<i>Мировоззренческое (душевное) благополучие</i>
Наличие целей, убеждений, смыслов жизни и профессионального труда
Ориентация во времени (неразрывность прошлого, настоящего и будущего).
Здоровье

В результате экспертизы получена содержательно выверенная система показателей и параметров, которую можно использовать как инструмент – лист оценки для изучения социально-психологического благополучия работника.

В настоящее время проводится масштабный эксперимент изучения данного феномена с помощью разработанного листа оценки в приложении Google Forms. Анализ полученных

данных планируется в зависимости от возраста, гендера, уровня образования, профессионального статуса и др. Одновременно ведется сбор данных о глобальных экономических и социальных рисках с целью дальнейшего установления их влияния на благополучие работающего человека.

Литература

1. Бессонова Ю.В. Психологическое благополучие профессионала в экстремальных условиях деятельности // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. 2018. С. 214–251.
2. Дьяченко Е.В. Психологическое содержание успешности педагогической деятельности: квалитетрический подход // Научный диалог. 2014. № 3. С. 7–15.
3. Карапетян Л.В., Глотова Г.А. Психологические детерминанты эмоционально-личностного благополучия российских трудящихся // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 4. С. 8–23.
4. Коропец О.А., Федорова А.Э. Оценка влияния цифровизации на благополучие работников: нарративный анализ // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. 2019. Т. 4. № 4. С. 254–259.
5. Костина Е.Ю. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-blagopoluchie-i-sotsialnaya-bezopasnost-v-usloviyah-globalizatsii-sovremennogo-obschestva>
6. Общая психодиагностика: основы психодиагностики, немедицинской психотерапии и психологического консультирования: учебное пособие / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 80–81.
7. Пеша А.В. Влияние нестандартных форм занятости на физическое и психосоциальное здоровье женщин. Обзор исследований // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2018. № 4. С. 111–125.
8. Тююшева Ю.В., Федорова А.Э. Исследование неблагоприятного влияния прекаризованных трудовых отношений на благополучие работников // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2018. Т. 7. № 3. С. 78–82.
9. Филоненко Ю.В., Яковлева Е.А. Субъективное благополучие научно-педагогических работников современных университетов в рамках концепции баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 68–85.
10. Хашенко В.А. Субъективное экономическое благополучие: измерение и типология. М.: ИГ-СОЦИН, 2011. 247 с.
11. Черепанов В.С. Экспертные оценки в педагогических исследованиях. М.: Педагогика, 1989. 151 с.
12. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. Т. 3. С. 95–129.
13. Brim O.G., Ryff C.D., Kessler R.C. (ed.). How healthy are we? A national study of well-being at midlife. University of Chicago Press, 2019.
14. Diener E. Subjective well-being // The science of well-being. Springer, Dordrecht, 2009. Pp. 11–58.
15. Ryan R.M., Deci E.L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being // Annual review of psychology. 2001. № 1. Pp. 141–166.

Политический режим неопринципата: циклы транзита власти

Neo-Principle Political Regime: Cycles of Power Transit (DOI: 10.34773/EU.2020.5.30)

Р. ЛАТЫПОВ

Латыпов Рустем Фаридович, д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: rustemoktadm@mail.ru

Объектом статьи является «неопринципат» – особый тип политического режима с лидерской структурой, сложившийся в большинстве государств постсоветского пространства. Предметом исследования выступает политический процесс транзита верховной власти в государствах с режимом неопринципата.

Ключевые слова: неопринципат, транзит власти, майдан в Белоруссии, политический режим, политическая система России, национальная российская политология.

The object of the article is «neo-principle» – a special type of political regime with a leadership structure that has developed in most states of the post-Soviet space. The subject of this research is the political process of the transition of supreme power in states with a neo-principled regime.

Key words: neo-principle, transit of power, maidan in Belarus, political regime, political system of Russia, national Russian political science.

В 2014 г. на страницах публикации в научном издании «Власть», в рамках проекта «Национальная российская политология», мы сформулировали проблему научного конструирования работающей модели политической системы и политического режима, сложившегося в большинстве государств постсоветского пространства [1].

Авторы выдвинули тезис о том, что существующие в современной западной политологии описательные модели политических режимов носят характер идеологических конструктов холодной войны. Данные продукты англо-саксонской политологии не только не в состоянии прогнозировать развитие политических процессов на постсоветском пространстве, но и являются фактором, затрудняющим его научное понимание.

В связи с этим исследователями «предложена идеологически нейтральная авторская классификация политических режимов, представленная двумя базовыми типами – полигархией и неопринципатом. Полигархия как режим конкурирующих между собой двух и более олигархических элит свойственна государствам Запада. Режим неопринципата – режим олигархий с лидерской структурой – получил развитие в странах альтернативного Западу Модерна, в том числе на постсоветском пространстве» [1, 44].

Как и любая другая политическая система, неопринципат в своем развитии проходит стадии циклических кризисов. В отличие от монархии с институционализированной передачей власти по наследству, либеральной демократией с электоральными процедурами, транзит власти в режиме неопринципата – это всегда кризис, который может разрушить политическую систему. В политической системе неопринципата кандидатура на пост главы государства определяется консенсусом между наиболее влиятельными элитными группами в стране. Иногда негласно используется внешний арбитраж. В частности, после смерти президента Узбекистана И. Каримова узбекские элиты прибегли к посредничеству Президента Российской Федерации В.В. Путина. В дальнейшем решение, принятое на внутриэлитном консенсусе, легитимизируется в ходе формальных электоральных процедур, полностью управляемых правящим классом.

Должность главы государства не ограничена по срокам, но не передается по наследству. Пожизненное правление допускается, но не гарантируется. Основанием для прекращения полномочий главы государства может служить его смерть, состояние здоровья или изменение

баланса сил внутри правящей элиты. Например, по состоянию здоровья в 1999 г. покинул свой пост президент Российской Федерации Борис Ельцин. По возрастным основаниям правящая элита Республики Казахстан в 2018 г. начала транзит власти от Нурсултана Назарбаева. Физическая смерть прервала полномочия президента Узбекистана Ислама Каримова. Изменение расстановки сил в правящем классе Российской Федерации, во многом связанное с обострением отношений со странами НАТО, инициировало реверсивный транзит власти от президента Дмитрия Медведева к Владимиру Путину в 2012 г.

Транзит власти режима неопринципата на постсоветском пространстве в течение 30 лет реализовывался по следующим сценариям:

1 сценарий. Транзит власти осуществляется при жизни действующего президента под его непосредственным контролем (Российская Федерация): Б.Н. Ельцин – В.В. Путин (1999 г.), В.В. Путин – Д.А. Медведев (2007 г.), Д.А. Медведев – В.В. Путин (2012 г.); Г.А. Алиев – И.Г. Алиев, 2003 (Азербайджан), Н.А. Назарбаев – К-Ж. К. Токаев, 2017 (Казахстан).

2 сценарий. Власть переходит к преемнику после физической смерти действующего президента: И.А. Каримов – Ш.М. Мирзиёев, 2016 г. (Узбекистан), С.А. Ниязов – Г.М. Бердымухамедов, 2007 г. (Туркменистан).

Анализ реализации данных сценариев позволяет сформулировать определенные закономерности, четко выраженные в большинстве случаев.

Первая закономерность. В обоих сценариях в роли преемников, как правило, выступали действующие председатели правительства государств. Исключение составили Д.А. Медведев и Г.М. Бердымухамедов, занимавшие должности заместителей премьер-министров.

Вторая закономерность. За исключением Азербайджана, ни в одном из государств власть не была передана по наследству. Попытка туркменбаши С.А. Ниязова объявить себя «шахом», то есть ввести наследственную монархию, наткнулась на открытое сопротивление правящих кланов Туркменистана и была снята с политической повестки дня.

Во всех случаях транзита власти вследствие физической смерти главы государства члены семьи экс-лидера подвергались остракизму и даже репрессиям. В настоящее время семья туркменбаши С.А. Ниязова проживает в вынужденной эмиграции, а дочери И.А. Каримова лишены свободы по обвинению в коррупции.

Политический транзит для режима неопринципата является точкой бифуркации, когда политическая система максимально неустойчива. Именно поэтому внутренние и внешние интересанты, как правило, заранее готовятся к ожидаемому событию смерти или отставки действующего лидера. В качестве движущих сил такого кризиса выступают: отдельные группы правящего класса, которые считают, что навязываемый им новый консенсус не отвечает их интересам; внешние силы в лице США, ЕС и транснациональных корпораций, а также сетевые политические структуры.

Режим неопринципата отнюдь не является самой эффективной моделью государственного управления апробированным человечеством. Он имеет очевидные для граждан недостатки: экономическую неэффективность, клановый характер всех разновидностей элит, следствием чего является высокий уровень социального расслоения, коррупции и отсутствие карьерных лифтов для граждан, не включенных в кланы и клиентелы. Для потенциальной контрэлиты крайне острой проблемой является практически полное отсутствие публичной политики, реальной, а не постановочной конкуренции на электоральном поле.

Политическая история постсоветского пространства изобилует примерами, когда транзит был сорван внутренней олигархической фрондой при поддержке из-за рубежа. Насильственное свержение режима неопринципата объединенными силами внутриэлитной фронды, поддержанной коллективным западом: Э.А. Шеварнадзе, 2003 (Грузия), В.Ф. Янукович, 2004, 2013 (Украина), А.А. Акаев, 2005 (Киргизия), С.А. Саргсян, 2018 (Армения).

Результатом произошедших переворотов стало установление на этих территориях так называемых «ассоциативных государств» – неокolonий с прямым управлением со стороны США и ЕС.

Несмотря на региональную специфику, «черный лебедь» майдана также имеет общие закономерности. *Первая закономерность* – технология перехвата политического управления на

этапе легитимизации транзита на формальном, но обязательном этапе – выборах главы государства.

Вторая закономерность – сохранение власти уже сложившегося истеблишмента на условиях ограниченного суверенитета, а отнюдь не провозглашаемая победа «народа» и «демократии». Многовековой опыт колониальной эксплуатации стран Азии и Африки говорит о том, что колонизаторы всегда опираются на места на туземных вождей и знать, а не на «широкие народные массы». Именно поэтому надежды групп молодых людей, неизменно составлявших костяк активистов майданов, на быструю политическую карьеру в результате «революции» оказались несостоятельными.

Третья закономерность – крах надежд на решение проблемы коррупции новыми властями под контролем Запада. Коррупция является одним из инструментов неокOLONиализма и частью механизма политического контроля транснациональных корпораций над правящими элитами незападных стран. Поэтому ни США, ни ЕС не заинтересованы в сокращении масштабов коррупционных практик в ассоциативном государстве, несмотря на все громкие заявления в медийном поле. От коррупционной ренты были освобождены западные ТНК, но не коренное население. В свою очередь, победившая в ходе государственного переворота компрадорская элита, несмотря на то, что борьба с коррупцией являлась осевой идеей всех майданных политических компаний, не снимала, а, напротив, усиливала коррупционный прессинг на собственных граждан для того, чтобы компенсировать выпавшие доходы. Достаточно вспомнить, что в 1991 г. кандидат на пост президента РСФСР Б.Н. Ельцин строил свою избирательную кампанию на борьбе с коррупцией и неравенством в потреблении между большинством граждан и номенклатурными работниками ЦК КПСС.

Четвертая закономерность – ускоренная деградация экономики и социальной сферы. Анализ последствий «оранжевых» переворотов полностью разбивает политический миф о так называемом «европейском выборе». Страны победивших «оранжевых революций» не получили не только членства в Евросоюзе, но и европейских инвестиций и рынков для сбыта товаров. Практика еще раз подтвердила, что ни США, ни ЕС не заинтересованы в высокотехнологичном промышленном развитии постсоветских государств. Все усилия западных экспертов и политически мотивированные кредиты МВФ были направлены на ускорение процесса деиндустриализации стран, «выбравших свободу», и дальнейшую деградацию их человеческого потенциала.

Пятая закономерность – центробежные тенденции. Утеря суверенитета над частью территорий является спутником любого «оранжевого переворота». Так, Грузия в результате «революции роз» полностью утратила суверенитет над Абхазией и Южной Осетией, Украина лишилась Крыма, а также потеряла контроль над частью Донецкой и Луганской областей. В Киргизии обострились межэтнические конфликты в Ферганской долине. Армения получила обострение обстановки вокруг Нагорного Карабаха с трудно прогнозируемой логикой дальнейшего развития событий.

То есть анализ существующих трендов говорит о том, что перед населением постсоветского пространства не стоит дилемма так называемого «европейского выбора». Выбор предстоит делать между неопринципатом и ассоциативным государством – с прямым управлением из-за рубежа.

30 лет постсоветского развития предоставляет исследователю определенную статистику, анализ которой позволяет сделать вывод о закономерности и цикличности кризисов транзита. В качестве единиц анализа мы не берем страны Балтии, где режим неопринципата не сложился. Также выводится за рамки анализа транзит власти в России 1999 г. и Азербайджане, так как на раннем этапе режим неопринципата окончательно не сформировался. Ассоциативные режимы Украины и Грузии с прямым неокOLONиальным управлением со стороны США также не могут рассматриваться в качестве единиц анализа, так как начавшийся процесс формирования режимов неопринципата был насильственно прерван в результате внешнего вмешательства. В качестве переменных мы взяли сформировавшиеся режимы неопринципата, которые осуществили или пытались осуществить транзит власти или переживают острую фазу кризиса перехода.

Годы президентских полномочий: С. Саргсян (Армения) – 10 лет правления; С. Ниязов (Туркмения) – 16 лет; А. Акаев (Киргизия) – 17 лет; А. Лукашенко – 25 лет; И. Каримов – 25 лет; Н. Назарбаев – 28 лет.

В результате мы имеем разброс значений от 10 до 28 лет. Среднее арифметическое значение сроков правления – 20,1 год. Медианное значение – 21 год, модальное значение – 25 лет. Это позволяет сформулировать гипотезу о двадцатилетних циклах кризиса неопринципата. На наш взгляд, в основе двадцатилетнего цикла лежат следующие факторы:

1. Должность главы государства достигается в возрасте около 50 лет. Ближе к 70 годам начинает играть роль фактор физической и интеллектуальной дееспособности. Не будем забывать, что предельный возраст нахождения на высших должностях государственной службы в 70 лет был установлен далеко не случайно.

2. За 20 лет происходит не только «смена поколений» граждан, но и возрастная ротация правящего класса. В результате лидер перестает коммуницировать с молодыми элитариями «на одной волне», в одном ценностном и смысловом поле.

3. За двадцать лет самым радикальным образом трансформируются политические интересы правящего класса, которые были положены в основу действующего консенсуса. Агрегируется и артикулируется новый консенсус, воплощать который будет «новое лицо».

Если в основе белорусского консенсуса президента А. Лукашенко 1994 года лежала потребность в сохранении и развитии промышленности и инфраструктуры Белоруссии как единственной ресурсной базы белорусской элиты, то к 2020 году в политическую повестку дня был внесен вопрос о «приватизации» (а точнее – безвозмездном присвоении правящим классом национальной собственности) промышленных объектов. Именно изменения интересов правящего класса стали главными причинами массовых беспорядков в Минске летом 2020 года, тогда как фактор внешнего вмешательства играл хотя и важную, но второстепенную роль.

На основе проведенного нами анализа мы пришли к следующим выводам:

1. Опыт России 1999, 2007 и 2012 гг., Казахстана 2017 г. показывает, что наименьший риск для политической системы несет управляемый процесс политического транзита. Глава государства передает полномочия преемнику поэтапно, сохраняя за собой часть контрольных функций по принципу дуумвирата или «тандема». Как правило, преемник рекрутируется с высших постов правительства – премьер-министра, вице-премьера.

2. Затягивание передачи власти за пределы транзитного цикла (20–25 лет) несет в себе риски острого политического кризиса, с гражданскими столкновениями, падением качества жизни, утраты суверенитета над частью территории и даже, в случае вмешательства внешних сил, распаду политической системы. Исходя из этой закономерности, серьезное беспокойство на постсоветском пространстве вызывает Таджикистан с президентом Э. Рахмоновым, чей срок правления превысил 25 лет.

3. Успешное решение проблемы транзита зависит не только от внешнеполитических факторов и внутриэлитных процессов. Большое значение имеет экономическая эффективность режима, его способность повысить качество жизни, чем создать себе легитимность в глазах граждан – избирателей, насколько бы управляемый характер ни носили электоральные процедуры.

4. Восстановление каналов политической мобильности имеет едва ли не решающее значение для сохранения равновесия режимов неопринципата. Если бизнес в США или ЕС для реализации своих лоббистских интересов финансирует перспективных политиков из среднего класса, то на постсоветском пространстве бизнесмен или топ-менеджер занимает депутатское кресло сам. В результате средний класс и неэлитная молодежь отчуждаются от политики и могут реализовать свои политические амбиции только в рядах майданного движения.

Литература

1. Лаврентьев С.Н., Латыпов Р.Ф. Неопринципат как модель политического режима на постсоветском пространстве // Власть. 2014. № 11. С. 44–48.
2. Курносов Ю. Аналитика и разведка. Размышления персонала. М.: ООО «РИТМ», 2020. 392 с.
3. Шарма Р. Взлеты и падения государств. М.: АСТ. 592 с.

Конфликт vs конкуренция: к вопросу о механизмах регулирования, устойчивости и изменчивости рыночного порядка экономики

Conflict vs Competition: on the Issue of Regulatory Mechanisms, Stability and Variability of the Market Order of the Economy

(DOI: 10.34773/EU.2020.5.31)

О. АЛЕКСЕЕВ

Алексеев Олег Александрович, канд. филос. наук, доцент кафедры социологии труда и экономики предпринимательства Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: aleksoa@yandex.ru

Формализованный анализ понятий «конфликт» и «конкуренция» вскрывает подмену оснований современного экономического дискурса о механизмах регулирования, устойчивости и изменчивости рыночного порядка экономики. Продуцирование конфликтных трактовок механизма перехода неравновесной экономики к новому глобальному порядку сигнализирует о смене экономической парадигмы, в которой определяющая роль динамизирующего фактора отводится конфликту.

Ключевые слова: конфликт, конкуренция, конкурентоспособность, сотрудничество, конкурентный порядок рынка.

A formalized analysis of the concepts of «conflict» and «competition» reveals the substitution of the foundations of modern economic discourse on the mechanisms of regulation, stability and variability of the market order of the economy. The production of conflicting interpretations of the mechanism of transition of an unbalanced economy to a new global order signals a change in the economic paradigm, in which the defining role of the dynamizing factor is assigned to conflict.

Key words: conflict, competition, competitive power, cooperation, competitive order of the market.

Понятия «конфликт» и «конкуренция» достаточно давно вошли в понятийный аппарат социальных наук. По сути, их можно считать производными от основного концепта – «социальный порядок», базовые представления о котором сформировались в переходный период в истории Европы от традиционного типа общества к современному. С тех пор поиск путей и средств формирования и поддержания стабильного общественно-политического и экономического «порядков» стал основополагающей проблемой для всех социальных наук. Толкотт Парсонс отметил Томаса Гоббса как первого из тех, кто задался вопросом: как возможно существование общества и организованной общественной жизни, если «естественным» состоянием отношений людей друг к другу является «война каждого против всех»? Именно как «войну», или, точнее, как «тотальный конфликт» описывал Гоббс состояние «безнормности» (отсутствия единых нормативных регуляторов) в обществе. Общество, как пытался доказать Гоббс, появляется там, где появляется общая власть (государство), принуждающая людей к миру, только тогда «естественное» состояние сменяется «гражданским». А. Смит предложил другой вариант решения проблемы «порядка», который на основе свободной конкуренции индивидов при реализации своих частных экономических интересов «естественным» образом («невидимая рука провидения») устанавливается в обществе. По сути, концепты «конфликта» и «согласия», которые имеем в исходной «гоббсовской» постановке задачи о социальном порядке, у А. Смита заменены на концепты «конкуренции» и «спонтанного рыночного порядка» (в формулировке Ф. фон Хайека).

Таким образом, с подачи А. Смита конфликт как фактор, излишний для рыночной экономики, с самого начала был вынесен за рамки предмета экономической науки. При этом понятие конкуренции стало одним из ее основополагающих концептов, объясняющих механизм стремления к рыночному равновесию [4, 285]. Получившие развитие на этой основе «теории конкуренции» так или иначе встраивают ее как неотъемлемый элемент или же атрибут рынка. По сути, понятия «рынок» и «конкуренция» в них отождествляются. «Конкуренция» фактически

сводится к термину, входящему в ту или иную формулировку, определяющую модель «строения рынка» [3]. В данной трактовке конкуренция (рынок) лишена внутренних факторов динамики и может изменяться только под влиянием «внешних» (внерыночных) факторов («статический подход»).

Альтернативный подход, который можно обозначить как «динамический», рассматривает конкуренцию в качестве «движущей силы» развития экономики и внутреннего фактора ее изменения. Следует отметить, что объединяемые «динамической трактовкой» различные представители экономических школ и здесь расходятся в понимании содержания и сущности конкуренции. Например, «марксистская школа» по существу сводит «конкуренцию» к «конфликту». С позиции так называемого «критического реализма» (в неомарксистском варианте), «социальные конфликты пронизывают экономику и являются способом ее существования» [12]. Соответственно, «конкуренция» рассматривается ими как форма, производная от социального («классового») конфликта, а рынок, равно как и все сферы экономических отношений, являются «аренами», на которых разыгрываются скрытые или явные противоборства.

В отличие от «маргинального» (к которым относят «марксизм»), для других экономических школ и направлений, конкуренция – имманентный фактор, стимулирующий экономический рост и развитие. Й. Шумпетер определял рыночную конкуренцию как инновационный механизм, выполняющий функцию «созидательного разрушения» [10]. Вершиной функционального подхода к анализу конкуренции явилось обоснование Ф. фон Хайеком концепта «конкурентного порядка», формируемого посредством института частной собственности, свободы контрактов и других механизмов «свободного рынка» [8].

Таким образом, можно говорить о господствовавшем долгое время индифферентном отношении экономической теории к проблеме конфликта, выразившемся в доминировании своеобразной парадигмы «бесконфликтности». И лишь в 1960-е гг. в экономической науке конфликты были «открыты заново», так что до недавнего времени экономисты считали данное направление для себя новым. Нельзя сказать, что неоклассическая теория, акцентируя основное внимание на проблеме «равновесия», полностью устранилась от рассмотрения конфликтов в экономике. Тем не менее, долгое время исследования конфликта были в основном представлены формально-логическими и математическими «упражнениями» в рамках «теории игр» и «теории рационального выбора» в отрыве от решения реальных экономических проблем. Считается, что основы современного экономического анализа конфликтов, объединяющие «теорию игр» с «теорией рационального выбора», нашли отражение в работах Томаса Шеллинга, Кеннета Боулдинга, Гордона Таллока и др. В качестве ранних первоисточников указываются работы Ф. Эджворта, Г.В. Лейбница и А. Курно. Томас Шеллинг (лауреат Нобелевской премии по экономике совместно с Робертом Ауманном в 2005 г. «за вклад в лучшее понимание конфликта и сотрудничества с помощью анализа в рамках теории игр») исходит из того, что «большинство конфликтных ситуаций – это, по существу, ситуации торга» [16].

Обоснование конфликта в качестве одной из форм экономической активности в рамках более широкого понимания конкуренции выявляет методологическую установку экономической теории на «рационализацию» и «утилитаризацию» конфликтного действия с целью встраивания его в конкурентный механизм функционирования рынка. Экономическая теория пытается обосновать конфликт как экономически рациональное действие, определяя его, хотя и как маргинальную (предельную) форму конкуренции, но, тем не менее, лежащую в области рационального выбора, а значит, в определенной мере поддающуюся регулированию и трансформации.

Последователи данного подхода, значительно расширив понимание конфликтного действия («темной стороны силы», по выражению Дж. Хиршлейфера [13]) – от прямого насилия и захвата чужой собственности до латентных форм, где принуждение и ответные оборонительные действия предполагаются и учитываются сторонами как возможность или потенциальная угроза, которая в любой момент может осуществиться, – от исходной трактовки «конфликта» как «соперничества за ресурсы» («конкуренции») не отказались. «Конкуренция принимает более

интенсивную форму, которую мы называем конфликтом, – подчеркивает Дж. Хиршлейфер, – когда участники стремятся вывести из строя или уничтожить оппонентов или даже преобразовать их в ресурсы» [9, 146].

Несмотря на попытки сблизить концепты «конкуренции» и «конflikта», которые нам демонстрирует «новая расширяющаяся область экономического знания» [14], следует ли безоговорочно признать, что речь идет об одной сущности в разных формах проявления? Если нет, тогда в чем их принципиальное отличие, позволяющее им выполнять столь разные роли в обосновании механизмов устойчивости и изменчивости экономического порядка?

Первую «зацепку» для различения «конкуренции» и «конflikта» дает Макс Вебер. Он указывает на принципиальное отличие конкуренции с точки зрения применяемых методов и средств – применение «мирных» способов борьбы. «Мирная» борьба, отмечает М. Вебер, называется «конкуренцией», если она ведется как «формально мирное состязание за конкурентные преимущества». И далее, «конкуренция называется “регулируемой конкуренцией”, если по своим целям и средствам она ориентирована на некоторый порядок» [2]. Как видим, М. Вебер также подразумевает необходимость некоего «порядка», который диктует соответствующую форму регулируемой конкурентной «борьбы», «привязанной к порядку рынка». Последнее уточнение, на наш взгляд, более значимо, нежели акцент на «ненасильственном контроле» над ресурсами, отличающем «экономическое действие» от других форм «социального действия» [6]. Важно понимать, в какой мере применяемые средства конкуренции адекватны рыночному механизму функционирования экономики. Ведь современные экономические конфликты могут быть реализованы посредством высокотехнологичных ненасильственных методов, но при этом с не менее разрушительным эффектом для конкурирующей стороны. «Экономическая блокада» и «эмбарго», «торговые войны» и «экономические диверсии» хорошо известны по крайней мере с VIII в. и, как правило, предшествовали прямым военным действиям. Современные эвфемизмы типа «экономические санкции» пытаются «старое» выдать за «новое». Но это те же средства из набора «экономической войны». «Экономический конфликт», как и «конкуренция», также определяется конкурирующими экономическими целями и интересами, но отличается «неразборчивостью» в средствах. Современный «экономический конфликт» может быть связан с политическим шантажом, «рейдерскими атаками», «промышленным шпионажем» и «информационной войной». Вряд ли что-то из этого перечня можно отнести к средствам, адекватным понимаемому в экономической теории «рыночному порядку конкуренции». Конкуренцию следует считать адекватной формой экономического взаимодействия, если не только цели являются экономическими (максимизация дохода, прибыли), но и средства соответствуют принятой в рамках рыночного порядка экономической технологии ведения бизнеса. Отсюда соответствующими ей способами наращивания конкурентоспособности являются, например: инвестирование в новую технику, наукоемкие технологии, профессиональные компетенции персонала; совершенствование архитектуры бизнеса и т.п. [1, 22].

Предложенная еще в 50-е годы XX в. американскими социологами Р. Макком и Р. Снайдером модель для идентификации конфликта фиксирует его как «особого рода отношение взаимодействия между сторонами», которое отличает ряд признаков, которые, по их мнению, являются его неотъемлемыми (атрибутивными) характеристиками конфликта [13]. Проведенное на их основе сравнение атрибутивных признаков уже для трех основных форм социального взаимодействия – «конflikt», «конкуренция», «сотрудничество» – позволяет схватить суть различий между конfliktом и конкуренцией (см. табл.).

Безусловно, для установления сущностных различий формализованный анализ должен быть дополнен содержательным анализом. Но уже на уровне контент-анализа, имея набор формализованных признаков, получаем возможность обнаружить подмену оснований экономического дискурса, разворачивающегося сегодня по вопросам «современного понимания конкуренции» и «формирования нового глобального экономического порядка». Многие авторы, рассуждая о конкуренции в XXI веке, исходят из совершенно иной парадигмы взаимодействия контрагентов, нежели ранее. Так, Ю.В. Тарануха считает необходимым выводить понятия

«конкуренция» и «конкурентоспособность» из «сознательного стремления конкурентов к завоеванию превосходства над соперниками посредством ограничения их возможностей». Следовательно, заключает автор, «конкурентоспособность должна пониматься как способность ограничивать возможности соперников». Подлинный объект борьбы – «распределение созданной стоимости в свою пользу» [7]. На наш взгляд, указанный автор пытается осуществить «ребрендинг» конкуренции, используя один из атрибутивных признаков конфликта, а именно препятствующий, блокирующий характер действий. Подобные трактовки «размывают» понимание конкуренции как экономического действия, по сути подменяя конкуренцию конфликтом. Впрочем, указанные характеристики вполне справедливы в отношении глобальной конкуренции.

Сопоставление атрибутивных характеристик основных форм социального взаимодействия: конфликта, конкуренции и сотрудничества

Конфликт	Конкуренция	Сотрудничество
Соотнесенность целей (интересов) сторон взаимодействия		
противоположность целей	противоречивость целей («единство и противоположность»)	согласованность или взаимная дополняемость целей
Характер взаимодействия (действий сторон)		
препятствующий, блокирующий характер (несовместимость действий)	«соревновательный» характер действий по формуле: «обогнать – перегнать»	согласованность действий
индивидуализированный	индивидуализированный	совместный
непосредственный	опосредованный	непосредственный
временный	постоянный	временный
Характеристики результативности взаимодействия		
максимальная разница в результативности с противоположной стороной (максимально возможная выгода ценой максимальных издержек для противоположной стороны)	максимизация собственной выгоды вне зависимости от выгоды другой стороны	взаимовыгодный или приемлемый результат
намеренность ущерба контрагенту	ненамеренность ущерба контрагенту	исключение возможности ущерба сотрудничающей стороне
наращивание социальной силы («власти»)	наращивание конкурентоспособности	наращивание доверия

Более корректным, на наш взгляд, является подход, в рамках которого не отождествляются конфликт и конкуренция, но исходящий из возможностей перехода конкуренции в конфликтную форму и даже смешения форм конфликта и конкуренции в одной конкурентной стратегии. «Экономисты нуждаются в новом классе моделей, предназначенных для исследования экономической активности в “тени конфликта”, – считает Ч. Андертон, – где производство, обмен и присвоение переплетены друг с другом. Так что чистые рыночные и чистые конфликтные модели будут частными случаями этих новых интегрированных моделей» [11, 166–167]. Вполне оправдано говорить о смешанном характере конкуренции (где конфликт присутствует потенциально в виде угрозы, актуально или в латентной форме) применительно к реальным процессам конкуренции, но это не означает бесполезности формальных моделей в качестве инструментов анализа, принципиально разводящих «конфликт» и «конкуренцию», во избежание подмены понятий.

В современном экономическом, особенно геополитическом дискурсе подобные подмены становятся общим местом. Ярким примером могут служить аналитические доклады RAND Corporation последних лет, которые в своих рекомендациях исходят из «нового понимания» характера конкуренции в современную эпоху. В одном из недавних докладов «Перенапряжение России: конкуренция с выгодных позиций» (2019 г.) предлагается взять на вооружение стратегию «изматывания России и выведения ее из равновесия» путем использования слабых мест в экономике и обременения дополнительными издержками. Поскольку есть сомнения в эффективности традиционных мер по сдерживанию экономического развития России, предлагается вводить «более глубокие торговые и финансовые санкции». На наш взгляд, это говорит

о переходе к конфликтному режиму управления глобальной конкуренцией, поскольку собственно экономические способы преодоления системного мирового кризиса и сохранения прежней системы доминирования исчерпаны. Норма прибыли падает во всей глобальной экономике. Инновации перестают оказывать заметное влияние на ее рост. Инновационные процессы просто не успевают за потребностями «перекредитованной» экономики – вводить в оборот новые товары и услуги, способные подстегнуть потребительский спрос и заставить ее работать. Вместо инноваций в механизм «неравновесной экономики» [5] пытаются встроить конфликт как «возмущающий фактор», динамизирующий конкуренцию. Попытки осуществить «перезагрузку» мирового экономического порядка демонстрируют готовность «глобальных игроков» усилить конфликт на всех уровнях и направлениях как инструмент перераспределения мировых сил и ресурсов, используя «присваивающую» функцию конфликта в своих интересах, для повышения своей «конкурентоспособности», и «отягощение издержками» – в отношении конкурентов. Однако замена «шумпетерианского» механизма «творческого разрушения» конфликтным механизмом конкуренции усиливает риск потери управляемости при переходе к новому глобальному порядку с высокой вероятностью попадания в область «гоббсовского» решения.

Литература

1. Алексеев О.А. Стоимостное противоречие предпринимательства: системные и ценностно-мотивационные основания разрешения и созидания // Актуальные проблемы труда и капитала: монография. Прага: Изд-во Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. С. 16–24.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. 424 с.
3. Гальперин В.М., Игнатъев С.М., Моргунов В.И. Микроэкономика. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 2. 503 с.
4. Милгейт М. Равновесие: развитие концепции // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена: Пер. с англ. / науч. ред. чл.-корр. РАН В.С. Автономова. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 285–294.
5. Нусратуллин В.К. О функциональном потенциале неравновесной экономической теории // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2011. № 6. С. 42–49.
6. Радаев В.В. Что такое экономическое действие? // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 18–25.
7. Тарануха Ю.В. Микроконкуренция: содержание и механизм действия // Вестник Санкт-петербургского университета экономики. 2017. Т. 33. Вып. 2. С. 188–213.
8. Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Международная экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 6–14.
9. Хиршлайфер Дж. Конфликты и их урегулирование // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла и др. М., 2004. С. 146–156.
10. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В.С. Автономова. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
11. Anderton C.H., Anderton R.A., Carter J.R. Economic activity in shadow of conflict // Economic Inquiry. 1999. Vol. 37. Issue 1. Pp. 166–179.
12. Conflict in Economics / Ed. by Y. Varoufakis, D. Yang. Hemel Hempstead, 1990. VII. 183 p.
13. Hirshleifer J. The dark side of the force: Economic foundations of conflict theory. Cambridge University Press. 2001. VIII. 357 p.
14. Hirshleifer J. The expanding domain of economics // The American Economic Review. 1985. № 75 (6). Pp. 53–68.
15. Mack R.R., Snyder R.S. The Analysis of Social Conflict – Toward an Overview and Synthesis // The Journal of Conflict Resolution. 1957. Vol. 1. № 2. Pp. 218–219.
16. Schelling T.C. The Strategy of Conflict. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1960. 309 p.

Инвестиционный потенциал как результат социального благополучия региона

Investment Potential as a Result of Social Well-Being of the Region

(DOI: 10.34773/EU.2020.5.32)

М. ХАМУРАДОВ, И. МУЦИЕВ

Хамурадов Мовсар Ахметпашович, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и кредита Чеченского государственного университета (ЧГУ). E-mail: urusmartan1@yandex.ru

Муциев Ильяс Салманович, магистрант Института экономики и финансов ЧГУ

Актуальность данной темы обусловлена ключевым значением инвестиций в развитии экономики страны. В настоящей статье рассматриваются понятие «инвестиционная привлекательность», его составляющие компоненты – потенциал и риск. Затрагивается вопрос взаимосвязи инвестиционного потенциала с уровнем жизни населения регионов, дается характеристика сущности потенциала и риска в рамках инвестиционной политики и анализируется рейтинг инвестиционной привлекательности регионов РФ.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал, инвестиционный риск, социально-экономическое развитие, социальное благополучие региона.

Actuality of this theme is conditioned the key value of investments in development of economy of country. This article discusses the concept of «investment attractiveness», its components – potential and risk. Address the question of the relationship of investment potential with the level of life of population of regions, is a characteristic of the essence of the potential and risk within the investment policy and examines the rating of investment attractiveness of Russian regions.

Key words: investment attractiveness, investment potential, investment risk, socio-economic development, social prosperity of the region.

Инвестиционная деятельность является важным аспектом экономической деятельности любого государства. Достижения человечества, сопровождаемые историческим развитием, наполненным различными событиями – столкновениями культур и цивилизаций, переменами в отношении между людьми и природой, на сегодняшний день сформировали сложную систему, в которой живет современный человек.

Потребность в саморазвитии и обеспечении себя многочисленными благами стало первым шагом к зарождению общественности. Общество существует, объединяясь в государства и развивая свои отношения внутри него, через взаимодействие членов этого общества друг с другом. Благополучие общества, безусловно, зависит от условий, в которых оно живет. Чем лучше жизненные условия, тем лучше чувствует себя общество.

В настоящей статье рассматривается влияние инвестиционной привлекательности на жизнь общества внутри региона, на его перспективы и т.д. Многие научные статьи и публикации в сети интернет затрагивают вопрос инвестиций в широком масштабе: инвестиционная политика рассматривается в них как неотъемлемая часть экономики государства. Основная направленность инвестиционной деятельности – это целесообразное и эффективное вложение капитала, позволяющее получать и увеличивать прибыль, а также достигать социальных, экономических и экологических эффектов.

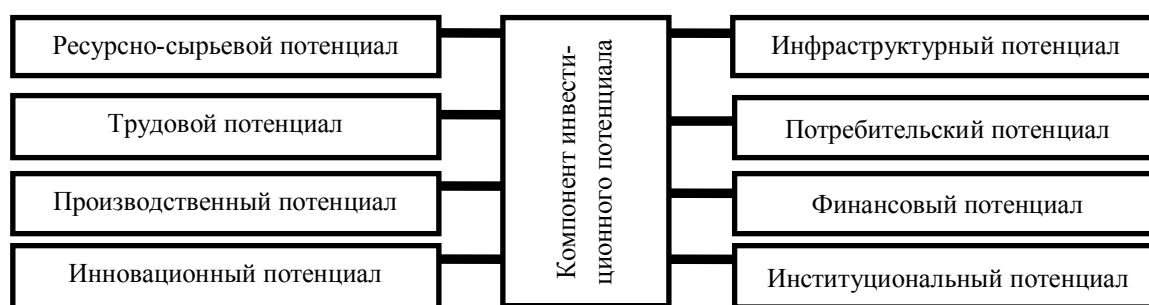
Актуальность изучения инвестиционного потенциала как результата социального благополучия региона обусловлена тем, что в настоящее время региональная социально-экономическая политика неразрывно связана с инвестиционной привлекательностью территории и включает в себя совокупность политических, экономических, организационных, правовых, социальных, культурных аспектов регионального развития, указывающих на уровень инвестиционного потенциала того или иного региона.

Разнообразная литература и научные исследования, посвященные инвестиционной политике, не содержат единой точки зрения относительно сущности рассматриваемого понятия. Например, А.Г. Третьяков трактует понятие «инвестиционная привлекательность» как систему или совокупность различных объективных признаков, возможностей и средств, которые обуславливают потенциальный спрос на инвестиции в тот или иной регион [2]. Л.Н. Чечевицына отметила инвестиционную привлекательность в качестве условия вложения капитала, гарантий и привлекательности вложений, которые создает государство и компании. А.В. Воронцовский говорит об инвестиционной привлекательности как о степени вероятности достижения поставленных целей инвестирования, характеризующихся индивидуальными ожиданиями инвесторов [2].

Тем не менее, в литературе существует еще множество различных подходов и понятий, определяющих суть инвестиционной привлекательности, но, по нашему мнению, инвестиционная привлекательность региона представляет собой совокупную характеристику перспектив, выгодности, эффективности и минимальный уровень риска от вложения инвестиций в развитие региона за счет средств инвесторов и собственных региональных средств.

Основными компонентами, или составляющими инвестиционной привлекательности, являются потенциал и риск. Говоря об инвестиционном потенциале, следует отметить, что данный компонент отражает комплекс инвестиционных ресурсов, которые составляют накопительную часть капитала, представленную на инвестиционном рынке в качестве потенциального инвестиционного спроса. При этом спрос способен превратиться в реальный инвестиционный спрос, впоследствии ведущий к удовлетворению материальных, финансовых и интеллектуальных потребностей воспроизводства капитала [1].

В рамках инвестиционной привлекательности инвестиционный потенциал следует рассматривать как комплекс инвестиционных ресурсов, включающих в себя условия инвестирования, при которых потенциальный инвестиционный спрос превращается в реальный инвестиционный спрос конкретного экономического региона. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что инвестиционный потенциал – это не только составляющий компонент инвестиционной привлекательности, но и совокупный показатель, характеризующий уровень развития региона от экономики до экологии. На рисунке представлены компоненты инвестиционного потенциала региона.

Компоненты инвестиционного потенциала региона [2]

Исходя из схемы, представленной на рисунке, можно увидеть, что компоненты инвестиционного потенциала отражают все стороны жизнедеятельности общества, а следовательно, при достаточно высоких показателях каждого из отмеченных потенциалов можно говорить о социальном благополучии региона. Социальное благополучие региона представляет собой общественное явление, которое детерминировано повседневными условиями жизнедеятельности людей в ходе удовлетворения потребностей, реализации жизненных целей и планов, а также социального ожидания.

Таким образом, ресурсно-сырьевой потенциал характеризует показатель обеспеченности региона основными видами природных ресурсов. Трудовой потенциал отражает состояние трудовых ресурсов в регионе, а также образовательный уровень населения региона. Производст-

венный потенциал является результатом хозяйственной деятельности того или иного региона. Соответственно, финансовый потенциал отражает прибыльность региональных предприятий, а также объемы налоговой базы. Наличие инфраструктурной обеспеченности и выгодное экономико-географическое положение свидетельствуют об инфраструктурном потенциале, а потребительский потенциал характеризует покупательскую способность населения.

Второй компонент инвестиционной привлекательности – это риск. Если потенциал отражает положительные результаты для инвестиционной привлекательности, то риск, напротив, характеризует возможные потери инвестиций и дохода от их вложения [3].

Социальное благополучие населения характеризуется экономическими, политическими, криминальными, законодательными, политическими и другими показателями. Поскольку инвестиционный риск является качественной характеристикой, то он отражает тенденции экономического развития региона, уровень сбалансированности финансов предприятий и регионального бюджета, уровень преступности в регионе, степень социальной напряженности, а также оценивает ситуацию в экологической сфере, в частности, уровень радиационного загрязнения и состояние окружающей среды.

Аргументировать тот факт, что инвестиционный потенциал следует рассматривать как результат социального благополучия региона, можно на примере рейтинга инвестиционной привлекательности регионов РФ. В 2019 году рейтинговым агентством был запущен проект «Лучшие практики привлечения инвестиций в регионы» [4]. Цель данного проекта состояла в выявлении и презентации максимально эффективных управленческих решений, направленных на привлечение инвестиций для перспективного и долговременного развития экономики в регионах России. В таблице представлены показатели инвестиционного потенциала в некоторых регионах России.

Согласно исследованиям в рамках проекта, максимальным инвестиционным потенциалом и минимальным риском обладают такие регионы, как Московская область, Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край. Средним потенциалом и минимальным риском обладают Белгородская область, Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области.

Инвестиционный потенциал регионов России в 2019 году [4]

Ранг потенциала		Ранг риска, 2019	Регион (субъект федерации)	Доля в общероссийском потенциале, 2019 год (%)	Изменение доли в потенциале, 2019 год к 2018 году (п.п.)	Изменение ранга потенциала, 2019 год к 2018 году
2019 год	2018 год					
1	1	7	г. Москва	14,6	0,115	0
2	2	1	Московская область	6,2	0,217	0
3	3	4	г. Санкт-Петербург	4,8	-0,146	0
4	4	11	Краснодарский край	2,9	-0,023	0
83	82	77	Еврейская авт. область	0,2	-0,002	-1
84	84	76	Республика Алтай	0,2	0,006	0
85	85	67	Ненецкий авт. округ	0,2	0,022	0

Пониженным инвестиционным потенциалом и минимальным риском обладают Воронежская, Курская, Липецкая, Рязанская области, а также Тульская, Тамбовская и Ленинградская области. В рейтинге инвестиционной привлекательности были отмечены регионы, обладающие низким потенциалом и экстремальным риском – это республики Дагестан, Ингушетия, Тыва, Чеченская Республика. Рейтинг был составлен исходя из показателей социально-экономического развития, географического положения, экологической ситуации и инфраструктурной составляющей [4].

Региональная инвестиционная политика реализует меры по привлечению инвестиций на уровне региона. Она является обособленной сферой деятельности региона, но осуществляется с учетом общегосударственной инвестиционной политики.

Таким образом, в заключение можно сделать вывод, что обеспечение инвестиционного потенциала, а следовательно, и минимизация инвестиционных рисков, возможно за счет создания благоприятных условий для ведения бизнеса, наличия необходимых объемов природных ресурсов и выгодного географического положения. Также следует отметить, что инвестиционный потенциал отражает все аспекты социального благополучия населения в регионе, а социальный риск определяет качественные показатели инвестиционной привлекательности региона.

Литература

1. Булгакова В.С., Кудринская К.В., Ревякина В.Я., Рощупкина С.Н. Статистический анализ инвестиционной привлекательности регионов Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 25. С. 181–186.
2. Катищин Д.С., Менский А.В. Инвестиционная привлекательность региона: основные характеристики и факторы формирования // NovaInfo. 2018. № 27 (1).
3. Ларченко О.В., Дорофеева Т.В. Инвестиционный потенциал региона как важная составляющая инвестиционной привлекательности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2531–2535.
4. Международный проект «Лучшие практики привлечения инвестиций в регионы» [Электронный ресурс]. URL: <https://raex-a.ru/project/regcongress/2019/conference>

Институциональные аспекты экономики совместного потребления

Institutional Issues of Sharing Economy (DOI: 10.34773/EU.2020.5.33)

Г. ГИМРАНОВ

Гимранов Герман Артемович, аспирант кафедры общей экономической теории Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: ggimranov@yandex.ru

Статья посвящена институциональным аспектам возникновения и функционирования экономики совместного потребления. Экономика совместного потребления рассматривается как пример успешной трансплантации экономического института. Обсуждается эволюция института доверия в рамках экономики совместного потребления.

Ключевые слова: институт доверия, институциональная экономика, экономика совместного потребления.

The article is devoted to the institutional issues of sharing economy emergence and functioning. Sharing economy is considered as successful example of economic institution transplantation. Institution of trust evolution in the sharing economy system is discussed.

Key words: institution of trust, institutional economics, sharing economy.

По мнению Сэмюэля Хантингтона, институты – это устойчивые, несущие в себе ценность, повторяющиеся модели поведения. Институты имеют отношение к механизмам, которые управляют поведением группы людей в рамках данного сообщества. Кроме того, институты отождествляются с социальной целью посредством установления правил, регулирующих такое поведение. Институт – это не только форма поведения, это и целостная система правил, структурирующих социальные взаимодействия.

Характер и природа любого экономического института, определяемого как общественно признаваемая форма коллективной экономической деятельности, формируются материальными условиями, без которых такой институт не существует [2].

Согласно институциональной теории, с наибольшей вероятностью общественная собственность возникает в ситуации, при которой спецификация и защита частных прав собственности чрезвычайно дороги с точки зрения издержек. Таким образом, если институт общественной

собственности является более эффективным (для данного сообщества как целого) для решения хозяйственных задач, то его формирование происходит существенно более быстрыми темпами [3].

В этом смысле экономика совместного потребления, обладающая некоторыми схожими с институтом общественной собственности чертами (в числе которых, например, отказ от владения определенным видом собственности, таким, как автомобиль), также сформировалась в условиях (например, современного большого города), когда она стала являться более эффективным средством решения целого ряда задач (перемещения, временного проживания и т.д.)

Необходимо напомнить, что совместное потребление как явление основано на совместном использовании недоиспользуемых активов в среде, действующей согласно сетевым принципам организации. Примерами компаний, в основе которых лежит принцип совместного потребления, являются, в частности, BlaBlaCar, работающая на рынке совместных поездок, или же Airbnb, функционирующая на рынке краткосрочной аренды жилья.

Экономика совместного потребления как бизнес-модель действительно уникальна, и за счет своих принципов она несет особую ценность для фирмы, человека и общества. Уникальность эта достигается за счет совокупности экономического, социального и экологического эффектов. Данные эффекты представляют научный и практический интерес, и этой теме посвящены работы различных исследователей.

В России исторически материально-технологическая среда характеризовалась коммунальностью. Такая среда способствовала развитию институтов общественной собственности. Поэтому экономика совместного потребления легко вошла в жизнь российского общества и получила быстрое развитие за короткий промежуток времени.

Современные экономические институты были сформированы в процессе многовековой эволюции. Механизм институционального развития напоминает биологическую или технологическую эволюцию. Механизм такого развития предполагает создание инноваций, отбор эффективных институтов и их распространение путем имитации.

Благодаря процессам глобализации, а также расширению и углублению контактов между странами выросла роль имитации. Трансплантацией институтов называется процесс заимствования институтов из одной институциональной среды в другую (в частности, из одной страны в другую). Трансплантация того или иного института открывает множество новых возможностей для участников экономических систем. Возникает широкий спектр стратегий, учитывающих новые институциональные рамки.

В процессе трансплантации выделяются следующие базовые стадии: 1) поиск трансплантата и выбор стратегии для трансплантации; 2) создание инфраструктуры, необходимой для осуществления трансплантации (например, разработка новых законов); 3) принятие мер, которые могут облегчить адаптацию контрагентов к трансплантируемому институту [5].

Само появление и развитие экономики совместного потребления в России можно рассматривать в качестве примера процесса трансплантации института. Причем в отличие от трансплантации основополагающих институтов рыночной экономики, проводившейся в нашей стране в начале 90-х годов прошлого века с существенным запозданием от развитых европейских и североамериканских стран, трансплантация экономики совместного потребления произошла с минимальным временным отставанием и в короткие сроки.

В качестве трансплантата может выступать как действующий институт некой страны, так и существовавший в прошлом. В частности, трансплантация экономики совместного потребления в России базируется и на историческом опыте. Здесь можно привести в качестве примеров общинное владение землей, а также проживание целых поколений советских людей в коммунальных квартирах. В ту же советскую эпоху из-за нехватки потребительских товаров было широко распространено одалживание у родственников или соседей различных бытовых предметов.

В рамках экономики совместного потребления произошел возврат к общественным ценностям, которые взывают к важности социального взаимодействия. И экономика, основанная на

новых принципах организации и функционирования, этому способствует. Такая инновационная экономика рассматривается некоторыми специалистами как ретроспектива с точки зрения человеческих ценностей. Опираясь на пример действий наших предков, которые придерживались формы примитивного совместного потребления путем торга и обмена, мы обнаруживаем меняющиеся ценности общества, вызванные тенденциями совместного использования ресурсов.

Для успешного проведения трансплантации необходимо наличие специфической институциональной инфраструктуры. Обычно подобная инфраструктура состоит из вспомогательных и промежуточных институтов или организаций.

Говоря об экономике совместного потребления, можно отметить, что ее трансплантация в России базируется на широком распространении мобильных устройств, мобильного интернета, онлайн-платежей и других технических и технологических достижениях последних десятилетий.

Технологические достижения, появившиеся в том числе благодаря сети интернет, способствовали усложнению и безграничному развитию новых экономических отношений. В них вовлечены социальные сети, мобильные устройства, платформы, а также платежные системы. Доступ ко всем этим взаимодействующим компонентам, связанным с интернетом, явился одним из ключевых факторов развития и значимости системы новых экономических отношений.

В том случае, если трансплантация проходит успешно, то за достаточно небольшой промежуток времени институт адаптируется к новой среде. Он начинает выполнять в новой стране роль, аналогичную той, что выполнял в экономике-доноре. Экономика совместного потребления служит примером успешной трансплантации в России. Идеи шеринга легко входят в жизнь российского общества. Например, «Делимобиль» уже через несколько месяцев после запуска в крупных региональных городах увеличил автопарк в этих городах более чем в 2 раза. Сегодня все большее число россиян использует для перемещения между городами сервис BlaBlaCar как альтернативу автобусному и железнодорожному сообщению. Где-то такой вид перемещения существенно повлиял на качество перевозок, поскольку традиционные муниципальные и государственные виды внутри- и межрегиональных перевозок были развиты очень слабо.

Одной из основных особенностей функционирования экономики совместного потребления является развитие института доверия как одного из оснований современной экономики. Известно, что в странах с высоким уровнем доверия уровень преступности и коррупции низкий. Компании со здоровой репутацией работают лучше и нанимают более талантливых сотрудников.

Изучение доверия как социального института связано с понятием оппортунизма, который О. Уильямсон определяет как преследование личного интереса с использованием коварства [4].

Рост экономики совместного потребления усложнил содержание понятия «доверие». В первую очередь изменилась психология индивидов, которые стали доверять самой концепции совместного использования автомобиля, квартиры и т.д. Такие изменения произошли в том числе благодаря тому, что в различных приложениях и системах, работающих в экономике совместного потребления, точно описаны товары или услуги, отображены оценки пользовательских отзывов. Все эти элементы в совокупности обеспечивают высокий уровень доверия клиента сервису и тем, кто оказывает услуги.

Экономика совместного потребления способствует усилению доверия людей друг к другу, возврату к человечности и сплоченности. Экономика совместного потребления функционирует только, если все участники действуют в атмосфере уважения и взаимного доверия.

Информационная открытость и двусторонняя рейтинговая система являются ключевыми факторами в сохранении и улучшении качества услуг экономики совместного потребления. Система двусторонней оценки означает, что оценки друг другу оставляют и те, кто услугой пользуется, и те, кто услугу предоставляет (например, и пассажир автомобиля в сервисе BlaBlaCar, и водитель автомобиля этого же сервиса). Таким образом, у обеих сторон есть мотивация действовать профессионально, быть пунктуальными и уважительно относиться друг к другу. Рейтинговая система устраняет тех участников, которые плохо работают и которые причиняют остальным неудобства [1].

Таким образом, возникают два взаимосвязанных процесса. Экономика совместного потребления, возникнув и развиваясь, способствует эволюции института доверия. С другой стороны, трансформировавшийся институт доверия, базируясь на широком использовании информационных технологий, ускоряет вовлечение все большего числа участников в систему экономики совместного потребления, что в свою очередь влечет дальнейшее расширение сфер влияния и развитие последней.

Литература

1. Гимранов Г.А. Шеринг-экономика как вид современного потребления на примере сервисов совместных поездок // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. № 1. С. 134–137.
2. Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // СОЦИС. 2003.
3. Кирдина С.Г. Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития // Общественные науки и современность. 1999. № 6.
4. Лигновская Т.А., Сазанова С.Л. Институт доверия как основание современной экономики // Вестник университета. 2015. № 13.
5. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.

.....

Учредители:

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (издатель), Башкирский государственный университет, Уфимский государственный нефтяной технический университет (типография)

Адрес издателя (БАГСУ):

450008, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 40.
Тел. (347) 272-10-77. E-mail: bagsu@bagsurb.ru

Адрес редакции:

450057, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Цюрупы, 6, к. 402.
Тел. (347) 273-87-32. E-mail: ekonuprav@ufanet.ru
<http://www.inefb.ru/econuprav-ufa>

Адрес типографии (РИЦ УГНТУ):

450064, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Космонавтов, 1.
Тел. (347) 243-19-73. E-mail: polegaln@mail.ru

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 18,0. Тираж 300 экз. Свободная цена.
Заказ № 121. Подписано в печать 09.10.2020 (выход в свет – 27.10.2020).